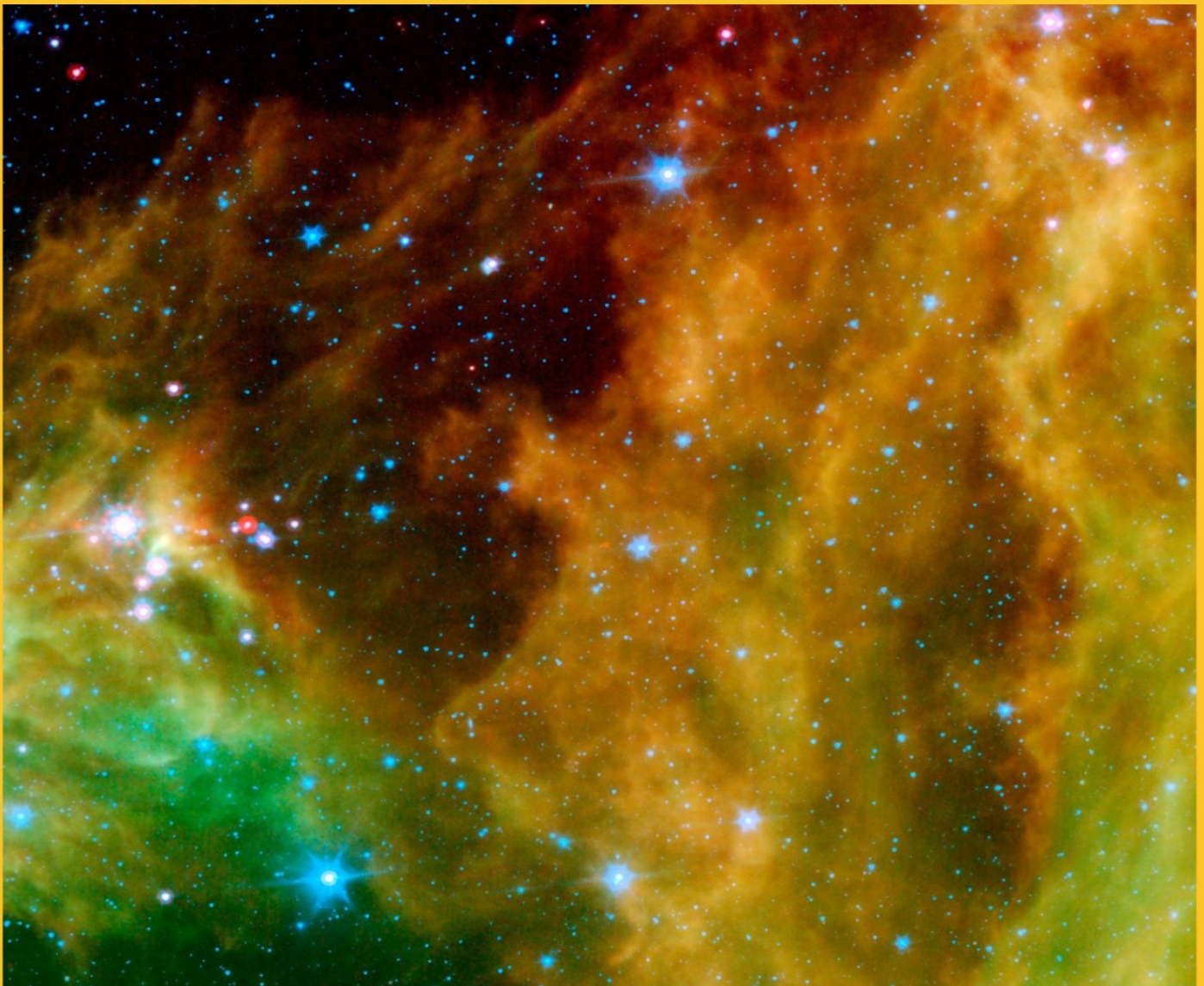

DECEMBER 2025 | ISSUE #12(1.1)

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF PROFESSIONAL
SCIENCE**

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №12(1.1) - 2025. 138 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2025

Article writers, 2025

Scientific public organization
“Professional science”, 2025

Table of contents

INTRODUCTION	5
ECONOMICS AND MANAGEMENT	6
Avagyan M. G. Forecast of accounts receivable of PJSC Gazprom.....	6
Avagyan M.G. The essence of use of lease, economic assessment of its application	12
Gladskikh N.A., Bogacheva E.V., Piskovtseva E.I., Popova A.A. Statistical analysis of the economic security indicators of the Voronezh Region in the "Socio-economic development" projection	18
Melnichenko T. Yu., Yusichenko S.S., Yusichenko K.S., Prokina K.S. An anti-crisis management plan as a tool for sustainable development of a municipality: the example of the Lyudinovsky district of the Kaluga region	26
Popov Y.A. Current methods of personnel management and socio-psychological climate in the framework of improving the efficiency of a modern organization.	36
Popova J.A. Modern organizational and methodological aspects of the preparation of consolidated financial statements.....	47
Terenteva T.O., Martinova O.A., Nazarova N. I. The problem of gender inequality in the labor sphere using the example of the analysis of non-financial reporting of Russian companies.....	57
INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES AND DIPLOMACY	66
Nochvina B.A., Panasenکو A.I., Pigolitsyna J.V. Economic relations Between China and the Republic of Korea in the period of the late XX-early XXI century: development prospects	66
JURISPRUDENCE AND LAW	76
Ivasheva I.V., Golovastova Y.A. Problems of electronic monitoring of persons sentenced to restriction of freedom	76
Ivasheva I.V., Golovastova Y.A. Problems of Executing Probationary Sentences for Individuals without a Permanent Residence	82
Khaleev A.A. The impact of the 2020 constitutional reform on the regulation of labor relations in Russia.....	88
Krapivina D.A. Legal aspects of trademark abuse	100
Kraynov A.V. Analysis of Russian legislation regulating autonomous maritime shipping	112
Murzakanova D.Kh., Mashukova E.M. Esport athlete as a subject of labor law: challenges of the digital age for the Russian labor code.....	120
SOCIAL WORK AND SOCIAL POLICY	124
Karpovich V., Zys T. Strategic Directions for Improving the Public-Private Partnership Mechanism in the Development of Urban Social Infrastructure	124
CONCLUSION	137

INTRODUCTION

We are pleased to present the latest issue of the International Journal of Professional Science, No. 12(1), which, as always, brings together a wide range of relevant research and analytical materials. This issue is devoted to the multifaceted aspects of the modern world, covering key areas such as economics and management, international relations and diplomacy, jurisprudence and law, as well as social work and social policy. The articles presented reflect the authors' commitment to deeply understanding current challenges and finding effective solutions.

In the **"Economics and Management"** section, readers will find studies on forecasting accounts receivable of large enterprises, analyzing regional economic security, the impact of constitutional reform on labor relations, as well as municipal crisis management and modern HR management methods. Special attention is paid to issues of gender inequality in the workplace, emphasizing the social significance of economic research. The **"International Relations and Diplomacy"** section offers an in-depth analysis of economic relations between China and the Republic of Korea, predicting their development prospects. The **"Jurisprudence and Law"** section addresses pressing and relevant topics, ranging from issues of electronic monitoring and the enforcement of suspended sentences to the legal aspects of trademark abuse and the regulation of autonomous maritime shipping. Of particular interest is the article on eSports athletes as subjects of labor law, demonstrating the response of legal thought to the challenges of the digital age. Finally, the **"Social Work and Social Policy"** section highlights strategic areas for improving public-private partnerships in the development of urban social infrastructure, demonstrating the importance of joint efforts to improve quality of life.

We are confident that this issue will be a valuable resource for specialists, researchers, students, and anyone interested in the development of professional science and its applied implications.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

UDC 33

Avagyan M.G. Forecast of accounts receivable of PJSC Gazprom

Прогноз дебиторской задолженности ПАО «Газпром»

Avagyan Maria Gaikovna

Master's Degree Student,
Department of Industrial Economics and Natural Resources Management,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation
Авагян Мария Гайковна
магистрант,
кафедра отраслевой экономики и управления природными ресурсами,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Abstract. In this article, we will consider forecast options for PJSC Gazprom's accounts receivable for 2025-2027. Three forecasting methods will be used: least squares, Delphi, and standard. Comparing the results obtained by these different methods will allow for a balanced and informed forecast. The standard method will estimate accounts receivable turnover based on standards and the company's revenue. The Delphi method compares expert forecasts to reach a consensus. The least squares method will help identify underlying statistical trends and construct a linear trend.

Keywords: accounts receivable, Delphi method, normative method, least squares method

Аннотация. В данной статье рассмотрим варианты прогноза дебиторской задолженности ПАО «Газпром» на 2025-2027 гг. Для прогноза будет использовано три метода: наименьших квадратов, Дельфи и нормативный. Сравнение результатов, полученных разными методами, позволит сформировать сбалансированный и обоснованный прогноз. Нормативный метод позволит оценить оборачиваемость задолженности на основе нормативов и выручки компании. Метод Дельфи предусматривает сопоставление прогнозов экспертов для получения консенсуса. Метод наименьших квадратов поможет выявить базовые статистические тенденции и построить линейный тренд.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, метод Дельфи, нормативный метод, метод наименьших квадратов

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Начнем прогнозирование с метода наименьших квадратов. В рамках прогнозирования остановимся на показателях выручки и дебиторской задолженности (ДЗ) ПАО «Газпром», для этого спрогнозируем эти показатели на три года вперед, т.е. на период 2025–2027 гг.

Для этого используем инструмент «Лист прогноза» в программе Excel и представим полученные результаты в таблице 1 [1].

Таблица 1

Прогнозные значения объема выручки и ДЗ ПАО «Газпром» за 2025–2027 гг.

Наименование показателя	Значение показателя по годам		
	2025	2026	2027
Объем ДЗ, трлн р.	3,07	3,17	3,27
Выручка, трлн р.	11,49	13,37	13,15

Объем ДЗ ПАО «Газпром» в 2025 г. на основе прогноза должен составить 3,07 трлн р., при объеме выручки 11,49 трлн р. Графически прогноз будет выглядеть следующим образом (см. рис. 2.1 и 2.2).

Рис. 1. Прогнозируемый объем ДЗ ПАО «Газпром» за 2025–2027 гг., трлн р.

Рис. 2. Прогнозируемый объем выручки предприятия ПАО «Газпром» за 2025–2027 гг., трлн р.

Прогноз ДЗ имеет положительную тенденцию, но выручка по прогнозу в 2027 г. меньше, чем в 2026 г. Возможно учтены геополитические факторы, которые напрямую влияют на поставки газа, следовательно и на выручку в целом.

Перейдем к методу Дельфи, который фокусируется на экспертных суждениях, а не на математических моделях. Для этого собраны мнения экспертов:

- Эксперт 1 (консервативный, из S&P): «ДЗ вырастет умеренно из-за санкций».
- Эксперт 2 (оптимистичный, из Bloomberg): «Рост за счет азиатского спроса».
- Эксперт 3 (пессимистичный, из Moody's): «Падение из-за энергетического кризиса».
- Эксперт 4 (российский аналитик, «ВТБ»): «Стабильность с диверсификацией».

Рассмотрим сценарии: базовый сценарий, эксперты дали диапазон 4 000–4 500 млрд руб. к 2027 году (среднее 4 200), оптимистический: 4 500–5 000 (среднее 4 700), пессимистический: 3 500–4 000 (среднее 3 800).

Предположения для прогноза

- EBITDA: «Рост на 5–10 % (зависит от цен на газ 300–400 долл./тыс. м³)».
- CAPEX: 1 500–1 800 млрд р. (инвестиции в СПГ, несмотря на риски).
- Процентные ставки: 5–7 % (рост из-за глобальной инфляции).
- Геополитика: «Санкции снижают доступ к кредитам, но диверсификация (Азия) компенсирует».

На основе заключения экспертов рассмотрим прогноз ДЗ, млрд р:

Базовый сценарий (умеренный рост, вероятность 50 %):

- Эксперты согласны: ДЗ вырастет за счет стабильных доходов и инвестиций.
- 2025: ~3 950 млрд р.
- 2026: ~4 200 млрд р.
- 2027: ~4 450 млрд р.

Оптимистический сценарий (рост цен на газ, вероятность 30 %):

- Эксперты видят потенциал в АТР, повышая EBITDA на 15 %.
- 2025: ~4 100 млрд р.
- 2026: ~4 400 млрд р.
- 2027: ~4 700 млрд р.

Пессимистический сценарий (падение цен и санкции, вероятность 20 %):

- Эксперты предупреждают о рисках: снижение EBITDA на 10 %, рост ставок.
- 2025: ~3 800 млрд р.
- 2026: ~3 900 млрд р.
- 2027: ~4 000 млрд р.

Базовый сценарий наиболее вероятен, с ДЗ около 4 450 млрд р. к 2027 году. Газпрому стоит фокусироваться на управлении рисками ДЗ через хеджирование валютных рисков и увеличение доли СПГ-экспорта. Метод Дельфи подчеркивает важность экспертного консенсуса для учета неопределенности.

Последним методом будет нормативный, для него рассмотрим коэффициент оборачиваемости ДЗ и средний период оборачиваемости ДЗ.

Коэффициент оборачиваемости ДЗ — это нормативный показатель, отражающий, сколько раз объём дефицита бюджета (ДЗ) «оборачивается» за счёт поступлений (доходов бюджета). В бюджетном планировании он рассчитывается разностью выручки и ДЗ.

Нормативный диапазон: от 2,5 до 4 (т.е. поступления должны покрывать ДЗ в 2,5–4 раза, что обеспечивает устойчивость бюджета и минимизирует риски). Это типичный норматив для региональных или федеральных бюджетов, основанный на принципах эффективности. Рассмотрим фактические данные показателя для дальнейшего прогноза (см. табл. 2) [1].

Таблица 2

Фактические значения показателей оборачиваемости ДЗ ПАО «Газпром» за 2014–2024 гг.

Наименование показателя	Значение показателя по годам										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Коб. ДЗ	2,9	2,4	3,4	3,7	3,9	4,1	2,9	3,1	4,0	3,3	3,8
Ср. пер., дн.	127,9	151,3	107,7	99,8	94,2	89,4	125,6	117,5	90,4	110,9	96,7

Исходя из анализа оборачиваемость ДЗ в компании имеет положительную динамику за последние два года. Значение находится в пределах нормативного показателя и компании необходимо удерживать значения. Спрогнозируем на основании нормативных показателей необходимые объемы дебиторской задолженности и выручки (см. табл. 3)

Таблица 3

Прогнозные значения объема выручки и ДЗ ПАО «Газпром» за 2025–2027 гг.

Наименование показателя	Значение показателя по годам		
	2025	2026	2027
Объем ДЗ, трлн р.	2,8	2,85	2,9
Выручка, трлн р.	11,0	11,2	11,5
Коб. ДЗ	3,9	3,9	4,0

Метод объективен, учитывает нормы и тренды (рост поступлений снижает риски дефицита). В 2025–2027 ДЗ остаётся управляемым, без нарушения нормативов.

Прогнозы дебиторской задолженности на 2025–2027 гг. по разным методам дают диапазон 2,8–4,45 трлн р.

Метод наименьших квадратов: 3,07–3,27 трлн р. (выручка 11,49–13,15 трлн р., с замедлением в 2027 г. из-за геополитики).

Метод Дельфи (экспертный консенсус): базовый сценарий 3,95–4,45 трлн руб. (вероятность 50 %), с учетом роста EBITDA (5–10 %) и рисков санкций.

Нормативный метод ($K_{об} = 3,9–4,0$): 2,8–2,9 трлн р. (выручка 11–11,5 трлн р.), обеспечивая устойчивость в пределах норм.

В целом, ДЗ ПАО «Газпром» остается управляемым активом, поддерживающим рост, но подверженным внешним рискам. Рекомендуется усилить мониторинг просрочек, диверсифицировать рынки.

References

1. Официальный сайт ПАО «Газпром» [Электронный ресурс] – URL: ПАО «Газпром»/

UDC 33

Avagyan M.G. The essence of use of lease, economic assessment of its application

Сущность использования аренды, экономическая оценка ее применения

Avagyan Marina Gaikovna

Bachelor's degree,
Department of Industrial Economics and Natural Resource Management,
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation
Авагян Марина Гайковна
бакалавр,
кафедра отраслевой экономики и управления природными ресурсами,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Abstract. This article introduces the concept of a lease. It provides a detailed analysis of the structure of a lease agreement, the economic evaluation of its application, and the factors that influence leases.

Keywords: rent, rent, tenant, landlord.

Аннотация. В данной статье вводится понятие аренды. В статье подробно анализируется структура договора аренды, экономическая оценка применения аренды, а также факторы, которые влияют на аренду.

Ключевые слова: аренда, арендная плата, арендатор, арендодатель.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Понятие «аренда» представляет собой возмездную передачу какой-либо собственности во временное пользование и владение арендатору. В истории российской экономики арендные отношения в производственной сфере возродились в период реформ — в 90-ые годы прошлого столетия. Арендные отношения рассматривались как альтернатива приватизации.

Рассматривая сущность данного понятия в соответствии с Гражданским кодексом, можно определить термин «аренда» как передачу арендодателем арендатору имущества во временное владение и пользование. Отношения арендодателя и арендатора устанавливаются договором аренды, общие принципы которого регулируются ст. 607 ГК РФ [1]. Статья 606 Гражданского кодекса РФ определяет договор аренды как договор, по которому арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

Рассматривая правовую сторону договора аренды, договор считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по его существенным условиям.

Передача сданного в аренду имущества арендатору представляет собой исполнение заключенного и вступившего в силу договора аренды со стороны арендодателя. Этот нюанс имеет важное значение в том плане, что уже после подписания договора для сторон может наступать предусмотренная договором ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора, в том числе за непередачу имущества в пользование или неуплату арендных платежей. В то же время соглашение, по которому будут осуществляться только арендные платежи, а имущество в пользование так передано и не будет, не исключено, что может быть переквалифицировано в другой вид договора или признана недействительной [4].

Арендные операции оказывают прямое влияние на имущественное состояние и финансовые результаты деятельности организации и косвенное — на сумму уплачиваемых ею в бюджет и внебюджетные фонды налоговых платежей. В связи с этим возникает необходимость в получении достоверных сведений о величине и структуре арендных операций.

Аренда допускается во всех отраслях экономики и может применяться в отношении имущества всех форм и видов собственности.

В аренду могут быть переданы:

- земли и другие природные ресурсы;
- предприятия (объединения), организации, структурные единицы объединений, производства, цехи, иные подразделения предприятий, организаций;
- отдельные помещения, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, сельскохозяйственная техника, инвентарь, инструмент, другие материальные ценности;
- рабочий скот.

Право сдачи имущества в аренду принадлежит собственнику. Арендодателями могут быть органы и организации, уполномоченные собственником сдавать имущество в аренду. Землю и другие природные ресурсы в аренду сдают местные органы власти.

Арендаторами могут быть юридические и физические лица, совместные предприятия, международные объединения и организации с участием белорусских и иностранных юридических лиц, а также иностранные государства, международные организации.

Основным документом, регламентирующим отношения арендодателя с арендатором, является договор аренды. Договор аренды заключается на началах

добровольности и полного равноправия сторон. Договоры аренды земли и других природных ресурсов подлежат регистрации.

В договоре аренды предусматриваются:

- выполнение договорных обязательств;
- состав и стоимость передаваемого в аренду имущества, порядок его передачи;
- размер и порядок формирования арендной платы, срок аренды;
- распределение обязанностей сторон по полному восстановлению и ремонту арендованного имущества;
- обязанность арендодателя предоставить арендатору имущество в состоянии, соответствующем условиям договора;
- обязанность арендатора пользоваться имуществом в соответствии с условиями договора, вносить арендную плату и возвратить имущество после прекращения договора арендодателю в состоянии, обусловленном договором;
- право арендатора на выкуп арендованного имущества.

В договор аренды земли и других природных ресурсов включаются также обязанности арендатора по рациональному использованию природного объекта в соответствии с его целевым назначением.

Арендная плата устанавливается договором как часть материальных затрат арендатора, включаемая в себестоимость продукции (работ, услуг), и как доход арендодателя. Арендная плата может устанавливаться на все арендованное имущество в совокупности или отдельно по каждому объекту. При аренде предприятий (объединений), зданий и сооружений в состав арендной платы может включаться плата за землю и другие природные ресурсы.

Экономическая выгодность аренды как для арендодателя, так и для арендатора во многом зависит от размера арендной платы. Порядок, условия и сроки внесения арендной платы определяются договором аренды. Важнейшим условием деятельности на рынке недвижимости является полное и своевременное исполнение договорных обязательств.

Структура стандартного договора аренды недвижимого имущества представлена на рис. 1.1.

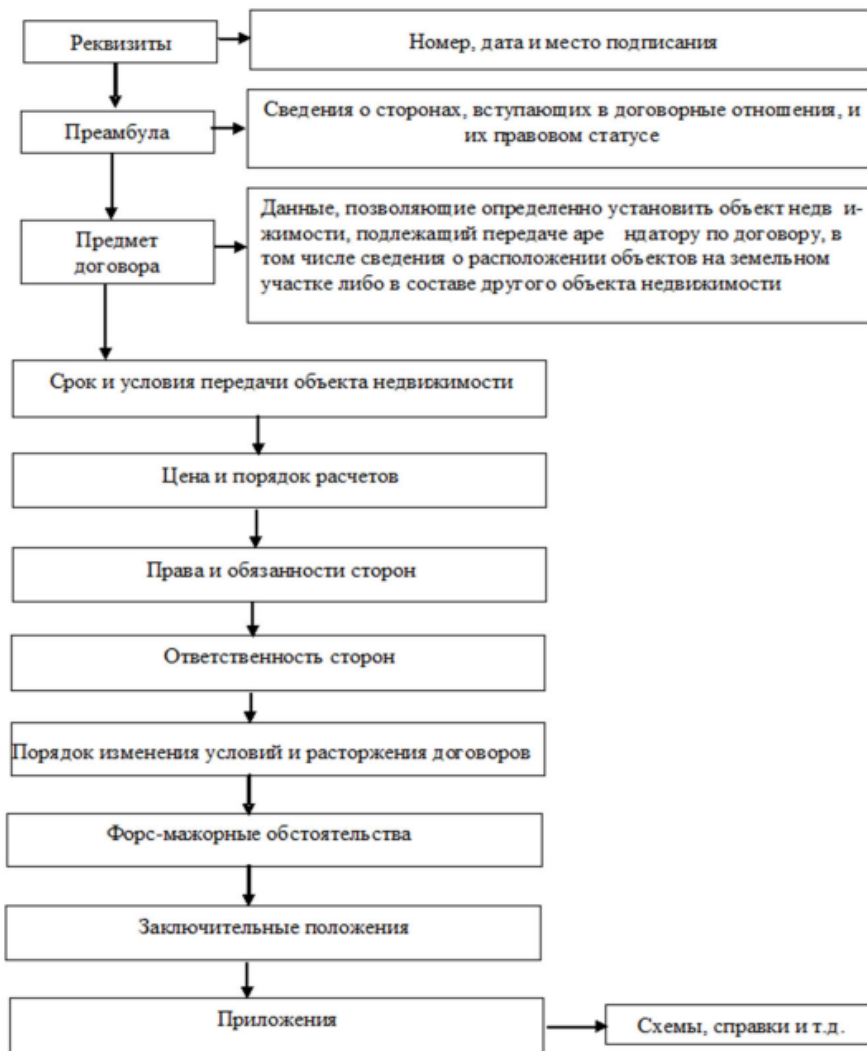

Рис. 1.1. Структура договора аренды [12]

В предмете договора должны быть указаны официальные характеристики объекта недвижимости, полученные из сведений Единого государственного реестра недвижимости (кадастровые сведения), такие как площадь, кадастровый номер и другие [6].

Размер арендной платы также определяется договором аренды недвижимого имущества.

Арендная плата устанавливается за все арендуемое имущество в целом или отдельно по каждой его составной части. Согласно договору, размер арендной платы может изменяться по соглашению сторон в сроки, определенные договором, но не чаще одного раза в год. В предусмотренных законом случаях стороны могут использовать фиксированные ставки арендной платы, устанавливаемые государственными органами.

А также могут устанавливать самостоятельно, исходя из своих расходов на помещение, а также исходя из экономической выгоды такого помещения [7].

В договоре аренды указывается не только годовая или ежемесячная арендная плата, но и периодичность внесения арендных платежей.

Если арендатор существенно и систематически нарушает сроки арендной платы, то арендодатель имеет право требовать досрочно:

- внесения арендной платы, но не более чем за два срока подряд;
- расторжения договора, если арендатор не вносит арендную плату более двух сроков подряд [8].

Ставка арендной платы напрямую зависит от арендных сделок в данном регионе (городе), т.е. от соотношения спроса и предложения на аренду данного вида имущества.

Кроме отмеченных рыночных факторов, ставка арендной платы на здания зависит от сопутствующих факторов, показанных на рис. 1.2.

Рис.1.2. Состав факторов, влияющих на ставку арендной платы здания [6]

Структура арендной платы зависит от того, как распределяются расходы по текущему ремонту арендуемого здания или помещения между арендодателем и арендатором.

Все текущие платежи по содержанию здания (отопление, освещение, уборка мусора, охрана, мелкий ремонт и т.п.) несет арендатор, поэтому эти расходы не включаются в арендную плату. На арендатора ложится риск ответственности за сохранность арендуемого имущества, поэтому он оплачивает страховые взносы по имущественному страхованию, компенсируя эти расходы через арендные платежи [13].

Главный элемент в арендной плате, который определяет выгодность арендной сделки для арендодателя — арендный процент. По экономическому смыслу арендный процент подобен банковскому проценту, он характеризует доход на вложенный капитал, передаваемый арендатору в виде имущества в натурально-вещественной форме.

Арендатор рассчитывает выгодность аренды помещения исходя из планируемого чистого дохода, который он может получить от бизнеса, развернутого в арендуемом помещении.

Сумма арендной платы рассчитывается методом остатка, т.е. как остаток от валового дохода за вычетом всех операционных затрат и прибыли. Следовательно, сумма арендной платы в год:

$$S_{ap} = B - \text{ЗОП} - П \quad (1.1)$$

где В — валовой доход (выручка);

ЗОП — текущие операционные затраты;

П — планируемая сумма прибыли.

Рассмотрим на примере расчет арендной платы по формуле 1.1. Данные для расчета: В = 2 000 000 р., ЗОП = 1 100 000 р., П=500 000 р. $S_{ap} = 2\,000\,000 - 1\,100\,000 - 500\,000 = 400\,000$ р. Остаток составляет 400 000 р., сумма арендной платы 330 000 р.

Следовательно, аренда является выгодной для организации.

References

1. Борисов Е. Ф. Экономика : учебник и практикум / Е. Ф. Борисов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 383 с.
2. Андреев А. Ф. Основы экономики и организации нефтегазового производства. Учебное пособие для студентов учреждений высшего образования. Гриф УМО вузов России / Андреев Александр Федорович. – Москва : Академия (Academia), 2014. – 499 с.
3. Игнатъев С.В. Основы экономики нефтегазовой отрасли. Учебное пособие / С.В. Игнатъев. Москва: МГИМО-Университет, 2017. – 370 с.
4. Грачева Р. Е. ПБУ «Учет аренды». Поговорим о хорошем // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. – URL: www.garant.ru
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) [Электронный ресурс]: справочная правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru/>

UDC 338.2

Gladskikh N.A., Bogacheva E.V., Piskovtseva E.I., Popova A.A.
Statistical analysis of the economic security indicators of the
Voronezh Region in the "Socio-economic development" projection

Статистический анализ индикаторов экономической безопасности Воронежской области в проекции «Социально-экономическое развитие»

Gladskikh Natalia Alexandrovna

Ph.D, Associate Professor
Department of Economic Security and Financial Monitoring
Voronezh State University of Engineering Technologies

Bogacheva Elena Vasilevna

Ph.D, Associate Professor
Department of Management in Health Care Department,
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Piskovtseva Ekaterina Igorevna

Senior Lecturer
Department of Economic Security and Financial
Monitoring Voronezh State University of Engineering Technologies

Popova Alina Alekseevna

2nd year student, group EB 41
Faculty of Economics and Management,
in the field of training economic security
Гладских Наталья Александровна
кандидат технических наук, доцент
кафедры экономической безопасности и финансового мониторинга
Воронежский государственный университет инженерных технологий
Богачёва Елена Васильевна
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры Управления в здравоохранении,
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
Писковцева Екатерина Игоревна
старший преподаватель
кафедры экономической безопасности и финансового мониторинга
Воронежский государственный университет инженерных технологий
Попова Алина Алексеевна
студентка 2 курса, группы ЭБ 41
факультета экономики и управления, по направлению подготовки
экономическая безопасность

Abstract. *In the current geopolitical and economic realities, the issues of ensuring the economic security of regions are of paramount importance. In the context of this article, the economic security of a region is considered as the state of protection of the economy from internal and external threats, which ensures sustainable socio-economic development, a decent standard of living for the population, and the preservation of economic independence. The article provides a statistical analysis of the economic security indicators of the Voronezh Region in the context of economic development to identify the current state, trends, and potential threats.*

Keywords: *economic security, comparative analysis, analysis of indicator dynamics, GRP, WOT analysis/*

Аннотация. *В современных геополитических и экономических реалиях вопросы обеспечения экономической безопасности регионов приобретают первостепенное значение. Экономическая безопасность региона, в контексте данной статьи, рассматривается как состояние защищенности экономики от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое социально-экономическое развитие, достойный уровень жизни населения и сохранение экономической самостоятельности. В статье проведен статистический анализ индикаторов экономической безопасности Воронежской области в проекции "экономическое развитие" для выявления текущего состояния, тенденций и потенциальных угроз.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, сравнительный анализ, анализ динамики индикаторов, ВРП (валовой региональный продукт), WOT-анализ.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Для анализа в работе рассматриваются следующие индикаторы, охватывающие ключевые аспекты экономического развития Воронежской области:

1. ВРП на душу населения: Характеризует уровень экономического развития и благосостояния населения.
2. Индекс потребительских цен (ИПЦ) на товары и услуги: Отражает уровень инфляции и стабильность цен.
3. Отношение объема инвестиций к ВРП: Показывает инвестиционную активность и потенциал для экономического роста.
4. Степень износа основных фондов: Отражает состояние производственной базы и необходимость ее обновления.
5. Доля убыточных предприятий: Характеризует финансовое состояние предприятий и эффективность их деятельности.
6. Оборот розничной торговли на душу населения: Показывает уровень потребительской активности и покупательной способности населения.

В ходе исследования нами использовались следующие методы:

1. **Анализ статистических данных:** сбор, обработка и анализ данных по выбранным индикаторам за период с 2020 по 2023/2024 гг. (в зависимости от наличия данных).

2. **Анализ динамики:** расчет темпов роста/снижения, выявление трендов и тенденций изменения индикаторов.

3. **Сравнительный анализ:** сопоставление показателей Воронежской области со средними значениями по России (данные предоставлены для некоторых показателей).

4. **Сравнение с пороговыми значениями:** оценка соответствия фактических значений индикаторов установленным пороговым значениям (указаны в таблице).

5. **SWOT-анализ:** оценка сильных и слабых сторон экономики.

Рассмотрим более подробно динамику и анализ индикаторов:

ВРП на душу населения: наблюдается устойчивый рост ВРП на душу населения в Воронежской области с 456,6 тыс. рублей в 2020 году до 655,6 тыс. рублей в 2023 году. Темпы роста опережают общероссийские показатели, что свидетельствует об успешном экономическом развитии региона. (рис. 1).

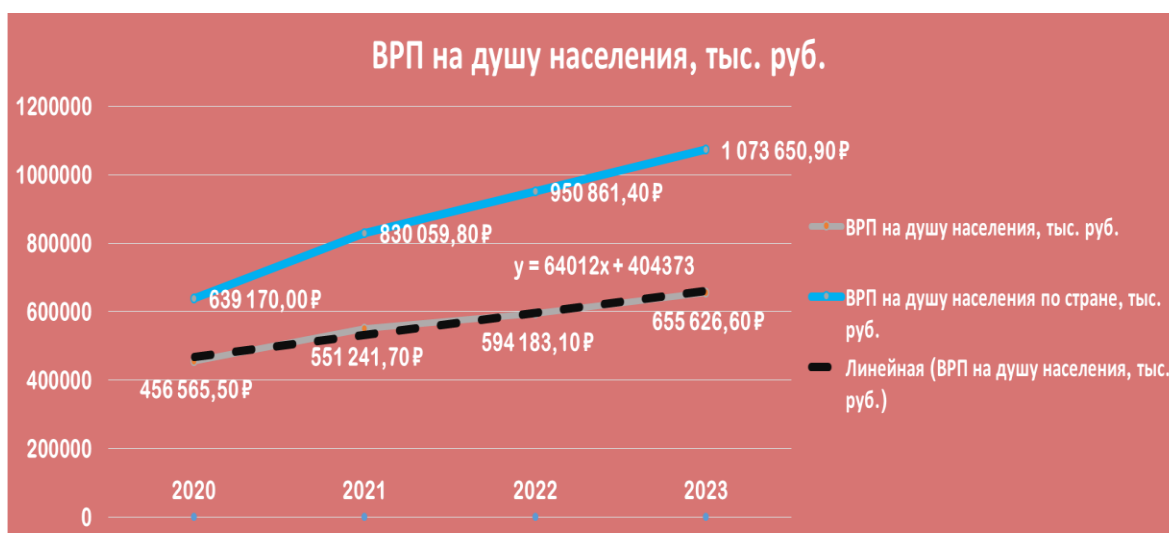

Рисунок 1. ВРП на душу населения

Индекс потребительских цен (ИПЦ): в 2020 и 2021 годах ИПЦ в Воронежской области был выше среднего по стране (106,9% и 109,3% соответственно). В 2022 и 2023 годах ИПЦ приблизился к общероссийскому уровню (100,9% и 100,8% соответственно), что говорит о стабилизации цен. (рис. 2).

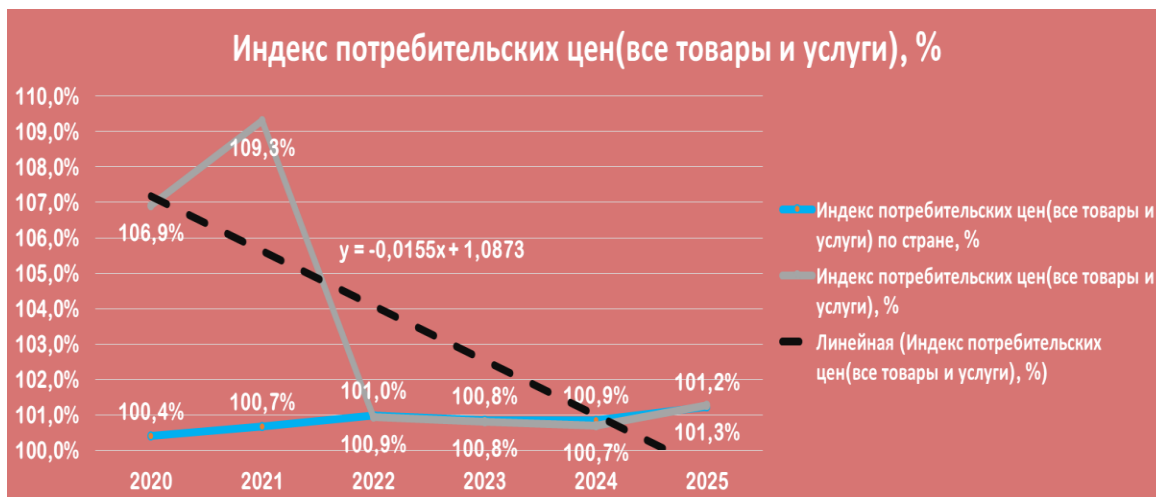

Рисунок 2. Индекс потребительских цен.

Отношение объема инвестиций к ВРП: показатель превышает пороговое значение (20%) на протяжении всего рассматриваемого периода. Это говорит о высокой инвестиционной активности в регионе и наличии потенциала для дальнейшего экономического роста. Небольшое снижение в 2021 году, возможно, связано с пандемией. (рис. 3).

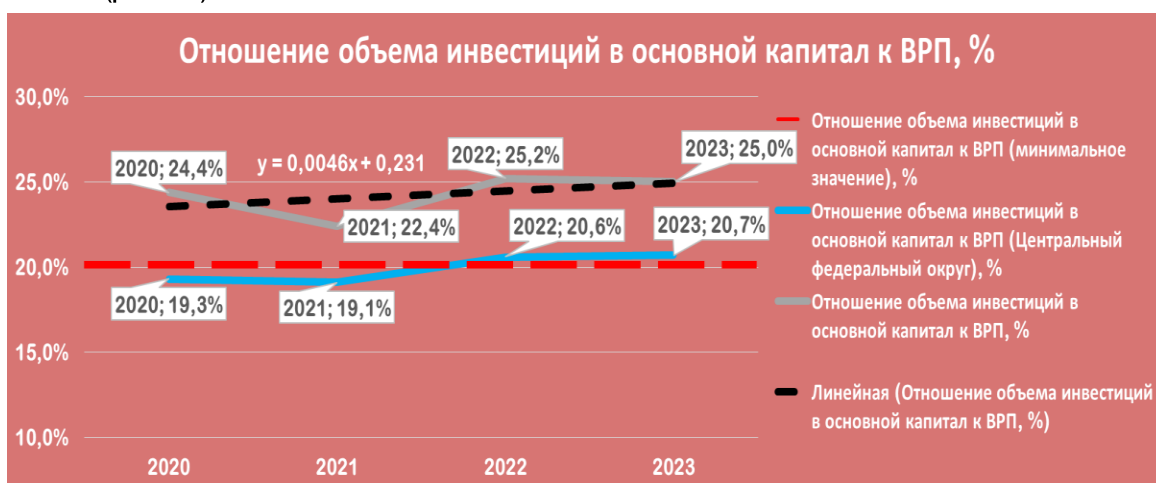

Рисунок 3. Отношение объема инвестиций в основной капитал к ВРП.

Степень износа основных фондов: наблюдается рост степени износа основных фондов с 31,3% в 2020 году до 34,2% в 2023 году. Это тревожный сигнал, указывающий на необходимость обновления производственной базы. Показатели выше средних по стране. (рис. 4).

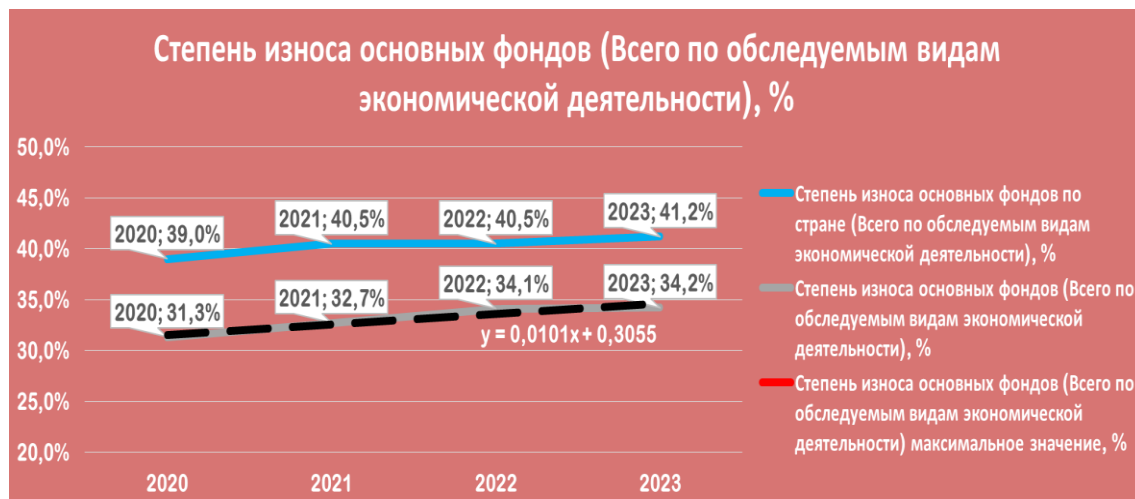

Рисунок 4. Степень износа основных фондов (Всего по обследуемым видам экономической деятельности).

Доля убыточных предприятий: доля убыточных предприятий в Воронежской области снижается с 29,1% в 2020 году до 17,6% в 2022 и 2023 годах. В 2024 году доля увеличилась до 25,8%, что говорит об улучшении финансового состояния предприятий. Показатели ниже общероссийского уровня. (рис. 5).

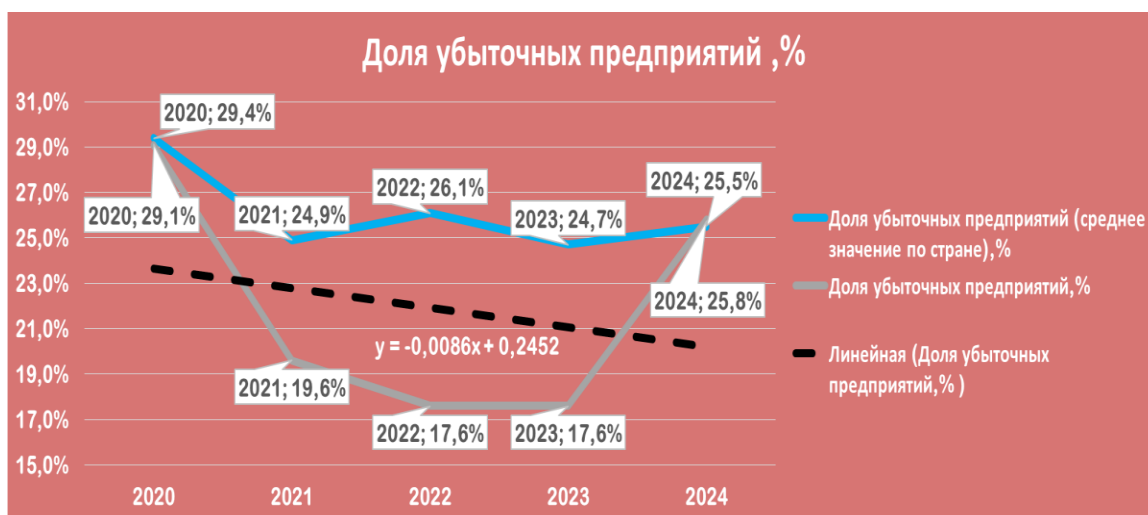

Рисунок 5. Доля убыточных предприятий.

Оборот розничной торговли на душу населения: наблюдается рост оборота розничной торговли на душу населения с 251,0 тыс. рублей в 2020 году до 347,5 тыс. рублей в 2023 году. Этот показатель также превышает средний по стране, что свидетельствует о высокой потребительской активности и покупательной способности населения. (рис. 6).

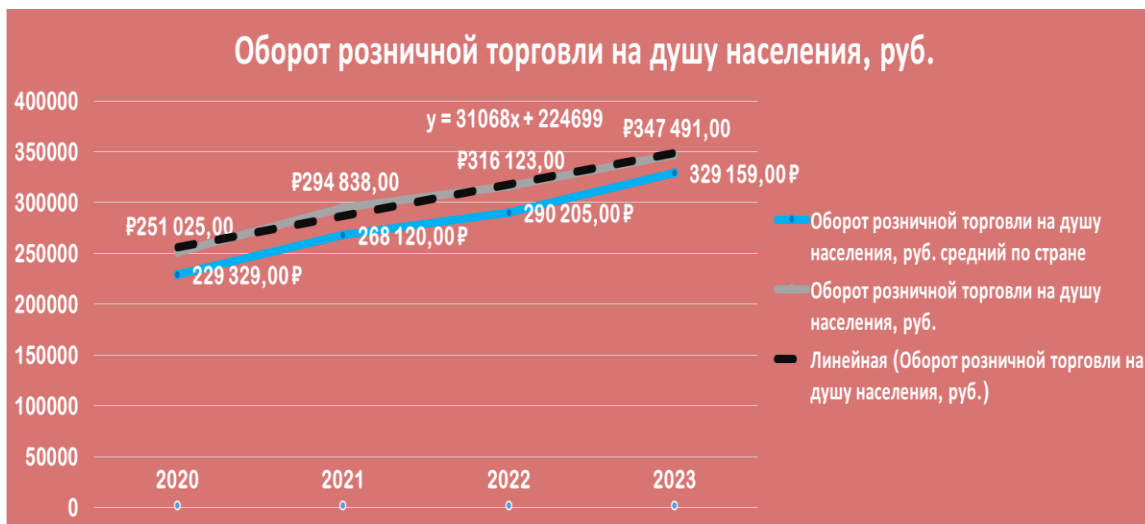

Рисунок 6. Оборот розничной торговли на душу населения.

Угрозы экономической безопасности Воронежской области:

1. Организационно-экономические: “санкционные войны”, нестабильность валютного курса рубля, обострение международной конкуренции.
2. Финансово-экономические: уменьшение поступлений из федерального бюджета, сокращение финансирования ключевых отраслей, перераспределение финансовых потоков в пользу внешних субъектов.
3. Социально-экономические: снижение демографических показателей, несовершенство рынка труда, миграция труда и собственников предприятий ключевых экономических отраслей на территории других областей или государств.
4. Ужесточение межрегиональной конкуренции в следствии процедур импортозамещения.
5. Увеличение дефицита квалифицированного персонала.
6. Обострение конкуренции на традиционных рынках в связи со вступлением России в ВТО.
7. Рост конкуренции на национальном рынке образовательных услуг.
8. Развитие “ненаблюдаемой” экономики.

Сопоставим показатели Воронежской области со средними показателями по России для выявления сильных и слабых сторон.

SWOT-анализ:

1. Сильные стороны: Экспортоориентированность, развитая промышленность, выгодное географическое положение, развитая транспортная инфраструктура.
2. Слабые стороны: Износ основных фондов, зависимость от импорта, дефицит квалифицированных кадров.
3. Возможности: Привлечение инвестиций, развитие инновационных технологий, повышение конкурентоспособности продукции, развитие внутреннего туризма.
4. Угрозы: “Санкционные войны области, выявить ключевые проблемы и риски.

Экономическая безопасность Воронежской области находится под влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

Мы предлагаем конкретные меры по улучшению экономической безопасности Воронежской области, повышению устойчивости экономики и снижению рисков:

1. Диверсификация экономики: Развитие новых отраслей, снижение зависимости от экспорта сырья и энергоносителей.
2. Поддержка малого и среднего бизнеса: Создание благоприятных условий для развития предпринимательства, снижение административных барьеров.
3. Привлечение инвестиций: Создание привлекательного инвестиционного климата, поддержка инновационных проектов.
4. Модернизация производственной базы: Обновление основных фондов, внедрение новых технологий.
5. Развитие человеческого капитала: Подготовка квалифицированных кадров, повышение уровня образования и переквалификация.
6. Борьба с теневой экономикой: Усиление контроля за финансовыми потоками, борьба с коррупцией.
7. Укрепление продовольственной безопасности: Поддержка сельского хозяйства, развитие перерабатывающей промышленности.
8. Совершенствование системы государственного управления: Повышение эффективности управления государственным управлением и создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития региона.

References

1. Белоусова Р. Н. Влияние экономических санкций на состояние экономической безопасности РФ // Молодой ученый. – 2015. – №20. – С. 215-220.
2. Вершинин П.С. Тенденции и проблемы обеспечения экономической безопасности региона / П.С. Вершинин // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. – №4. – С.104.
3. Калинина Н.М. Экономическая безопасность региона: сущность, угрозы и меры обеспечения // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2014. – №10. – С. 58. – С. 54–60.
4. Закон Воронежской области от 30 июня 2010 года № 65-ОЗ «О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2020 года».
5. Есипов В. М. Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов в России / В. М. Есипов // ЭКО. – 2010. – № 7.
6. Потокина С.А., Бочарова О.Н., Ланина О.И. Сущность и механизмы обеспечения экономической безопасности региона // Социально-экономические явления и процессы. 2012. - № 3(037).

UDC 332.14

**Melnichenko T. Yu., Yusichenko S.S., Yusichenko K.S.,
Prokina K.S. An anti-crisis management plan as a tool for
sustainable development of a municipality: the example of the
Lyudinovsky district of the Kaluga region**

План антикризисного управления как инструмент устойчивого развития
муниципального образования на примере Людиновского района Калужской области

Melnichenko T. Yu.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Economics and Management,
Kaluga state university named after K.E. Tsiolkovsky,
Kaluga, Russia

Yusichenko S.S.

2st year Master's student Department of State and Municipal Management
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian presidential
academy of national economy and public administration"
Kaluga branch of RANEPA

Yusichenko K.S.

1st year Master's student Department of State and Municipal Management
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian presidential
academy of national economy and public administration"
Kaluga branch of RANEPA

Prokina K.S.

1st year Master's student Department of State and Municipal Management
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian presidential
academy of national economy and public administration"
Kaluga branch of RANEPA

Мельниченко Т. Ю.

к.п.н, доцент кафедры экономики и управления,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия

Юсиченко С.С.

магистрант 2 года обучения

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте
Российской Федерации» Калужский филиал РАНХиГС

Юсиченко К.С.

магистрант 1 года обучения

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте
Российской Федерации» Калужский филиал РАНХиГС

Прокина К.С.

магистрант 1 года обучения

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте
Российской Федерации» Калужский филиал РАНХиГС

Abstract. *This article examines the socioeconomic development of a municipality using the example of Lyudinovsky District and the city of Lyudinovo. This is driven by the key role of municipalities in ensuring sustainable development and improving the quality of life, as well as the need for a comprehensive analysis of the factors and mechanisms determining their socioeconomic status.*

Keywords. *Lyudinovsky District, municipality, territory, socio-economic potential, anti-crisis management*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социально-экономического развития муниципального образования на примере Людиновского района и города Людиново. Это обусловлено ключевой ролью муниципальных образований в обеспечении устойчивого развития территорий и повышении качества жизни населения, а также необходимостью комплексного анализа факторов и механизмов, определяющих их социально-экономическое состояние.

Ключевые слов. Людиновский район, муниципальное образование, территория, социально-экономический потенциал, антикризисное управление

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Актуальность Разработка плана антикризисного управления в Людиновском районе Калужской области обусловлена комплексом факторов, связанных с социально-экономическим развитием, инфраструктурными вызовами и необходимостью поддержания стабильности в условиях внешних и внутренних рисков. Несмотря на положительные тенденции в некоторых сферах (рост промышленного производства, привлечение инвестиций), район сталкивается с проблемами, требующими системного подхода к управлению кризисными ситуациями. В этих условиях разработка плана антикризисного управления становится необходимым инструментом стабилизации и создания предпосылок для устойчивого развития Людиновского района.

По этой причине, целью данной работы выступает исследование социально-экономической ситуации в Людиновском районе для создания условий его долгосрочного устойчивого развития через реализацию комплекса антикризисных мер.

Для решения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить теоретико-методические аспекты «антикризисного управления» и нормативно-правовые источники, регламентирующие этот процесс;
- оценить современное состояние социально-экономического потенциала Людиновского района Калужской области;
- разработать План антикризисного управления Людиновского района.

Объект исследования - социально-экономическая система Людиновского района как административно-территориальной единицы

Предмет исследования - комплекс антикризисных мероприятий, направленных на формирование устойчивой модели развития территории.

Теоретико-методологические основы исследования

Концептуальные основы антикризисного управления представлены работами И. Ансоффа, П. Друкера, Ф. Котлера, М. Мескона, М. Портера, которые рассматривали стратегическое управление, маркетинговые стратегии, организационные аспекты управления, конкурентные преимущества и анализ отраслей, заложив теоретические основы антикризисного управления.

Анализ антикризисного управления как комплексной системы, нацеленной на сохранение и укрепление рыночных позиций предприятий и выработке предложений по их стабилизации раскрывается в трудах российских исследователей: Л. И. Абалкина, А. Г. Грязновой, Э. М. Короткова, В. Г. Крыжановского, Р. А. Попова, А. З. Бобылева, В. Я. Захарова, Н. Н. Кожевникова, В. П. Логинова, Д. С. Львов, Н. А. Новицкий, О. Л. Рогова, В. К. Сенчагова, Д. Е. Сорокина, Г. Б. Юн и других. [1-2]

Среди российских авторов, внёсших значительный вклад в развитие муниципальной системы управления территорией, следует отметить И. Д. Закирова; Р. А. Стаशिшину, И. Д. Тургель, В. Б. Батишевскую, А. В. Шарнина, А. А. Авцинову, Л. Ю. Падилья Сароса, О. М. Рой, В. В. Пригоду, Е. А. Качанову, И. В. Ускову.[4]

Обобщая представленные аспекты, можно утверждать, что ориентация Администрации Людиновского района и города Людиново Калужской области на теоретические основы и практических рекомендации по эффективному управлению территории оказывает прямое влияние на устойчивое развитие как самой территории, так и региона в целом.

Комплексная характеристика Людиновского района и города Людиново Калужской области

Людиновский район расположен в юго-западной части Калужской области и граничит с 4-мя районами Калужской области, а также с Дятьковским районом Брянской области. Общая протяжённость границ составляет 206 км. Протяжённость территории с севера на юг — 32 км, с запада на восток — 40 км. Административный центр — город Людиново, который находится в 170 км от Калуги, в 80 км от Брянска и в 350 км от Москвы. [12]

Промышленность остаётся ключевой отраслью экономики района, на территории действует 59 промышленных предприятий, градообразующими являются Людиновский тепловозостроительный завод (производство маневрово-вывозных и магистральных локомотивов, дизель-поездов, снегоочистителей); Агрегатный и машиностроительный заводы (выпуск гидрооборудования для горно-шахтной отрасли, железнодорожной техники); Сукремльский чугунолитейный завод (производство чугунных труб и литья);

ЗАО «Людиновокабель» (производство кабельной продукции).

Объем отгруженной ими продукции вырос в 2024 году на 28% и составил 38 млрд рублей. Рост инвестиций в основной капитал крупных и средних организаций района наблюдался за счет реализации проектов на Людиновском участке Особой экономической зоны «Калуга».[10]

Сельское хозяйство специализируется на производстве овощей закрытого грунта, зерна, рапса, продукции пчеловодства и садоводства. В районе действуют 4 сельскохозяйственные организации, 10 крестьянских (фермерских) хозяйств и 6434 личных подсобных хозяйств. Муниципальная программа поддержки направлена на развитие животноводства, растениеводства и малых форм хозяйствования. [7]

В 2024 году в районе заасфальтировано более 26 тыс. кв. м дорог, проложено 5 км новых сетей ЖКХ. Ведётся благоустройство набережной озера Ломпадь (национальный проект «Инфраструктура для жизни»). Планируется строительство новой школы на 1000 мест и больницы.

В районе действует муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства на территории муниципального района «Город Людиново и Людиновский район».

В 2024 году в районе действовало 279 малых и средних предприятий и 1068 индивидуальных предпринимателей. Основные отрасли: оптовая и розничная торговля (44%), обрабатывающие производства (25%), строительство (16%). [7]

Муниципальная программа поддержки МСП включает финансовую помощь, консультационные услуги и аналитическую работу.

В 2024 году 4 субъектам МСП предоставлены субсидии на приобретение оборудования, в том числе: ООО «Людиновская швейная фабрика», ООО «Гидравлические компоненты», ООО «Завод лазерной резки «Гефест», ИП Анемподистов В.В.

В 2024 году общий объем средств, направленный на реализацию мероприятий муниципальной программы, составил – 1898,5 тыс. рублей. В том числе: 800 тыс. рублей - средства муниципального бюджета (из них 95,5 тыс. руб. под софинансирование), 1098,5 тыс. рублей - средства областного бюджета, привлеченные в рамках реализации подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Калужской области» государственной программы Калужской области «Развитие предпринимательства и инноваций в Калужской области». [7]

Общая численность населения уменьшилась с 37,734 тыс. чел. в 2024 г. до 37,252 тыс. чел. в 2025 г. — абсолютное снижение на 482 человека (–1,28 %). Это свидетельствует о продолжении тенденции сокращения населения, что типично для

ряда муниципальных образований и обусловлено естественным убытием и миграцией за пределы Людиновского района наша [3]

Средняя заработная плата в Людиновском районе — 59 106 рублей. В крупных и средних организациях начисленная средняя зарплата — 69 536 рублей. По данным сайта Finder.work, средняя зарплата в Людиново в 2025 году составляет 104 634 рубля, а медианная — 72 300 рублей. [11]

Уровень медицинского обслуживания в Людиновском районе Калужской области характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, реализуются программы по улучшению доступности и качества медицинских услуг, строятся новые объекты и модернизируется инфраструктура. С другой стороны, сохраняются проблемы, связанные с реорганизацией медицинских учреждений в предыдущие годы, кадровым дефицитом и недостаточной обеспеченностью некоторых служб.

В районе реализуется муниципальная программа «Развитие образования в Людиновском районе», которая включает подпрограммы по развитию дошкольного, общего и дополнительного образования.

Образовательные учреждения включают 10 общеобразовательных школ, 9 дошкольных образовательных учреждений детские сады, Людиновский **индустриальный техникум** — единственное учебное заведение среднего профессионального образования в районе. Техникум предлагает программы подготовки по различным специальностям, включая поварское дело, электротехнику и другие. [8]

Людиновский район и город Людиново Калужской области демонстрируют значительный инвестиционный потенциал, особенно в рамках особой экономической зоны (ОЭЗ) «Калуга» (Людиновский участок). В 2025 году район сохраняет позиции лидера по привлечённым инвестициям на душу населения в регионе, а его экономика продолжает расти благодаря модернизации промышленности и реализации новых проектов. [6] По данным на 2024 год, Людиновский район занимал первое место в Калужской области по объёму привлечённых инвестиций на одного жителя. [6]

В 1 квартале 2025 года инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций района составили 30 499 тыс. рублей. [6]

Туристическая инфраструктура Людиновского района и города Людиново Калужской области демонстрирует динамику развития, но сохраняет ряд проблем. Основные показатели и инициативы администрации связаны с реализацией муниципальной программы «Развитие туризма в Людиновском районе» и участием в федеральных проектах. По данным на 2024 год, количество туристов в районе увеличилось на 30%. Объём платных услуг в сфере туристической индустрии: 31,58 млн

рублей. Однако в отчётах за 2025 год конкретные цифры не приводятся. Известно, что район участвует в премии «Служение» в номинации «Развитие территории — благополучие жителей».[6]

Экологическая ситуация в Людиновском районе и городе Людиново Калужской области остаётся сложной, несмотря на реализацию некоторых программ по улучшению состояния окружающей среды. Основные проблемы связаны с загрязнением воздуха, водных объектов и почвы, а также с недостатками в системе управления отходами. Ежегодно суммарные выбросы загрязняющих веществ составляют 2,72–3 тыс. тонн. Для снижения выбросов требуется модернизация котельных, перевод автотранспорта на газомоторное топливо, установка газоочистного оборудования на предприятиях и организация санитарно-защитных зон. [6]

Ежегодные объёмы промышленных и бытовых отходов в районе составляют около 13 тыс. тонн. Недобросовестное отношение природопользователей и населения к сбору и захоронению отходов привело к образованию многочисленных несанкционированных свалок. Грунт на этих свалках не защищён от проникновения загрязняющих веществ в подземные водоносные горизонты. [6]

Администрация Людиновского округа представляет собой новый муниципальный орган власти в стадии формирования, зарегистрирована 29 сентября 2025 г. Система управления Людиновского района характеризуется как централизованная структура, возглавляемая главой муниципального округа. Основные органы сосредоточены в административном центре — городе Людиново, при этом действуют подразделения в сельских поселениях района. Глава муниципального округа — высшее должностное лицо, осуществляющее руководство администрацией на принципах единоначалия. С 29 сентября 2025 года эту должность занимает Геннадий Евгеньевич Ананьев. Заместители главы координируют отдельные направления деятельности в соответствии с распределением обязанностей. По данным на март 2025 года, жители Людиновского района положительно оценили работу местной администрации. Отмечались успехи в следующих сферах:

- реализация проектов по благоустройству (набережная, дворы, Аллея Героев); [10]
- поддержка участников СВО (отправка гуманитарного груза, работа социальных координаторов);
- развитие социальной инфраструктуры (ремонт школ, строительство больницы);
- привлечение инвестиций в особую экономическую зону.

Однако система управления находится в процессе реорганизации, что может временно повлиять на эффективность работы отдельных подразделений.

План антикризисного управления территорией Людиновского района (2025–2027 гг.)

На основе комплексного анализа социально-экономических условий Людиновского района и города Людиново необходимо сформировать направления по усилению положительных, сильных сторон развития территории, устраняя отрицательные факторы и развивая перспективные направления территории.

Исходя из поставленной цели Плана - преодоление кризисных явлений и формирование устойчивой траектории социально-экономического развития Людиновского района, определены следующие задачи:

1. стабилизация рынка труда;
2. повышение инвестиционной привлекательности;
3. модернизация коммунальной и транспортной инфраструктуры;
4. улучшение качества социальных услуг;
5. рост бюджетной самодостаточности.

Для реализации поставленных задач предлагаются следующие мероприятия.

1. Администрации Людиновского района и города Людиново в направлении экономического развития и занятости территории следует усилить работу по:

- созданию инвестиционного портала;
- разработать пакет мер по поддержке инвесторов на основе взаимодействия территории и Минэкономразвития Калужской области
- программа развития МСП через выделение грантовой поддержки (до 500 тыс. руб. на старт бизнеса); консультирование предпринимателей: бесплатные семинары по маркетингу и бухгалтерии.
- программа переобучения безработных: курсы по направлениям: цифровизация, ЖКХ, агротехнологии; стажировки на предприятиях района;
- программы «земский специалист», партнёрство с вузами.

2. Для развития инфраструктуры и ЖКХ рекомендуется прежде всего продолжить реконструкцию водосетей с определением приоритетных зон: Людиново, Заречье, Игнатовка; ремонт дорог; модернизация котельных (замена 4 котлов; установка узлов учёта тепла)

3. Повышение показателей в социальной сфере связано с изменением кадровой ситуации в системе здравоохранения и образования: привлечение 5 врачей (подъёмные 300 тыс. руб., компенсация жилья); закупка мобильного медпункта для отдалённых населённых пунктов; оборудование IT-классов в СОШ № 1 и № 2 и

обучение педагогов; приобретение школьного автобуса.

4. Для повышения туристической привлекательности предлагается организовать фестиваль «Людиновские сезоны»

5. Оптимизация расходов и рост доходов связан с аудитом неэффективных затрат, переходом администрации на современные информационные технологии (ЭДО, ИИ-помощники); участие в национальных проектах «Жилье», «МСП»; привлечение частных инвестиций; краудфандинг для социальных проектов.

Заключение.

На основании проведённого анализа социально-экономического потенциала Ульяновского района и города Людиново и сформированного плана антикризисных мероприятий можно сделать вывод, что **разработанный план антикризисных мер** представляет собой сбалансированную систему действий, направленную на:

- стабилизацию финансового состояния (оптимизация затрат, реструктуризация обязательств, управление дебиторской задолженностью);
- повышение операционной эффективности (реинжиниринг процессов, цифровизация, контроль качества);
- укрепление рыночных позиций (пересмотр маркетинговой стратегии, расширение каналов сбыта, работа с лояльностью клиентов);
- сохранение кадрового потенциала (мотивационные программы, переобучение, оптимизация штатной структуры).

К ожидаемым результатам следует отнести:

- **Рост инвестиций:** привлечение не менее 3 крупных инвесторов (объём вложений — от 500 млн руб.).

- **Диверсификация экономики:** развитие МСП (ожидается +150 новых субъектов к 2027 г.).

- **Бюджетная устойчивость:** увеличение налоговых поступлений на 12 % за счёт легализации бизнеса и роста активности.

- **Повышение качества жизни** (ремонт 15 км водосетей и 12 км дорог улучшит условия для 60 % населения; мобильный медпункт охватит 10 отдалённых населённых пунктов; IT-классы подготовят 100+ выпускников, готовых к цифровым профессиям; фестиваль и ремонт ДК повысят вовлечённость молодёжи (ожидаемый охват — 5 тыс. чел. ежегодно).

- **Инвестиционная привлекательность** (модернизированные сети и дороги снизят издержки для бизнеса;

единый портал и льготы ускорят запуск проектов; программы переобучения

сформируют пул квалифицированных кадров; участие в нацпроектах повысит видимость района на региональном уровне.

К 2027 г. Людиновский район выйдет на траекторию устойчивого развития с ростом индекса качества городской среды на 20 % и повышением доверия жителей к местным властям.

Предложенный план антикризисных мероприятий является реалистичным и достаточным для преодоления текущих вызовов. Его системная реализация позволит не только стабилизировать ситуацию, но и создать предпосылки для долгосрочного развития организации. Рекомендуются утвердить план в представленном виде с последующим детализированием этапов и назначением ответственных лиц.

Обобщая представленные анализ социально-экономического потенциала территории и план антикризисных мероприятий, можно утверждать, что грамотная политика Администрации Ульяновского района и города Людиново окажет прямое влияние на экономическое развитие как района, так и Калужской области. При этом качество принимаемых решений и успешность их реализации будут зависеть от профессиональной подготовки государственных служащих, их компетентности и способности адаптироваться к изменениям в экономической и социальной среде.

References

1. Антикризисное управление: учебник для бакалавров / Э. М. Коротков. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 406 с. — Серия: Бакалавр. Углубленный курс
2. Антикризисное управление: учебник и практикум для вузов / Н. Д. Корягин [и др.]; под редакцией Н. Д. Корягина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 396 с.
3. Белова Д.А., Мельниченко Т.Ю. Социально-экономическое развитие муниципального образования на примере деятельности Администрации Людиновского района и города Людиново//Вестник Калужского университета, №4(69) 2025
4. Григорьева Вера Захаровна, Михеева Алина Алексеевна ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Естественные и экономические науки. 2024. №107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strategicheskogo-upravleniya-na-munitsipalnom-urovne-1> (дата обращения: 14.12.2025).
5. Муниципальный менеджмент: учеб. пособие для вузов / Т. Г. Морозова и др.; под ред. проф. Т.Г. Морозовой. Москва, 2017 г. – 246 с. 39
6. <http://адмлюдиново.пф/documents/286.html>

7. <https://lyudinovo-r40.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/biznes-predprinimatelstvo/informatsiya-o-razvitii-msp>
8. <https://lyudinovo.postupi.online/tekhnikumy>
9. <https://www.kaluga.kp.ru/online/news/6309084>
10. <https://kgvinfo.ru/novosti/obshchestvo/lyudinovskiy-rayon-znachimyy-vklad-v-razvitie-regiona>
11. <https://mintrud.admoblkaluga.ru/page/czn-lud/?ysclid=mhoppvwx8w255560613>
12. https://web.archive.org/web/20220810081851mp_/http://smgrf.ru/portfolio/lyudinovo-i-lyudinovskij-rajon/

UDC 331.108.2:316.6

Popov Y.A. Current methods of personnel management and socio-psychological climate in the framework of improving the efficiency of a modern organization

Актуальные методы управления персоналом и социально-психологическим климатом в рамках повышения эффективности современной организации

Popov Yuri Alexandrovich,

senior lecturer of the Department of Economic Theory,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

Попов Юрий Александрович,
старший преподаватель кафедры экономической теории,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна»

Abstract. *This scientific paper analyzes the key features of the organization–personality interaction models. The collegial, authoritarian, supportive, and caring models, their differences and main advantages are considered in detail, with special attention being paid to the modern model. The main management methods are analyzed, which are ways of influencing personnel to achieve the goals of the organization. The importance of the socio-psychological climate as a factor in increasing the effectiveness of the modern model of organizational behavior is revealed. The role of diagnostics of this indicator is reflected, common methods for its research and evaluation are given. The tools aimed at reducing conflict in the team and developing the socio-psychological climate of the organization are considered separately.*

Keywords: *organizational behavior, personality, creative potential, team, collaboration, socio-psychological climate, personnel management, sociometry, conflict.*

Аннотация. В данной научной работе анализируются ключевые особенности моделей взаимодействия «организация – личность». Подробно рассматриваются коллегиальная, авторитарная, поддерживающая, опекающая модели, их отличия и основные преимущества, отдельное внимание уделяется современной модели. Анализируются основные методы управления, представляющие собой способы осуществления воздействий на персонал для достижения целей организации. Раскрывается значение социально-психологического климата как фактора повышения эффективности современной модели организационного поведения. Отражена роль диагностики данного показателя, приводятся распространенные методы по его исследованию и оценке. Отдельно рассматриваются инструменты, направленные на снижение конфликтности в коллективе и развитие социально-психологического климата организации.

Ключевые слова: *организационное поведение, личность, творческий потенциал, коллектив, сотрудничество, социально-психологический климат, управление персоналом, социометрия, конфликтность.*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент
кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Currently, it is impossible to imagine the activities of any organization without the interaction of individuals and groups within it to achieve its goals. Personality–group or organization–personality interaction is the basis of organizational behavior. It ensures that the desired or set goals of the organization are achieved. This fact determines the relevance of the topic under consideration.

The organization–personality interaction does not arise by itself. Its construction, functioning and development are determined by the organization itself, that is, based on the goals set, forms of management, behavior, attitude towards employees, etc. Based on a number of studies in this area, it becomes possible to identify 4 basic models of organizational behavior, namely: collegial, authoritarian, supportive, caring [8].

The collegial model is based on interaction, collaboration, partnership, etc. In this model, the "organization – personality" interaction involves the cooperation of employees and management staff (management) to achieve a common goal, while using each other's mental and creative potential.

The authoritarian model is based on the power of management, which uses its formal authority to lead subordinates. At the same time, employees are subordinated, so there is a psychological dependence on the "leader". The organization–personality interaction is based on unequal powers, limited independence, subordination, strict performance of duties, etc. Subordinates are not always able to fully realize their potential. The reasons may be different, for example, the organization's limited financial resources or its narrow focus in a particular field of activity.

The supportive model is based on leadership, the head creates a climate that helps the individual growth of employees and the use of their abilities in the interests of the organization. On the one hand, employees are subordinate to the supervisor, on the other, they can self-actualize in the workplace, but with a concomitant high level of responsibility. In this model, employees can participate in management, which increases their motivation to work, as they meet the needs for status and recognition. The organization–personality interaction involves supporting the efforts of employees, mutual trust, the opportunity to participate in management and meeting the needs of a higher level.

The guardianship model is focused on the protection of employees by social security programs. The model assumes the use of economic incentives and benefits, often independent of the final result. The main motivating factor is the need for workplace safety, which leads to increased employee engagement. Regardless of the market situation, the safety of employees will be a priority for the organization. As a result, the employee feels satisfied in the current situation, but this does not particularly affect the growth of labor productivity or the development of his abilities. The organization–personality interaction is a passive

collaboration that is unable to ensure the full use of human resources.

To date, there is no reason to believe that any of these models is the best. Their effectiveness largely depends on the specific situation and the field of activity of the organization itself.

Special attention should be paid to the modern model of organizational behavior, in which the interaction "organization – personality" offers to realize not only the physical abilities of employees, but also their personal, intellectual, creative and other qualities. At the same time, this interaction is characterized as the provision of resources to meet the needs of the organization itself and each employee within it. In turn, the effectiveness of interaction directly depends on the degree of satisfaction of the dominant needs of each of the parties.

Based on the above, the basis of the "organization – personality" interaction is a system of mutual expectations. It requires each party to take into account each other's goals and needs, which makes it quite difficult to find and make effective decisions. It is the system of mutual expectations combined with the system of interests and goals that serve as the basis for shaping the behavior of subjects within the organization [1]. At the same time, its existence in a changing environment in the long term is possible only with increased satisfaction of employees who strive to realize their potential, including their creative abilities. The organization, using its resources, is interested in creating conditions for the realization of creativity, initiative and responsibility on the part of employees.

The process of interaction between an individual and an organization is based on psychological and economic contracts. They reflect the essential expectations of the individual and the organization and determine the conditions for the employee's involvement in joint activities with her. A person expects interesting and favorable working conditions, decent pay, a favorable moral and psychological climate in the team, satisfaction with the work done, training and development, and the possibility of self-realization. The organization, in turn, expects high performance from employees, the realization of creative abilities, new ideas, staff responsibility and mutual cooperation.

The modern model builds on the achievements of the previous ones and consists of their best characteristics. The behavior of the staff within it is based on creativity, knowledge, and the functioning of the organization takes place through the prism of personality development. The activities of employees are carried out in the direction of awareness and formation of the key competencies of the organization. This model includes continuous professional development of the working staff and the growth of intellectual capital. In such an organization, each employee, along with his main activity, is consciously engaged in identifying and solving problem areas, providing the company with the opportunity for continuous changes and improvements, which contributes to the growth and achievement of the organization's goals,

for example, in increasing market share or making more profit. Each employee is encouraged to improve their current knowledge and successfully apply it in a common cause. The organization-personality interaction is based on mutual interest in each other's development, the empowerment of employees to make independent decisions and effectively complete tasks, and the openness of information to them as a factor in the success of the staff and the organization itself [5].

However, in addition to the interaction of the individual and the organization, the development and success of modern companies currently directly depends on the interpersonal relationships of employees and their regulation. Personnel management is a complex long-term process, during which certain techniques and tools are used, which leads to the formation of a stable system of social relations between employees and their employer. At the same time, the existence of management methods and ways of their application in the organization is of serious interest. This issue is one of the main issues within the management of an enterprise, in whose interests it is to improve performance.

The issues of production efficiency, solving problems related to increasing profitability, as well as maintaining stability are directly related to the quality of the staff and its capabilities. The directions of the company's development directly depend on the degree of employee involvement in the organization's improvement processes. A number of foreign and domestic researchers, scientists, and top managers have developed methods, systems, and models of human resource management.

First of all, it is necessary to clearly understand that any enterprise can be represented as a social management system, which means a separate set of interrelated elements with new qualities that are absent from its individual components.

Each element contains management methods that act as ways of implementing managerial influences on personnel to achieve the goals of the organization. There are such management methods as economic, administrative, legal, and socio-psychological, each of which has a different impact on staff [6].

Economic management methods are a set of ways to influence personnel based on the use of economic patterns and incentives. Their application presupposes the orientation of employees to achieve high work results through material interest and awareness of the relationship between personal contribution and the final performance indicators of the organization. The key principles of these methods are the fairness of resource allocation, rational division of labor, orderly management processes and the optimal combination of centralization and independence. The effectiveness of economic methods is largely determined by the external and internal operating conditions of an enterprise, including the form of ownership, the business management model, the system of economic calculation, the

state of the labor market, pricing and tax policy, as well as the availability of credit resources. The most common instruments of influence are financial incentive systems (wages, bonuses, allowances, social benefits), mechanisms for employee participation in the organization's performance, including through ownership of corporate securities, as well as various forms of economic calculation aimed at increasing responsibility for work results.

Administrative and legal management methods are based on the use of authority and legal regulation of labor activity. Their essence lies in the direct regulation of employee behavior through mandatory management decisions. These methods involve the formation of a clear system of subordination, discipline and responsibility, which ensures the stability and manageability of organizational processes. In the structure of administrative and legal methods, administrative influences are distinguished, including orders, orders, instructions and regulations; disciplinary measures aimed at establishing personal and collective responsibility, both material and moral; as well as stabilizing influences, expressed in the development and consolidation of rules, standards and regulations defining the order of performance of labor functions.

Socio-psychological management methods are focused on using the laws of psychology and sociology in order to increase the effectiveness of interaction between employees and create a favorable internal environment in the organization. These methods are aimed at both labor collectives as a whole and individual employee, taking into account their individual characteristics, needs and motivational attitudes. Depending on the object of influence, socio-psychological methods are divided into sociological, regulating group processes, interpersonal relationships and corporate culture, and psychological, focused on influencing the inner world of a personality, its value orientations, attitudes and emotional state. The integrated application of these methods helps to strengthen the socio-psychological climate, increase staff engagement and increase the overall effectiveness of the organization.

Undoubtedly, these methods play a significant role, because they have a significant impact on specific employees: their efficiency, motivation and, as a result, the success of the enterprise as a whole. These management techniques include techniques for influencing the formation and development of a team, as well as the processes occurring within it. These methods are based on the use of socio-psychological mechanisms [2]. They are primarily distinguished by their special motivational characteristic, which determines the direction of influence. The goals of using such methods are to ensure the constantly increasing social needs of a person, his versatile harmonious development and, on this basis, increase the work activity of the individual and the effectiveness of the team.

Sociological methods are aimed at the collective of employees in the course of their industrial relations. They allow you to give a clear assessment of their place and purpose, use

staff motivation to achieve better work results, identify informal leaders and provide them with support, ensure effective communication and prevent interpersonal conflicts in the team. While psychological management methods are aimed at regulating relations between people through optimal selection and placement of personnel. These include methods of forming small groups, improving the work culture in organizations, professional and qualitative selection and training.

Based on the above, it becomes clear that one of the most important factors in increasing the effectiveness of the modern model of organizational behavior is the socio-psychological climate among the staff, because it is an effective and efficient team that is the key to the success and development of the company. He plays such a big role in the functioning of the organization, as he influences it from the inside. If employees do not have a common goal with the company, a built-in motivation system, or disagreements with the manager, it is unlikely that this will lead to productive work and the success of the organization as a whole.

The socio-psychological climate is a set of stable emotional, value, and interpersonal relationships that develop within the workforce and determine the overall psychological state of employees [4]. It reflects the nature of the interaction between employees, their attitude towards management, colleagues and the organization as a whole, as well as the degree of satisfaction with the conditions and content of work. The level of formation of the socio-psychological climate has a direct impact on the efficiency of staff, the quality of communications and the overall effectiveness of the organization.

Timely assessment and maintenance of a favorable atmosphere in the team is of particular importance in personnel management. When there is tension, hidden or open conflicts, the concentration of employees on professional tasks decreases, emotional burnout increases and labor productivity decreases. On the contrary, a stable, friendly and psychologically comfortable climate contributes to the involvement of employees in the activities of the organization, the development of initiative and willingness to propose new ideas. An essential role in this process is played by the managerial position of the head, who must ensure a clear statement of goals and objectives, transparency of management decisions, regular informing of staff about the current state and prospects of the organization's development, as well as the formation of trusting relationships and feedback mechanisms. Involving employees in discussions and making meaningful decisions is an additional factor in increasing motivation and responsibility for work results [10].

Regardless of the industry specifics, maintaining a favorable socio-psychological climate is a prerequisite for the effective organization of the labor process. However, in today's highly competitive environment, this aspect is becoming particularly important. The activities of organizations are based on the intellectual and creative potential of employees, where the final

result directly depends on the emotional state, level of inspiration and internal motivation of each team member. In this regard, the head acts not only as an administrator, but also as a coordinator of the creative environment, whose task is to maintain a positive emotional background, stimulate self-realization and search for modern management tools that help unleash the creative potential of the staff.

It is impossible to unambiguously determine the optimal management style for a particular workforce without first analyzing its structure, interpersonal interaction characteristics, and the current state of the socio-psychological climate. The effectiveness of management decisions largely depends, for example, on how well the chosen leadership style corresponds to the level of cohesion of the group, the prevailing values of employees, the nature of communication and the emotional background within the team.

In this regard, the diagnosis of the socio-psychological climate is of particular importance. Modern scientific and practical sources have developed a wide range of methods aimed at its assessment. They allow us to identify the degree of employee satisfaction with working conditions, the nature of relationships in the team, the level of trust in management and the emotional state of the group as a whole. The results of such diagnostics serve as the basis for the formation of sound management recommendations aimed at optimizing intra-group processes, adjusting the leadership style and creating a more favorable psychological environment in the organization. Let's look at some common methods that have proven their applicability and effectiveness.

The express methodology for assessing the psychological climate in the workforce by A.S. Mikhailyuk and L.Y. Sharyto allows us to diagnose the state of the socio-psychological climate in the team, monitor the effectiveness of measures and their impact on the indicator under consideration. Such measurements make it possible to determine three components of the psychological climate: emotional, behavioral and cognitive. To measure the emotional component, the criterion of attractiveness is used - at the level of the concepts "like - dislike", "pleasant - unpleasant". The questions for the behavioral component are based on the criteria "desire - unwillingness to work in this team", "desire - unwillingness to communicate with members of the team in the field of leisure". The main criterion of the cognitive component is the variable "knowledge - ignorance of the characteristics of the team members" [9].

The results of such a test can be supplemented with a visual-analog expression of various indicators characterizing certain aspects of the socio-psychological climate in the team. The subject is offered three parameters to evaluate: coherence, compatibility, and success in completing tasks. Depending on the specific problems in a particular department, he can add any indicator to this list at his discretion. Teamwork is the coherence in the work between partners, i.e. the best combination of their actions in time and space. It determines

the focus on results, the productivity of interaction, satisfaction with work with a partner and minimal emotional and energy costs. Compatibility is an optimal combination of the properties of the participants in the interaction, the ability of the group in this composition to work conflict-free and in concert. Its main component is emotional – satisfaction with communication with a partner, high emotional and energy costs. Compatibility defines good interpersonal relationships. Finally, success is a condition that appears as a result of or in anticipation of achieving success. To this definition is added "the possession of methods that ensure a high result in achieving the goals set."

There is a sociometric technique developed by J. Moreno. It is used to diagnose interpersonal and intergroup relationships in order to change, improve and improve them. Sociometry is used to study the typology of social behavior of people in group activities, on the basis of which it is possible to form conclusions about the socio-psychological compatibility of members of specific groups. The purpose of this technique is to determine the socio-psychological climate in the team, the degree of cohesion or disunity of the group, the presence of "leaders" and "rejected".

The head of the organization needs to periodically and systematically assess the internal organizational climate. Taking into account the fact that there is no single correct and effective methodology in all cases, an important task of a manager is to select the tools most suitable for the current situation and a specific work team. Sometimes several techniques can be used simultaneously to get a more complete picture of the existing microclimate in the organization.

One of the important directions in managing the socio-psychological climate in an organization is to control the level of conflict. Negative trends often form within the workforce, the causes of which are usually associated with an increased level of this indicator and emotional tension. Such phenomena have a particularly acute effect on the effectiveness of employees, since an unfavorable psychological background reduces the level of concentration, initiative and creative thinking.

It is advisable to build the conflict resolution process in stages. First, when contradictions arise between individual employees, which begin to affect a wider range of participants and affect work processes, management needs to pay timely attention to the situation and prevent its further escalation. Secondly, it is important to assess the degree of readiness of the parties for an open dialogue and constructive discussion of the differences that have arisen in the format of negotiations.

At the next stage, the content of the conflict is identified: its subject is determined, key causes and related factors contributing to its development are identified. During this analysis, the positions of the parties are formed, the main points of disagreement are identified, as well as possible areas of compromise and convergence of interests. Next, alternative conflict

resolution options are being developed, involving an assessment of the potential costs and consequences for each participant.

The final stage is the adoption of an agreed decision aimed at eliminating contradictions and restoring working relationships. In order to minimize the risk of repeated disagreements, it is advisable to record the agreements reached [7].

Maintaining a friendly and supportive atmosphere, as well as the development of informal forms of interaction – joint events, corporate initiatives, creative and leisure activities – helps strengthen team ties and better unleash the creative potential of employees.

Thus, it becomes clear that organizations, in an effort to improve their own efficiency, can benefit significantly from such personnel development activities in the framework of employee interpersonal relationship management. They may look like self-study, that is, they contain components such as the need to expand the range of knowledge and skills in a particular field, the search for answers to specific questions that arise in the course of professional activity, the employee's desire to practice doing something else in a safe situation, the employee's desire to get a great effect from his past. experience. In other words, in the formation and transformation of competencies, i.e. knowledge, skills and abilities that seem necessary for further progress.

Of particular interest are the following modern tools aimed at increasing staff engagement, developing the socio-psychological climate of the organization:

- Seminars, trainings and special exercises on the development of communication skills, on studying the specifics of the enterprise, training in technologies of behavior in stressful situations. An important element is that each employee can identify all their dissatisfactions and complaints about any things that they do not like within the organization in order to avoid further misunderstandings.
- Specially designed business role-playing games aimed at team building, building and strengthening team spirit.
- The necessary introductory conversation of the new employee with the HR manager, supervisor, colleagues to clarify work issues that may arise in the future [3].

In conclusion, it should be emphasized that human resource management is one of the key areas of activity of a modern organization and is an essential condition for its sustainable economic development. In conditions of high competition and a dynamically changing external environment, the efficiency of using labor potential often becomes more important than even improving technical and technological processes. In order to achieve high performance results for the organization as a whole and increase the productivity of individual employees, it is advisable to apply personnel management methods in their entirety, since the use of individual impact tools in isolation often does not provide the desired effect.

The analysis of theoretical approaches to organizational behavior allows us to conclude that each of the basic models of personnel management demonstrates effectiveness in certain conditions and managerial situations. At the same time, the modern model of organizational behavior is characterized by the greatest versatility, since it integrates the most effective elements of previous concepts and is focused on balancing the interests of the individual and the organization. Within the framework of this model, the interaction of an employee and a company is considered as a process of mutual development, during which not only the realization of the individual potential of employees is achieved, but also the sustainable development of the organization itself, aimed at achieving strategic goals and improving overall performance.

The effectiveness of the organization's functioning is largely determined by the degree of optimal use of personal and group resources of the team. The formation and maintenance of a favorable socio-psychological climate has a significant impact on the results of work, the level of employee engagement and the disclosure of their professional and creative potential. In this regard, the management level needs to regularly monitor the psychological atmosphere in the team, timely identify and eliminate the prerequisites for conflicts, as well as build preventive work aimed at preventing destructive situations and strengthening teamwork.

References

1. Ezhova L. S., Arakelyan S. V., Panova E. V. Transformatsiya upravleniya personalom v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki // Marketing i menedzhment. – 2020. – Vyp. 1. – pp. 88-102.
2. Gorchakova E. A., Senatorova O. Yu. Psikhologicheskie aspekty povysheniya effektivnosti raboty sistemy upravleniya personalom v sovremennykh organizatsiyakh // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti. – 2024. – № 4. – pp. 50-53.
3. Kartashov S. A., Konobeeva A. B., Shapiro S. A. Razvitie talantov v organizatsii kak metod povysheniya effektivnosti truda rabotnikov. – Moskva : Direkt-Media, 2022. – 268 p.
4. Korshunov A. A. Sotsial'no-psikhologicheskii klimat kollektiva: zadacha deyatel'nosti rukovoditelya // Problemy sovremennoi psikhologii i upravleniya. – 2021. – № 4. – pp. 23-32.
5. Lebedeva G. V., Lebedeva A. V. Dinamika i struktura investitsii v chelovecheskii kapital i vliyanie na klimat v kollektive // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. – 2021. – № 3. – pp. 34-48.
6. Sidorenkov A. V., Sidorenkova I. I. Effektivnost' malykh grupp v organizatsii. Sotsial'no-psikhologicheskie i organizatsionno-deyatelnostnye aspekty. – Rostov-na-Donu : Izdatel'stvo YuFU, 2011. – 256 p.
7. Sun' Ts. Upravlenie personalom: sovremennye vyzovy i mekhanizmy modernizatsii // Nauchnye vyskazyvaniya. – 2023. – № 18 (42). – pp. 18-20.

8. Upravlenie personalom v Rossii: ot ego- k ekosisteme / pod red. I. B. Durakovoi. – Moskva : INFRA-M, 2024. – 281 p.
9. Upravlenie personalom: aktual'nye problemy i tendentsii : monografiya / pod obshch. red. nauchnogo soveta MIPI im. Lomonosova. – Sankt-Peterburg : MIPI im. Lomonosova, 2023. – 84 p.
10. Yakushina T. V. Sovremennye aspekty motivatsii trudovoi deyatel'nosti personala // Zhurnal upravleniya personalom. – 2024. – № 1. – pp. 15-29.

UDC 657.37:657.411

Popova J.A. Modern organizational and methodological aspects of the preparation of consolidated financial statements

Современные организационно-методические аспекты составления
консолидированной финансовой отчетности

Popova Julia Alexandrovna,

senior lecturer of the Department of Accounting and Audit,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

Попова Юлия Александровна,
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учёта и аудита,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна»

Abstract. This scientific paper reveals the relevance of the issue of financial reporting consolidation as the most important tool for summarizing accounting information and an element of the corporate governance and financial analysis system. The theoretical foundations of this topic are given, including which companies should conduct such reporting in accordance with Russian legislation and the requirements of international financial reporting Standards (IFRS). The stages in the work on consolidated financial statements are considered. Such an important issue as the establishment of a consolidation perimeter is reflected. Two key rules are analyzed, which must be followed in order to compare the data of individual organizations in the group. The specifics of preparing consolidated financial statements in three types of organizations – subsidiaries, associates, and jointly controlled – are described in detail.

Keywords: financial reporting, consolidation, business, group of companies, international financial reporting standards, parent and subsidiary organizations, auditor, reliability, investments.

Аннотация. В данной научной работе раскрывается актуальность вопроса консолидации финансовой отчетности как важнейшего инструмента обобщения учетной информации и элемента системы корпоративного управления и финансового анализа. Приводятся теоретические основания обозначенной тематики, в том числе отражена, какие компании должны вести подобную отчетность в соответствии с российским законодательством и требованиями международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). Рассматриваются этапы в работе над консолидированной отчетностью. Отражен такой важный вопрос как установление периметра консолидации. Анализируются два ключевых правила, соблюдение которых необходимо для сопоставления данных отдельных организаций, входящих в группу. Подробно раскрываются особенности составления консолидированной отчетности в трех типах организаций – дочерних, ассоциированных, совместно контролируемых.

Ключевые слова: финансовая отчетность, консолидация, бизнес, группа компаний, международные стандарты финансовой отчетности, материнская и дочерняя организации, аудитор, достоверность, инвестиции.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент
кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Today, in the context of economic globalization, increasing complexity of corporate structures and the active development of integration processes, consolidated financial statements are of particular importance as a key source of information about the financial position and performance of groups of companies. Consolidation of financial statements

makes it possible to present the activities of interconnected organizations as a single economic entity, which significantly increases the information content of the reporting data for users, including investors, creditors, government regulators and other interested parties. In this regard, the role of understanding modern organizational and methodological aspects of the formation of such reporting is increasing.

The relevance of this topic is due to the constant complication of business practices, the expansion of companies' activities and the need for comparability of financial information in the context of the application of both international financial reporting standards and national accounting regulations. Practice shows that the process of consolidating financial statements involves a number of methodological and organizational difficulties related to determining the perimeter of consolidation, choosing accounting methods, including intra-group transactions, and ensuring uniformity of accounting policies within the group. These circumstances require analysis and improvement of methodological approaches to the preparation of consolidated financial statements.

Organizational aspects of the consolidation process are of particular importance, including the distribution of functions among reporting participants, the establishment of an effective internal control system, and the use of specialized information systems and digital technologies. With the digitalization of accounting processes and the introduction of automated solutions, there is an increasing need to adapt traditional methods to modern accounting conditions, which makes this issue a subject of increased interest.

Analyzing the theoretical background, first of all, it should be noted that consolidated financial statements are prepared in order to determine the nature of the impact on the financial condition of organizations of their investments in the capital of other (subsidiaries and dependent) legal entities, transactions and transactions with these legal entities and to ensure the ability to manage their activities. Along with this, it allows users of the financial statements to understand the financial condition of the group as a whole.

According to Federal Law No. 208-FZ "On Consolidated Financial Statements" dated July 27, 2010, a certain list of companies is required to prepare, submit and publish consolidated financial statements in accordance with International Financial Reporting Standards (IFRS), among them:

- credit organizations;
- insurance companies;
- non-governmental pension funds (NPFs);
- clearing organizations;
- federal state unitary enterprises, the list of which is determined by the Government of the Russian Federation;

- joint-stock companies whose shares are federally owned, the list of which is approved by the Government of the Russian Federation;
- other organizations whose securities are traded on the securities market and included in the quotation list;
- organizations whose constituent documents provide for the presentation and disclosure of consolidated financial statements [1].

Parent organizations are responsible for the preparation and publication of consolidated financial statements, which include: organizations that influence decisions made by subsidiaries or enterprises belonging to the group; organizations that own 51 percent or more of the shares of a joint-stock company or the authorized capital of an LLC.

It should be noted that the consolidated financial statements of the parent organization and its subsidiaries include information on the financial and economic activities of those enterprises that operate abroad. According to the requirements of accounting legislation, all financial statements must be written in Russian and be kept in the national currency - rubles, all documents written in a foreign language must be provided with a line-by-line translation, and all calculations must be translated into rubles, taking into account the exchange rate of the Central Bank of the Russian Federation.

Gazprom PJSC, Rostelecom PJSC, Rosatom State Corporation and others can be cited as examples of the largest companies in the Russian Federation that compile consolidated financial statements.

From the point of view of regulatory support for this process, it is important to note that the previously mentioned federal Law No. 208-FZ of July 27, 2010 imposes certain requirements for consolidated financial statements. This law refers to the requirements set out in IFRS, according to which consolidated financial statements include:

- statement of financial position;
- statement of profit and loss and other components of the total financial result;
- cash flow statement;
- capital change report;
- explanations to the statement of financial position and the statement of profit and loss and other components of the total financial result [7].

The prepared statements should be supported by an external auditor's report. Such an audit is mandatory, because without it, the report will be invalid. The explanations of the Ministry of Finance allow for the coincidence of the dates on the financial statements and the auditor's report, since according to the law, during the audit, the auditor is required to inform the management of the enterprise about the identified inconsistencies so that it is possible to

take the necessary measures to eliminate them. Thus, technically, the audit can be completed simultaneously with the completion of work on the preparation of reports.

When choosing an auditor, it is necessary to pay attention to the date of receipt of the qualification certificate, since if it was issued before 31.12.2010 (before the date of approval of IFRS standards) and after that the auditor did not undergo additional certification, then he cannot be admitted to the audit.

Consolidated financial statements in accordance with Federal Law No. 208 are provided within a certain time frame. Thus, the annual consolidated financial statements are submitted before the general meeting of the organization's participants, but no later than 120 days after the end of the year for which it was compiled. Interim financial statements are submitted no later than 60 days after the end of the reporting period for which they were compiled. If the last day of the deadline for submitting consolidated financial statements falls on a day recognized as a weekend or non-working holiday in accordance with the legislation of the Russian Federation, the first working day following it is considered to be such [1].

According to Article 47 of the Federal Law "On Joint Stock Companies", the annual General Meeting of Shareholders must decide on the approval of annual reports, annual accounting statements, including profit and loss statements of the company, as well as profit distribution, payment of dividends. According to article 34 of the Federal Law "On Limited Liability Companies", the annual results of the company's activities are approved at the next general meeting of the company's participants.

Consolidated financial statements are presented to the participants and owners of the organization's property. Credit and insurance organizations, non-governmental pension funds, investment fund management companies, clearing organizations, and organizations whose securities are admitted to organized trading and are the parent organizations of bank holding companies submit consolidated financial statements to the Central Bank of the Russian Federation within the time limits set by it.

In general, the following stages can be distinguished in the work on consolidated financial statements:

1. preparation of final documents;
2. signing by the head;
3. External audit;
4. provision to the general meeting of owners;
5. referral to the authorized state body;
6. publication [4].

However, we note that only annual reports are subject to mandatory compilation and publication. An interim report is drawn up only in cases where it is provided for by accounting

policies or constituent documents, as well as by organizations that are the parent organizations of bank holdings.

However, it is important to note that before preparing consolidated financial statements in accordance with international standards, it is necessary to designate its so-called "perimeter". In other words, it is necessary to outline the circle of companies that form a group and establish rules for consolidation within it.

The consolidation perimeter is a list of companies whose financial position and performance data should be included in the consolidated financial statements. To determine it, it is necessary to decide whether the company has authority over the investment object, and then determine other criteria for control.

When preparing consolidated financial statements in a company, analyzing the information on the "Financial investments" account, it is necessary to identify their presence in three types of organizations:

- Subsidiaries - controlled by the parent company, with a quantitative ownership interest of more than 50%.

- Associates, on whose activities the investor has significant influence, but not control. Significant influence is characterized by the ability to participate in decision-making on the financial or operational policy of the organization, and the quantitative share of participation is 20-50%.

- Jointly controlled – legal entities that are under the joint control of the participants on the basis of an agreement concluded between them, in which none of the parties exercises sole control. This form of association is also characterized by investor control, but control is distributed among several participants. The quantitative shares of the participants are equal.

[10]

IFRS is mainly aimed at the formation of consolidated financial statements. So, if a company has subsidiaries, then according to IFRS it is obliged to prepare such reports. At the same time, the fundamental difference between consolidated and individual reporting of a legal entity is that the former includes indicators of not one, but several companies, i.e., combining individual ones. The technique of the question is to determine which companies to consolidate and how to do it.

In practice, the reporting entity may have investments in subsidiaries, which in turn also have investments in subsidiaries or associates and jointly controlled, etc. When forming consolidated financial statements, it is important to include all companies subject to consolidation in the financial statements.

Based on this, organizations should adhere to certain principles when forming such reports. Some of them overlap with those typical of conventional financial reporting, such as

the principles of completeness and materiality. However, there are also specific ones that are relevant only for consolidated financial statements, for example, the principle of consistency in the use of consolidation and valuation methods, the principle of a functioning enterprise, etc.

In order for the information in the consolidated financial statements to be comparable when consolidating (combining) the data of individual organizations, two key rules must be observed:

1. Consolidated financial statements for similar transactions should be prepared on the basis of a single accounting policy, which is achievable in two ways.:

- the group of companies develops a single accounting policy and separate structures form individual reports immediately on it, in this case, recalculations are not required.;
- each company of the group forms its individual financial statements according to its own accounting policy, however, during consolidation, adjustments will be required to align the data of individual reporting with the accounting policy of the group.

In the event that it seems impractical or impracticable to use a single approach, such a fact is disclosed in the notes to the financial statements indicating the proportionate shares of consolidated financial statements items to which different accounting policies have been applied.

2. The financial statements of all the organizations of the group to be merged must be prepared as of the same reporting date and for the same reporting period. For Russian companies where the reporting date and the reporting period are standardized, this rule is executed automatically. However, if the group has foreign companies subject to consolidation that have a different reporting date and reporting period from the Russian ones, then additional financial statements will be required in such cases.

These rules also apply to associated and jointly controlled organizations [9].

The responsibility for the reliability and compliance with the consolidated financial statements procedure lies with the head of the parent company. The accounting statements of subsidiaries and affiliated organizations are included in the consolidated financial statements of the group from the first day of the month following the month when the parent company acquired the corresponding number of shares or shares in the authorized capital of the subsidiary.

It is important to note that the concept of "control over an investment object" is currently formulated in IFRS: An investor has control over an investment object if he is exposed to the risks associated with variable income from participation in the object, or has the right to receive such income, as well as the ability to influence him through the exercise of his powers with

respect to the investment object. In this case, the parent company's control over a subsidiary is a special case of the investor's control over the investment object [6].

In general, it can be said that a parent company controls a subsidiary when it directly or indirectly owns more than half of its voting shares, i.e. when participation ranges from 50% to 100%.

As noted earlier, subsidiaries are consolidated using the full consolidation method, which combines assets, liabilities, capital, income and expenses line by line. In this case, the book value of the parent company's investments in the subsidiary's capital is mutually excluded, as well as intra-group assets and operations are eliminated, excluded. The indicators are summarized in full, even if the parent company's share is less than 100%.

Let's identify several important features:

- the share capital is not summed up and the share capital of the parent company is reflected in the consolidated report.;
- the parent company's investment in a subsidiary is reflected in the consolidated statement as the parent's share of the net assets of the subsidiary;
- if the value of the investment exceeds the share of net assets, goodwill is reflected, if less, income from a profitable transaction.
- the group's retained earnings are determined by summing the parent company's data and its share of the subsidiary's retained earnings received after the purchase date.
- the non-controlling interest column appears in the consolidated report, i.e., the share in the net assets of a subsidiary that is not controlled by the parent company [5].

At the same time, accounting for consolidation of associated and jointly controlled organizations deserves special attention.

As noted earlier, an associate is an organization over which the investor company has significant influence, but which is neither a subsidiary nor a jointly controlled entity. The presence of such influence on the part of the investor is usually confirmed in one or more of the following ways:

- representation on the board of directors or a similar governing body of the investment object;
- participation in the process of developing financial and production policy;
- large transactions between the investor and the investment object;
- exchange of management personnel;
- providing important technical information [8].

It should be understood that a company has significant influence if it owns, directly or indirectly through other subsidiaries, at least 20% of the voting shares of the investment property. Based on the fact that an investor company can significantly influence the financial

and operational policies of an associated organization, but does not have control over it, the method of partial consolidation of financial statements is provided. Its essence is that in the investor's financial statements, investments are reflected at the cost of their acquisition, adjusted for the investor's share of the profit received by the associated organization after the acquisition.

Jointly controlled entities are several companies linked by contractual agreements establishing joint activities and assuming that the parties have rights to net assets. This form of association is characterized by equal shares of control from several investors. Based on this, partial consolidation is also applied, or in other words, the equity method.

Consolidation of jointly controlled entities is carried out in the same way as consolidation of associated entities. It should be understood that information about the availability of investments in such organizations and the group's transactions with them is subject to separate disclosure in the financial statements. Usually, jointly controlled organizations are created when the interests of several countries are involved [3].

The financial statements of associated and jointly controlled entities are not consolidated on an article-by-article basis, as the parent company does not control them, but significantly affects their significant activities. Accordingly, the share of non-controlling shareholders in the net assets of such organizations is not included in the consolidated financial statements. The cost of investments reflected in the parent company's balance sheet is replaced by its share in the net assets of the associated and jointly controlled entity. In this case, goodwill arises if the value of the share exceeds the investment.

The group's retained earnings are increased by the share owned by the parent company, and dividends from associated and jointly controlled entities are replaced by the parent's share of the profits of such entities.

These consolidation methods are applied from the moment control, significant influence, and joint control are obtained and end at the moment they are lost, for example, upon disposal of an investment.

Sometimes there are cases when a company acquires shares or equity interests and the amount paid for their acquisition coincides with the value of its net assets. In IFRS, such transactions are called "business combinations" and are accounted for using the purchase method. It requires that acquired assets and liabilities be measured at fair value in the consolidated financial statements, including such identifiable intangible assets that were not reflected in the subsidiary's individual financial statements. After that, the amount of goodwill is determined as the difference between the amount of remuneration transferred for an investment in a subsidiary and the share of net assets acquired at fair value at the acquisition date [2].

To summarize, it should be noted that consolidated financial statements in modern conditions act not only as a tool for summarizing accounting information, but also as an essential element of the corporate governance and financial analysis system. The quality and reliability of consolidated indicators directly depend on the validity of the applied methodological approaches and the effectiveness of organizational support for the consolidation process. Improving the reporting methodology, unifying accounting policies within the group and correctly defining the consolidation perimeter make it possible to ensure transparency of financial results and increase the level of trust on the part of external and internal users of information.

Further development of the organizational and methodological foundations for the preparation of consolidated financial statements is a prerequisite for the adaptation of the accounting system to a dynamically changing economic environment. Research in this area creates prerequisites for the formation of more flexible and effective consolidation mechanisms that can take into account the specifics of corporate structures and regulatory requirements. This, in turn, helps to increase the analytical value of reporting and strengthen the financial stability of the groups of companies in the long term.

References

1. Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 27.07.2010 №208-FZ «O konsolidirovannoy finansovoy otchetnosti» (red. ot 31.12.2017) // SPS KonsultantPlyus. – Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-27072010-n-208-fz-o/> (data obrashcheniya 01.12.2025).
2. Govdya V. V., Velichko K. A. Povyshenie kachestva bukhgalterskoy (finansovoy) otchetnosti – bazovoe uslovie obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti / V. V. Govdya, K. A. Velichko // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2023. – № 9. – pp. 98-105.
3. Konsolidirovannaya finansovaya otchetnost: ot teorii k praktike / I. A. Babalykova, I. S. Karpenko, V. V. Tretyakova // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. – 2024. – № 3 (53). – pp. 32-37.
4. Kryukova I. V. Konsolidirovannaya otchetnost: sodержanie, osobennosti i analiz osnovnykh pokazateley / I. V. Kryukova // E-Scio. – 2021. – № 3 (54). – pp. 417-429.
5. Laipanova Z. M., Aydynov M. R. Finansovaya otchetnost dochernikh kompaniy i problemy yeye podgotovki k sostavleniyu konsolidirovannoy otchetnosti / Z. M. Laipanova, M. R. Aydynov // Regionalnaya i otraslevaya ekonomika. – 2024. – № 6. – pp. 79-82.
6. Litvinenko M. I. Konsolidirovannaya finansovaya otchetnost v sootvetstvii s novymi standartami / M. I. Litvinenko. – Moskva: Izd-vo Yurayt, 2023. – 168 p.
7. Mezhdunarodnyy standart finansovoy otchetnosti (IFRS) 10 «Konsolidirovannaya

finansovaya otchetnost» (red. ot 27.06.2016) // SPS KonsultantPlyus. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133866/ (data obrashcheniya 01.12.2025).

8. Osobennosti formirovaniya finansovoy otchetnosti gruppy kompaniy / I. A. Babalykova, A. I. Bogosyan, V. I. Korotkova // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. – 2024. – № 3 (53). – pp. 29-32.

9. Titova N. Yu. Konsolidirovannaya otchetnost organizatsiy / N. Yu. Titova. – Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2018. – 140 p.

10. Vakhrushina M. A., Suits V. P. Mezhdunarodnye standarty finansovoy otchetnosti i audita / M. A. Vakhrushina, V. P. Suits. – Moskva: INFRA-M, 2021. – 447 p.

UDC 316.34; 331.44; 657.6

Terenteva T.O., Martinova O.A., Nazarova N. I. The problem of gender inequality in the labor sphere using the example of the analysis of non-financial reporting of Russian companies

Проблема гендерного неравенства в трудовой сфере на примере анализа нефинансовой отчетности российских компаний

Terenteva Tatiana Olegovna,

PhD in Economics, Associate Professor

Martinova Olga Aleksandrovna,

Student

Nazarova Naina Il'asovna,

Student

Saint-Petersburg State University (SpbSU),

Saint-Petersburg

Терентьева Татьяна Олеговна,

к.э.н., доцент

Мартынова Ольга Александровна,

студент

Назарова Наина Ильасовна,

студент

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ),

Санкт-Петербург

Abstract. The paper describes the problem of gender inequality in the labor sphere, various approaches to its interpretation and assessment. The analysis of non-financial statements of Russian companies for disclosure of information on gender equality of employees is carried out. The results show that the information is not sufficiently presented. The main task is to provide not only individual indicators, but also to disclose the measures taken to achieve the company's ESG goals.

Keywords: gender inequality, non-financial reporting, ESG principles.

Аннотация. В работе описана проблема гендерного неравенства в трудовой сфере, различные подходы к его трактовке и оценке. Проведен анализ нефинансовой отчетности российских компаний на предмет раскрытия информации о гендерном равенстве сотрудников. Результаты показывают, что информация представлена в недостаточном объеме. Основная задача – предоставить не только отдельные показатели, но и раскрыть принимаемые меры для достижения компанией целей ESG.

Ключевые слова: гендерное неравенство, нефинансовая отчетность, ESG-принципы.

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Введение

В современной экономике вопрос гендерного неравенства продолжает оставаться одной из наиболее острых и сложных проблем. Несмотря на значительный прогресс в области равных прав и возможностей за последние десятилетия,

дискриминация по половому признаку сохраняются в разных сферах, включая трудовой (корпоративный) сектор. Компании все чаще вынуждены не только соблюдать законодательные нормы, но и демонстрировать прозрачность в своей отчетности. Нефинансовая отчетность становится важным инструментом для оценки уровня гендерного равенства внутри компании, отражая социальные, экологические и управленческие аспекты ее деятельности. В России, где еще сохраняются стереотипы и неравенство в доступе женщин к карьерным возможностям, исследование о гендерных вопросах в нефинансовой отчетности российских компаний особенно актуально.

Научные работы, посвященные гендерным вопросам в экономике России, в основном сосредоточены на участии женщин в советах директоров компаний [4]. Исследования положения женщин в отдельных сферах деятельности встречаются значительно реже. Сегодня, например, в аудиторских компаниях в России значительную долю руководящих должностей занимают женщины, что создаёт иллюзию гендерного равенства. Однако анализ общего гендерного состава аудиторов выявляет искаженную гендерную пирамиду: женщины преимущественно занимают низшие позиции, а их доля на руководящих должностях остается сравнительно низкой, что указывает на существование гендерных проблем [11, с.57].

Понятие гендерного неравенства, описание неравенства в трудовой сфере

Как отмечал французский философ Франсуа Мари Шарль Фурье: «Социальный прогресс и смены периодов совершаются пропорционально прогрессу женщин к свободе, а падение социального строя совершается пропорционально уменьшению свободы женщин» [Цит. по 2, с.150]. Поэтому вопрос дискриминации является одним из приоритетных, когда речь заходит об обеспечении равенства прав граждан в трудовой сфере.

Гендер – это социальный статус, определяющий индивидуальные достижения в образовании, профессиональных достижениях, семейной роли и репродуктивном поведении [12]. Сам термин «гендер» в англоязычной философской литературе появился в конце 60-х годов. Из всех наиболее распространенных точек зрения следует считать, что данное понятие больше относится к социальному полу, нежели биологическому. Понятие гендерного равенства шире просто равенства полов, но включает и его.

Гендерное неравенство в трудовой сфере — это разница в возможностях, условиях и оплате труда между мужчинами и женщинами, обусловленная социальными, экономическими и культурными факторами. В научной литературе встречается несколько определений этого понятия, которые подчеркивают его многогранность и

комплексность. Исторически в СССР конца 1980-х годов формально было достигнуто равенство полов в сфере труда благодаря необходимости максимального привлечения рабочей силы. Однако с переходом к капитализму в 1990-х годах это равенство начало разрушаться, и женщины столкнулись с двойной нагрузкой и ограниченными возможностями для карьерного роста [8].

Одно из общепринятых определений гласит, что гендерное неравенство — это ситуация, когда по признаку пола одни группы получают меньшие возможности в доступе к рабочим местам, карьерному росту, социальной защите и оплате, несмотря на равную квалификацию и опыт [8]. Законодательство Российской Федерации прямо запрещает дискриминацию в трудовой сфере по половому признаку, подчеркивая, что условия труда и оплата должны основываться исключительно на профессиональных качествах, а не на поле работника [13].

Другой подход рассматривает гендерное неравенство как результат социальных стереотипов и традиционных ролей, при которых женщины ограничены в профессиональной реализации из-за неформальных барьеров, ответственности за домашнее хозяйство и воспитание детей, а также сегрегации рынка труда на «мужские» и «женские» профессии. Это разделение выражается в том, что женщины часто сосредоточены в сферах с низкой оплатой и ограниченными возможностями карьерного роста — таких, как образование, здравоохранение и социальные услуги, где доля женщин может достигать 80% и выше [7, с.516].

Гендерное неравенство также рассматривается как комплексное явление, проявляющееся в двух основных измерениях: горизонтальной и вертикальной сегрегации. Горизонтальная сегрегация выражается в отраслевой и профессиональной специализации, когда женщины и мужчины сосредоточены в разных сферах и профессиях. Вертикальная сегрегация характеризуется ограниченным доступом женщин к руководящим и ответственным должностям, что существенно сужает их карьерные возможности. Кроме того, женская занятость осложняется ограниченным доступом к социальным гарантиям, включая пособия и пенсионные накопления, что делает женщин особенно уязвимыми на рынке труда.

Современная методология изучения проблемы гендерного неравенства в труде сочетает в себе правовой, экономический и социальный анализ, что позволяет глубже понять ее причины и выработать эффективные меры для ее преодоления.

При этом отмечается, что в компаниях с высоким количеством сотрудников-женщин наблюдается повышение общей удовлетворенности работой и организационной самоотверженности. Персонал лучше осознает значимость своей деятельности, а уровень эмоционального выгорания снижается [6, с.428]. Согласно

исследованию Центра творческого лидерства (Center for Creative Leadership, CCL), организации с гендерно разнообразными коллективами создают более инклюзивную и поддерживающую рабочую среду, что способствует повышению мотивации и снижению стресса среди сотрудников. Женщины в таких коллективах проявляют большую самоотдачу, что положительно сказывается на атмосфере и уровне удовлетворенности персонала [15].

Анализ нефинансовой отчетности российских компаний

При рассмотрении гендерного неравенства в трудовой сфере как социального явления важным источником данных является нефинансовая отчетность организаций. Она позволяет отобразить информацию о прочих результатах деятельности компаний, их вкладе и влиянии на экологические, социальные и управленческие аспекты.

В этой связи все более актуальными становятся новые принципы ведения бизнеса, которые основываются на ответственном отношении к окружающей среде (E — environment), высокой социальной ответственности (S — social) и высоком качестве корпоративного управления (G — governance). Таким образом, ESG (environmental, social, governance) — это принципиальный подход, направленный на решение современных экологических, социальных и управленческих вызовов. ESG-трансформация бизнеса совмещает достижение целей устойчивого развития ООН, принятие мер в рамках климатической повестки с повышением коммерческой эффективности. И сегодня ESG-трансформация целей предприятий и разработка стратегий с ориентацией на современные вызовы находится в центре внимания исследователей и ведущих компаний по всему миру [3, с.124].

Соблюдение ESG-принципов значительно усиливает рыночные позиции компании за счет укрепления деловой репутации и имиджа, помогает повысить доверие инвесторов и клиентов, раскрывая больше информации о бизнесе. Соответствие отчетности данным принципам в определенных случаях помогает привлечь больше инвестиций и получить доступ к льготному финансированию, повысить доходность по акциям. Именно поэтому развитые компании заинтересованы в предоставлении в открытом доступе информации о соблюдении ESG-принципов и их учете при разработке стратегий. Данная информация раскрывается организациями в нефинансовой отчетности.

Вопрос равенства сотрудников организации, в том числе соотносится с принципом социальной ответственности бизнеса в контексте пятой цели устойчивого

развития ООН (ЦУР-5) [10, с. 183]. В рамках достижения ЦУР-5 нефинансовая отчетность используется, чтобы:

- донести до заинтересованных сторон достоверную информацию о действиях компании в отношении проблем гендера;
- отследить прогресс организации в области гендерной политики;
- раскрыть гендерную политику компании.

Опыт компаний из различных стран показывает, что существуют разные подходы к составлению нефинансовой отчетности с учетом принципов устойчивого развития. Различия определяются задачами, которые ставят перед собой компании, и показателями, раскрываемыми ими при выполнении указанных задач для целей устойчивого развития. На данный момент компании по всему миру используют разные подходы в составлении нефинансовой отчетности: отчет по стандарту GRI (глобальная инициатива по отчетности), отчетность на основе ESG-факторов или отчет собственного формата.

Чтобы оценить проблему гендерного неравенства в России рассмотрим нефинансовую отчетность трех крупных компаний: ПАО «Газпром», ПАО «Сбербанк» и ООО «Яндекс». Данные компании являются лидерами, соответственно, в нефтяной и газовой промышленности, банковской сфере и информационных технологиях соответственно. Данные компании были выбраны не только по принципу лидирующих компаний, но и по характеру отраслей. Выбранные отрасли стереотипно считаются мужской, женской и смешанной. Анализ в различных отраслях позволяет оценить и сравнить не только сами показатели, характеризующие степень гендерного неравенства, но и степень раскрытия информации, что указывает на приоритеты компаний в определенных отраслях.

Перейдем к анализу нефинансовой отчетности ПАО «Газпром»[9]. Информация о гендерной структуре сотрудников представлена в разделе «Управление персоналом», подраздел «Обеспечение равных прав для работников». Равенство прав и возможностей для всех работников компаний Группы закреплено в положениях Генерального коллективного договора ПАО «Газпром» и его дочерних обществ.

Состав правления в 2024 году имел следующую структуру: 92,9% — мужчины, 7,1% — женщины. В последние годы наблюдается сокращение женщин в высшем руководящем органе (для сравнения, в 2022 году значения данных показателей были 85,7% и 14,3%, соответственно). В 2024 году только 25,3% руководителей — женщины, наблюдается увеличение данного показателя на 1,2 п.п. по сравнению с 2023 г. Однако среди специалистов и служащих количество женщин и мужчин примерно одинаково: доля женщин среди данных сотрудников в последние годы около 40%. Рабочие,

которые составляют 48,7% от общей численности сотрудников, в основном являются мужчинами (78,7%), что объясняется тяжелыми трудовыми условиями, а также условиями работы вахтовым методом. На основании полученных данных, можно сделать вывод, что основную долю сотрудников составляют мужчины, данная структура сохраняется в большинстве отчетов, связанных с персоналом (новые и выбывшие сотрудники, среднесписочная численность сотрудников). Большая часть женщин являются специалистами и служащими, однако, состав правления в основном представлен мужчинами, что может указывать на наличие стеклянного потолка для женщин в компании. Представленная информация не в полной мере раскрывает вопрос гендерного неравенства.

ПАО «Сбербанк» раскрывает информацию о гендерном равенстве в ESG-отчете в разделе «Люди и культура», подразделе «Культура открытости и равных возможностей» [1]. Обязательства Группы по недопущению любых форм дискриминации и исключению детского и принудительного труда, а также гарантия прав на свободу объединений закреплены в Политике в области социальной и экологической ответственности, корпоративного управления и устойчивого развития и Кодексе корпоративной этики и делового поведения. Равные возможности для карьерного роста гарантированы всем сотрудникам — от начальных до руководящих позиций, при этом главным критерием продвижения выступает профессионализм, а не гендерная принадлежность работника. Для этого Сбер развивает программы поддержки сотрудников, призванные помочь женщинам и мужчинам одинаково эффективно совмещать карьеру и семейную и личную жизнь.

Женщины составляют 64% от общей численности сотрудников ПАО «Сбербанк». Также доля женщин превышает долю мужчин в числе руководителей (62%) и специалистов (64%). Однако доля женщин в Наблюдательном совете не увеличивается, в 2024 г. мужчины составили около 86% от общей численности наблюдательного совета. В Правлении Сбербанка доля мужчин немного ниже – 71%.

Несмотря на высокую долю руководителей-женщин, на руководителей-женщин высшего звена приходится всего 32%, однако наблюдается тенденция к увеличению значения этого показателя в последние годы. Это говорит о том, что даже при большой доле сотрудников женского пола женщины все еще сталкиваются с проблемами карьерного роста на высоких управленческих позициях. Также стоит отметить, что доля женщин ИТ-специалистов и на должностях, связанных с наукой, техникой, инженерией и математикой (STEM), чуть превышает 20% и не имеет тенденции к увеличению.

Следовательно, большое количество женщин в числе сотрудников достигается в основном за счет персонала в банковской сфере.

ООО «Яндекс» в ESG-отчете раскрывает вопрос гендерного равенства в разделе «Сотрудники Яндекса», подразделе «Равенство возможностей» [14]. В компании, по ее заявлению, создана такая рабочая среда, в которой взаимное уважение, равенство мнений, честность и открытость — это повседневные нормы. Все сотрудники знакомятся с Правилами деловой этики и на ежегодных тренингах разбирают примеры того, как следует поступать в самых разных ситуациях (от конфликта интересов до случаев дискриминации).

Общая доля женщин в численности сотрудников составила 37% в 2024 г. Доля женщин-руководителей увеличилась и составила 34%, а доля женщин среди руководителей уровня CEO-1 и CEO-2 составила 35%, что значительно выше аналогичных показателей в других компаниях. Наибольшая представленность женщин наблюдается в таких профессиональных областях, как HR (88%), финансы (74%), маркетинг (73%). Наименьшую долю в числе сотрудников составляют женщины, работающие в областях разработки (12%), эксплуатации дата-центров и офисов (32%), поддержки пользователей (31%). В остальных профессиональных областях структура примерно равномерна. Доля женщин в STEM-ролях в 2024 году составила 23,6%. ООО «Яндекс» в отчетности указывает дополнительную информацию о совместном проведенном исследовании «Девушки в IT». Были выявлены факторы, влияющие на выбор профессии и карьерный рост женщин в данной отрасли: характерный образовательный опыт и внеучебная активность. Компания продолжает развивать бесплатные образовательные программы по IT-направлениям, в равной степени доступные девушкам и юношам, позиционируя их как долгосрочную инвестицию в постепенное сокращение гендерного разрыва среди выпускников технических вузов, которые становятся соискателями на рынке труда.

Важным аспектом ESG-отчета является предоставленная информация о гендерном разрыве в оплате труда (gender pay gap). Так, разрыв в оплате труда в 2024 году в ООО «Яндекс» не превышал 3%. В основном разрыв характерен для профессиональных областей с неравномерной половой структурой, которые были рассмотрены ранее.

Заключение

Гендерное неравенство в сфере труда является одной из наиболее устойчивых форм социальной дискриминации, которое представляет собой сложное и многогранное социальное явление, обусловленное совокупностью социокультурных, экономических и институциональных факторов. В исследовании подчеркивается, что

гендерное неравенство формируется не только на базе традиционных ролей и стереотипов, но и определяется структурными барьерами, такими как ограниченный доступ женщин к управленческим позициям и социальным гарантиям. Эти процессы приводят к устойчивым различиям в распределении ресурсов, обязанностей и возможностей между мужчинами и женщинами на рынке труда.

На основании проведенного анализа нефинансовой отчетности можно сделать вывод, что российские компании в недостаточной мере раскрывают информацию о гендерном неравенстве. В основном информация представлена структурой сотрудников и руководства, но данной информации не хватает для получения полной картины. Важной является информация о гендерном разрыве оплаты труда, о планируемых и реализуемых мероприятиях, направленных на сокращение гендерного неравенства. В основном российские компании в рамках ESG-отчётности фокусируются на экологических принципах, а среди социальных аспектов охватывают корпоративную этику в целом и инклюзивную среду, не уделяя большого внимания вопросу гендерного неравенства. Можно отметить, что среди проанализированных компаний ООО «Яндекс» предоставил наиболее полную информацию, включая оплату труда и принимаемые меры.

References

1. ESG-портрет Сбера: сайт / ПАО «Сбербанк» URL: <https://shareholder.sberbank.com/AR24/esg/ru/ESG-portrait.html> (дата обращения 17.11.2025)
2. Ахмедова Д.А. Повышение роли политического участия женщин в современном развитии общества: актуальность и перспективы // Социология власти. 2011. №5. С. 149-155.
3. Ветрова М.А. ESG-трансформация предприятий как ответ на новые вызовы // Международный экономический симпозиум - 2022 / Санкт-Петербургский Государственный университет С. 124-129 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49508709&pff=1> (дата обращения 17.11.2025)
4. Гаранина Т.А., Муравьев А.А. Советы директоров российских публичных компаний: гендерный аспект // Вопросы экономики. 2018. С. 142-155. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-2-142-155> (дата обращения 17.11.2025)
5. Дудко И.Г., Потапова С.В., Поленина С.В. Гендерное равенство. Проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Учебное пособие для студентов вузов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. №2(265). С. 256-260. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12922377> (дата обращения: 17.11.2025)
6. Измайлова М.А., Корнева Е.Ю., Цуркан М.В. Проблема женского лидерства в корпоративном управлении. doi:10.17072/2218-9173-2023-3-426-446 // Ars

Administrandi. 2023. Т. 15, №3. С. 426-446. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zhenskogo-liderstva-v-korporativnom-upravlenii/viewer> (дата обращения: 17.11.2025.)

7. Костенькова Т.А. Проблемы гендерного неравенства на российском рынке труда // Russian Journal of Labor Economics. 2021. Т. 8, № 5. С. 509-522

8. Львова М. Гендерное равенство в карьере: почему бизнесу это выгодно // РБК Тренды: сайт / Информационное агентство РБК. М., 18.09.2025. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/633698e29a7947cbe07f9515> (дата обращения: 17.11.2025)

9. Отчет о социальной деятельности Группы Газпром за 2024 год: сайт / ПАО “Газпром” URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2024/> (дата обращения 17.11.2025)

10. Соболева Г.В., Земцева Т.С. Нефинансовая отчетность как инструмент оценки устойчивого развития организаций // Международный экономический симпозиум - 2022 / Санкт-Петербургский Государственный университет С. 182-186 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49508629> (дата обращения 17.11.2025)

11. Соболева Г.В., Зуга Е.И. Гендерная политика аудиторских компаний в России: текущее состояние и перспективы. Учет. Анализ. Аудит. = Accounting. Analysis. Auditing. 2020;7 (5):56-68. DOI: 10.26794/2408-9303-2020-7-5-56-68 <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-politika-auditorskikh-kompaniy-v-rossii-tekushee-sostoyanie-i-perspektivy/viewer> (дата обращения 17.11.2025)

12. Ткач А.Е. Гендерная дискриминация в сфере труда: российский и зарубежный опыт // Конференции и публикации Сибирского юридического университета: сайт / Сибирский юридический университет. Омск, 2021. URL: <https://conf.siblu.ru/gendernaya-diskriminaciya-v-sfere-truda-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 17.11.2025.)

13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) Статья 3. Запрещение дискриминации в сфере труда. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/0d18caafb87d28222d0cb617c21634cc407ee0f5/ (дата обращения: 17.11.2025)

14. Устойчивое развитие в Яндексе в 2024 году: сайт / ООО “Яндекс” URL: <https://help.yandex.ru/sp/sustainability-2024> (дата обращения 17.11.2025)

15. Центр творческого лидерства (Center for Creative Leadership). About Us URL: <https://www.ccl.org/about-us/> (дата обращения: 17.11.2025)

INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES AND DIPLOMACY

UDC 327

Nochvina B.A., Panasenko A.I., Pigolitsyna J.V. Economic relations Between China and the Republic of Korea in the period of the late XX-early XXI century: development prospects

Экономические взаимоотношения КНР и Республики Корея в период конца XX-начала
XXI века: перспективы развития

Nochvina Bella Anatolyevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and World
Politics, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Panasenko Anastasia Ivanovna

4th year undergraduate student, Linguistic University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

Pigolitsyna Juliana Vladimirovna,

Assistant Professor of the Department of International Relations and Foreign Regional
Studies, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia

Ночвина Белла Анатольевна

к.и.н., доцент кафедры истории и мировой политики НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Россия

Панасенко Анастасия Ивановна

Студентка 4 курса бакалавриата Нижегородского государственного лингвистического
университета

им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Пиголицына Ульяна Владимировна

ассистент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения НГЛУ

им. Н.А. Добролюбова, Россия

Abstract. *The purpose of this article is to analyze the evolution of the policy of strategic partnership between the PRC and the Republic of Kazakhstan using the example of the characteristics of key periods of economic and political interaction between China and South Korea since 1992. The results of this strategic partnership based on cooperation in the free trade area, as well as joint projects in high technologies, are determined. Special attention is paid to the prospects of cooperation related to integration into the "One Belt, One Road", energy projects and reduction of trade barriers. The article demonstrates the reasons for the geopolitical differences between the two countries in the current conditions of the transformation of world politics, while maintaining the desire of the PRC and the ROK to actively coordinate efforts in ensuring regional security.*

Keywords: *Asia-Pacific region, South Korea, China, economic interdependence, geopolitical competition, free trade, multilateral initiatives*

Аннотация. *Целью данной статьи является анализ эволюции политики стратегического партнерства КНР и РК на примере характеристики ключевых периодов экономического и политического взаимодействия Китая и Южной Кореи с 1992 г. Определяются результаты указанного стратегического партнёрства, основанного на взаимодействии в зоне свободной торговли, а также совместных проектах в высоких технологиях. Особое внимание уделяется перспективам сотрудничества связаны с интеграцией в «Один пояс, один путь», энергетическими проектами и снижением торговых барьеров. Статья демонстрирует причины геополитических разногласий обеих*

стран в современных условиях трансформации мировой политики, при сохранении стремления КНР и РК активно координировать усилия в обеспечении региональной безопасности.

Ключевые слова: АТР, Южная Корея, Китай, экономическая взаимозависимость, геополитическая конкуренция, свободная торговля, многосторонние инициативы

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Взаимоотношения между Китайской Народной Республикой (КНР) и Республикой Корея (РК) с момента установления дипломатических связей в 1992 году претерпели значительную трансформацию, перейдя от базового сотрудничества к стратегическому партнёрству. Актуальность исследования данных отношений определяется их ролью в обеспечении стабильности Восточной Азии, усилением экономической взаимозависимости (товарооборот вырос с 31,5 млрд долл. в 2001 г. до 285 млрд долл. в 2019 г.) и геополитическими вызовами, включая ядерную программу КНДР, конкуренцию в высокотехнологичных отраслях и влияние внешних акторов, прежде всего США. Цель исследования заключается в анализе эволюции двусторонних связей, выявлении ключевых точек соприкосновения и противоречий, а также оценке перспектив сотрудничества в контексте региональной и глобальной интеграции.

Экономические отношения между КНР и Республика Корея (далее – РК или Южная Корея) в последние десятилетия значительно укрепились, что предоставляет различные перспективы для дальнейшего сотрудничества. Это связано как с ростом объемов торговли и инвестиций, так и с взаимными интересами в высоких технологиях и инновациях. Ключевую роль в установлении стабильности в Восточной Азии играет сотрудничество КНР и Республики Корея в сфере безопасности. Учитывая сложную политическую обстановку, вызванную ядерной программой КНДР, а также растущим влиянием Китая, важно анализировать механизмы и форматы взаимодействия, которые помогают обеим странам наращивать уровень доверия и искать пути к разрешению конфликтов.

В начале 1990-х годов Республика Корея значительно укрепила свое положение на международной арене. В рамках работы 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (октябрь 1991 г.) состоялись первые переговоры между министрами иностранных дел Китайской Народной Республики и Республики Корея. 24 августа 1992 года министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь и министр иностранных дел Республики Корея Ли Сан Ок подписали совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между своими странами, а также об обмене дипломатическими представительствами на уровне посольств. Обе стороны заявили о стремлении развивать долгосрочные отношения добрососедского сотрудничества на основе

принципов взаимного уважения, суверенитета и территориальной целостности. Правительство Республики Корея заявило о своем признании правительства КНР единственным правительством Китая. Существенным фактом, способствующим установлению дипломатических отношений между сторонами, стало признание южнокорейским руководством острова Тайвань частью Китая.

Отношения между Китаем и Южной Кореей прошли путь от «дружбы и совместных отношений» (1992 г.) к «полномасштабному совместному партнерству» (1998 г.) и «всестороннему совместному партнерству» (2003 г.). В 1990-х годах южнокорейское руководство заметно расширило диапазон своего внешнеполитического взаимодействия, подчеркивая, что оно не замыкается на союзнических отношениях с США, это начинание стало фундаментом новой стратегии РК в отношении Китая. Визит президента Республики Корея Ро Дэ У в Пекин в 1992 году послужил отправной точкой в развитии разносторонних отношений обеих стран.

На рубеже XX–XXI веков проходили регулярные встречи на разных уровнях, что свидетельствует о стремлении сторон развивать двусторонние взаимоотношения. В ноябре 2005 года председатель КНР Ху Цзиньтао выдвинул четыре предложения по развитию сотрудничества с Республикой Корея, а именно: укрепление взаимного политического доверия, расширение экономического сотрудничества, обмен опытом в гуманитарной сфере и проведение консультаций по международным вопросам. В 2007 году премьер Государственного совета Китайской Народной Республики Вэнь Цзябао предложил начать сотрудничество между сторонами, а также продолжить диалог по проблеме безопасности в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе [2]. Однако президент Республики Корея Ли Мен Бак полностью изменил акценты во внешней политике, вернувшись к традиционному усилению геополитического союза с Соединенными Штатами. Данный курс сохраняет и современное правительство РК, что серьезно осложняет развитие политического диалога между КНР и Республикой Корея [3, с.28]. По мнению ряда исследователей, сотрудничество между США и Республикой Корея в дополнении с Договором о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, ограничивает возможности КНР занять лидирующие позиции в АТР.

Несмотря на это, в 2007 году Китай стал одним из основных торговых партнеров Республики Кореи. Телекоммуникации, энергетика, грузоперевозки и охрана окружающей среды в настоящее время являются основными направлениями торгово-экономического сотрудничества. Расширяя двухсторонние контакты в сфере региональной безопасности, Южная Корея и Китай готовы приложить совместные усилия для борьбы с международным терроризмом и наркотрафиком, а также разрешения проблемы денуклеаризации Корейского полуострова. Приверженность

Республики Кореи политике "одного Китая" остается позитивным восприятием для руководства КНР.

В 2003 г. Китай потеснил США став крупнейшим рынком сбыта корейских товаров, а в 2004 г. закрепил свой статус крупнейшего торгового партнёра Южной Кореи [13]. В 2005 г. РК обогнала Тайвань и стала вторым по значимости торговым партнёром Китая (первое место уверенно занимала Япония, четвёртое – США). После вступления КНР в ВТО и открытия его внутреннего рынка конкуренция за китайский рынок растёт. В сравнении с 2010 годом на современном этапе в китайском импорте потеряли часть своей доли все основные торговые партнёры – Япония, Республика Корея (на 0,4 п.п. – до 9,6%), Тайвань, США. Это лишь подтверждает высокую ёмкость китайского внутреннего рынка, так как валовые показатели торговли продолжают расти [1, с. 82]. К концу 2010 года товарооборот Китая с Южной Кореей превысил 100 миллиардов долларов [4]. В 2010 году Китай занимал первое место по экспорту (23, 2 % от общего объема экспорта) и импорту (16, 8 % от общего объема импорта) Южной Кореи. Южнокорейские фирмы также участвовали в освоении территорий Западного Китая. КНР, в свою очередь, стремился наладить совместную работу с корейскими партнерами в нефтехимической, угольной и сталелитейной отраслях. Крупные корейские компании, такие как LG Electronics, Samsung, Hyundai, Kia относительно укоренились на китайском рынке и даже конкурировали с национальными производителями КНР.

С 2007 года Китай является крупнейшей страной в мире по привлечению южнокорейских инвестиций. Важной целью экономического взаимодействия Южной Кореи с КНР было желание проникнуть в высокотехнологичные сферы китайского производства, но это стремление осложнялось высокой стоимостью южнокорейской рабочей силы по сравнению с китайской, что привело к вынужденному трудовому обязательству корейских фирм нанимать китайских работников. Стоит отметить, что с 2005 года китайско-южнокорейская торговля несколько сократилась из-за параллельных антидемпинговых мер, проблем с продовольственной безопасностью, снижения южнокорейских инвестиций и последствий экономического кризиса 2008 года [12].

Растущее торгово-экономическое сотрудничество КНР и Республика Корея закономерно стремиться выйти за рамки двусторонних отношений, объединив многостороннее партнерство с Японией, несмотря на жесткие противоречия в области региональной безопасности между указанными государствами. В декабре 2010 года в Ханчжоу представители компетентных ведомств по логистике трех стран подписали меморандум о сотрудничестве по сети информационного обслуживания логистических операций в Северо-Восточной Азии, что являлось прорывом в истории развития логистической деятельности Китая, Южной Кореи и Японии [3, с. 34]. Однако полному

экономическому объединению этих стран препятствовало существующее геополитическое соперничество КНР и США в АТР.

Отношения между Китайской Народной Республикой (КНР) и Республикой Корея находятся в значительной зависимости от состояния китайско-американских и корейско-американских отношений. Соединенные Штаты Америки осуществляют сдерживающее влияние на взаимодействие между Южной Кореей и Китаем, стремясь предотвратить укрепление позиций КНР в данном регионе. Следует также отметить, что Китай рассматривает Республику Корея как одного из ключевых региональных партнеров и предпринимает все необходимые меры для поддержания и улучшения сложившихся контактов, начавшихся с 80-х годов XX века [7, с. 22].

Взаимодействие Китая и Республики Корея сохраняет статус ключевого фактора региональной стабильности, демонстрируя устойчивость стратегического партнёрства даже при наличии отдельных разногласий в политической, экономической и культурной плоскостях. Ярким примером такой устойчивости служит арктическое направление, где двусторонние противоречия оказались минимизированы благодаря институционализации многостороннего диалога. Формирование трёхстороннего формата сотрудничества с участием Японии, КНР и РК в сфере освоения Арктики позволило не только снизить потенциальную конфликтность, но и создать механизм для согласования интересов и совместных проектов в данном регионе. В 2013 году эти страны присоединились к Арктическому совету в качестве наблюдателей, а в ноябре 2015 года в «Совместной декларации о мире и сотрудничестве в Северо-Восточной Азии» закрепили свое желание осуществлять трехстороннее сотрудничество в Арктике. На шестом саммите Республики Корея, Японии и Китая в ноябре 2015 года правительство Республики Корея выступило с предложением о проведении трехстороннего диалога по сотрудничеству в Арктике, и поскольку правительства Японии и Китая приняли его, это было отражено в «Совместной декларации о мире и сотрудничестве в Северо-Восточной Азии» [8].

Отношения между Китайской Народной Республикой и Республикой Корея в первые два десятилетия XXI века характеризуются интенсивным развитием, что приводит к их существенной институционализации и расширению до беспрецедентных масштабов. Важным фундаментом этого партнёрства является совпадение стратегических приоритетов в обеспечении региональной стабильности, что находит практическое выражение в согласованной антиядерной политике в отношении КНДР, а также в совместном противодействии транснациональным угрозам, включая терроризм и незаконный оборот наркотиков. Такое сотрудничество в сфере безопасности выступает в качестве одного из ключевых стабилизаторов двусторонних отношений, способствуя укреплению взаимного доверия и углублению диалога по широкому спектру вопросов. Так, двусторонний товарооборот увеличился в 9 раз (с 31.5 млрд

долл. в 2001 г. до 285 млрд долл. в 2019 г.) (см. таблицу 1). 20 декабря 2015 г. в Сеуле стороны заключили соглашение о создании зоны свободной торговли – самое крупное, как для Южной Кореи, так и для КНР. Сторонники соглашения полагают, что для экспортно-ориентированной экономики Южной Кореи соглашение с Китаем откроет новые перспективы: расширит присутствие южнокорейской продукции на внутреннем рынке Китая и будет способствовать увеличению торгового оборота между странами. Кроме того, КНР и Республика Корея ведут переговоры о создании ЗСТ с Японией, активно взаимодействуют со странами АСЕАН и участвуют в масштабной инициативе Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Помимо экономического эффекта данные проекты способны оказать благоприятное влияние на непростую политическую ситуацию в регионе. Оно призвано сформировать ЗСТ в течение 20 лет на основе ликвидации таможенных пошлин на 90% товаров взаимной торговли с сохранением исключений (для Республики Корея исключены 960 товарных позиций, а для КНР – 766) [9, с.4]. Хотя в Южной Корее к реализации данного соглашения относятся не без критических замечаний, доля КНР в южнокорейском экспорте выросла с 12 до 32%, а в импорте – с 9 до 22%. В итоге Китай превратился в крупнейший внешний рынок сбыта южнокорейских товаров и в ведущего поставщика потребительской и промышленной продукции. В том числе узлов и комплектующих деталей, без стабильных поставок которых (как показала кризисная ситуация 2020 г., связанная с распространением эпидемии коронавируса COVID-19) промышленность Республики Корея на полную мощность функционировать не может.

Таблица 1

Торговый оборот Китая с Республикой Корея и КНДР, млрд долл.

	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт Китая в РК	101.3	93.7	102.7	109.0	111.0
Импорт Китая из РК	174.5	159.0	177.6	204.6	173.6
Товарооборот	275.8	252.7	280.3	313.6	284.6
Торговый баланс	-73.2	-65.3	-74.9	-95.6	-62.6
Экспорт Китая в КНДР	2.9	2.8	3.2	2.2	2.6
Импорт Китая из КНДР	2.6	2.5	1.7	0.2	0.2
Товарооборот	5.5	5.3	4.9	2.4	2.8
Торговый баланс	0.3	0.3	1.5	2.0	2.4

В свою очередь на южнокорейские поставки товаров и услуги приходится 8.3% китайского импорта, в то время как поставки в Республику Корея (РК) обеспечивают 4.4% экспорта КНР.

Однако отношения между Республикой Корея и Китаем характеризуются наличием объективных экономических противоречий, обусловленных структурными факторами, а не исключительно внешним влиянием. Данная тенденция находит выражение в активном вытеснении китайскими производителями южнокорейских компаний с традиционных и новых рынков сбыта. Например, Китай стал мировым лидером по объему производства автомобилей в 2021 г., тогда как Южная Корея заняла лишь 5е место. Экспорт автотранспортной техники, произведенной в КНР, вырос в 2021 г. на 100 % по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. [11]. С января по август 2022 г. Китай экспортировал 1,817 млн автомобилей, увеличив экспорт в годовом исчислении на 53 % [5]. В то же время Южная Корея за первое полугодие 2022 г. экспортировала 1,07 млн автомобилей, что всего на 1,5 % больше, чем в 2021 г. [6].

С 1992 по 2000 г. двусторонний товарооборот увеличился в пять раз, а в 2000-2020 г. ещё почти в восемь раз, несмотря на период пандемии COVID-19. Период наиболее интенсивного роста товарооборота между КНР и Республикой Корея пришёлся на первую половину 2000-х годов, когда годовые темпы прироста достигали 40%. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. прервал эту тенденцию, после чего восстановление характеризовалось неустойчивой динамикой с чередованием фаз роста и снижения при общем существенном замедлении темпов по сравнению с докризисным уровнем. Инвестиционное взаимодействие между двумя странами носит асимметричный характер: его основу составляют прямые инвестиции из Республики Корея в Китай, отличающиеся диверсифицированной отраслевой структурой, в то время как китайские капиталовложения в РК концентрируются преимущественно в сфере услуг. Ключевыми факторами для дальнейшего углубления экономической кооперации выступают снижение взаимных торговых барьеров и совместное участие в многосторонних интеграционных инициативах.

Хотя они были согласованы в 2014 году, официальное подписание этих соглашений состоялось только после того, как переводы согласованного содержания были проверены обеими сторонами.

Во время саммита 14 декабря 2017 года Мун Чжэ Ин и Си Цзиньпин договорились о закреплении основы для двустороннего экономического сотрудничества (несмотря на противостояние ТНААД). Стоимостный объем импорта за 8 месяцев 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. значительно увеличился именно из КНР в РК, продемонстрировав рост на 19,1 % и достигнув 104,5 млрд долл. Уверенный рост

импорта из КНР доказывает, что уйти от торговли с Китаем в обозримом будущем для Южной Кореи не представляется возможным. К тому же РК зависит от китайских поставок редкоземельных материалов. В частности, для производства аккумуляторов РК импортирует из КНР литий, магний, мочевины и марганец, предложение которых на рынке ограничено [10].

Анализ подтвердил глубокую экономическую взаимозависимость КНР и РК: с 2007 года Китай остаётся главным получателем южнокорейских инвестиций, тогда как РК зависит от китайского сырья для высокотехнологичных производств. Исследование позволяет утверждать, что геополитические разногласия, включая военный союз РК с США и санкции из-за THAAD, не прервали диалога: в 2017 году лидеры Си Цзиньпин и Мун Чжэ Ин восстановили сотрудничество, закрепив его в Совместной декларации. Выявлено, что региональная безопасность остаётся зоной консенсуса: обе страны выступают за денуклеаризацию Корейского полуострова и участвуют в борьбе с терроризмом. Многосторонние форматы, такие как Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП) и Арктический совет, демонстрируют потенциал для снижения напряжённости. Перспективные направления взаимодействия включают интеграцию в инфраструктурные проекты «Одного пояса, одного пути», совместные энергетические инициативы и развитие цифровой логистики. Вместе с тем сохраняются структурные дисбалансы: китайские компании вытесняют южнокорейских производителей на глобальных рынках (автомобилестроение, нефтехимия), что требует поиска новых точек роста в инновационных секторах. Результаты позволяют прогнозировать продолжение диалога в позитивном ключе при условии учёта взаимных интересов и снижения внешнеполитической конфронтации.

Перспективы китайско-южнокорейских отношений связаны с устойчивой тенденцией к углублению всестороннего стратегического сотрудничества, в основе которого лежит взаимная выгода и расширение областей партнёрства. Структурная взаимодополняемость экономик двух стран, а также общие долгосрочные интересы, такие как обеспечение энергетической безопасности, формируют базу для реализации масштабных инфраструктурных инициатив. Яркой иллюстрацией этой тенденции служит трёхсторонний проект «Ковыкта – Китай – Южная Корея» по поставкам российского газа. Его значение знаменует переход от традиционной двусторонней торговли к более сложным, многосторонним форматам сотрудничества в критически важной энергетической сфере.

Развитие подобных схем открывает возможность для институционализации трёхстороннего взаимодействия Китая, Южной Кореи и Японии. Создание устойчивого «треугольника сотрудничества» в Северо-Восточной Азии могло бы позволить этим

странам не только повысить эффективность логистики и снизить издержки, но и сформировать новый, более самостоятельный центр влияния в регионе. Такой альянс был бы способен выступать с собственными интеграционными инициативами, меньше завися от внешних факторов. Исходя из этого, главным направлением развития отношений КНР и РК представляется дальнейшее укрепление торгово-экономических связей. Их качество будет меняться: от обмена товарами — к совместному созданию транснациональных производственных цепочек и участию в стратегических альянсах в сфере энергетики и инфраструктуры. Подобная модель кооперации способна снизить риски, связанные с колебаниями глобальной конъюнктуры, и заложить более прочную основу для долгосрочного партнёрства. Китайская инициатива "Один пояс, один путь" неизбежно предполагает участие Республики Корея в данном масштабном проекте в будущем.

В заключение следует отметить, что все внешнеторговые и политические контакты между Китайской Народной Республикой и Республикой Корея имеют преимущественно положительный характер. Это свидетельствует о наличии благоприятных условий для формирования еще более эффективных и взаимовыгодных связей, а также для усиления влияния обеих стран в восточноазиатском регионе. Несмотря на структурные разногласия в двусторонних отношениях, на основании текущих тенденций можно сделать вывод, что вероятность открытой конфронтации между Китаем и Южной Кореей остаётся низкой, так как она сдерживается высокой степенью экономической взаимозависимости и обоюдной заинтересованностью в региональной стабильности.

References

1. Кукла М.П. Роль КНР во внешней торговле Республики Корея //Известия Восточного института (Владивосток). 2012. № 2. С. 80–86. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-knr-vo-vneshney-torgovle-respubliki-koreya/viewer> (дата обращения 05.11.2025)
2. Министерство иностранных дел КНР. Переговоры премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао и президента РК Но Му Хена [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zzjg/yzs/xwlb/200512/t20051212_928894.html (дата обращения: 12.11.2025).
3. Петрунина Ж.В. Эволюция отношений между Китаем и Южной Кореей на рубеже XX-XXI веков // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2012. № 35. С. 27–37. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-otnosheniy-mezhdu-kitaem-i-yuzhnoy-koreey-na-rubezhe-xx-xxi-vekov/viewer> (дата обращения 01.11.2025)

4. По мнению эксперта, США не в состоянии сдерживать Китай // Жэньминь жибао. 2010. 4 авг. [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7092309.html> (дата обращения 10.11.2025).
5. China remains key market for Japanese, South Korean NEV firms, despite external disruptions: insiders // Global Times. 2022. 21 Sept. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275807.shtml> (дата обращения: 26.11.2025).
6. (LEAD) Auto exports hit 8yr high in 1st half on popularity of ecofriendly cars // Yonhap News Agency. 2022. 15 July. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN202207150032513200> (дата обращения: 26.09.2022)
7. Kontsevaia T. Yu. Relations between the People's Republic of China and the Republic of Korea: contemporary state and development prospects // International Relations and Dialogue of Cultures. 2021. С.19–25. URL: https://internrelat.spbstu.ru/userfiles/files/2-Tatiana-Yu_-Kontsevaia.pdf (дата обращения 12.11.2025)
8. Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. ROK, Japan and China to Hold the 1st Trilateral Dialogue on Arctic Cooperation // Official web-site. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=316457 (дата обращения: 14.11.2025).
9. Schott, J. Jung E., Cimino-Isaaks C. An Assessment of the Korea - China Free Trade Agreement// Peterson Institute for International Economics. Policy Brief. 2015. December. С. 1–15. URL: <https://www.piie.com/publications/policy-briefs/assessment-korea-china-free-trade-agreement> (дата обращения 15.11.2025)
10. South Korea Excessively Dependent on China for Certain Items // Business Korea. 2022. 7 June. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=96007#:~:text=The%20Korea%20Institute%20for%20Industrial,%2C%20magnesium%2C%20urea%20and%20manganes> (дата обращения 20.11.2025)
11. S. Korea remains 5th in global car production: KAMA // The Korean Herald. 2022. 28 Feb. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220228000670> (дата обращения: 26.09.2022).
12. Suk-hee Han. South Korea Seeks to Balance Relations with China and the United States // Council on Foreign Relations. 2012. 4 Dec. URL: <https://www.cfr.org/report/south-korea-seeks-balance-relations-china-and-united-states> (дата обращения: 14.11.2025).
13. 박세정. 대미-대중 무역비중 10년만에 완전교체. (Пак Сечжонг. Китай потеснил США и стал основным торговым партнером Южной Кореи) // KBS News. 2011. URL: <https://www.kbs.co.kr> (дата обращения: 20.11.2025). URL: <https://www.kbs.co.kr> (дата обращения 20.11.2025)

JURISPRUDENCE AND LAW

UDC 34

Ivasheva I.V., Golovastova Y.A. Problems of electronic monitoring of persons sentenced to restriction of freedom

Проблематика электронного контроля за осужденными к ограничению свободы

Ivasheva Irina Vladimirovna,

Adjunct Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan), Department of Criminal-Executive Law and Organization of Educational Work with Convicts

Golovastova Yulia Aleksandrovna,

Professor, Doctor of Law, Associate Professor
(Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan)

Ивашева Ирина Владимировна,
адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (г.Рязань),
Кафедра уголовно-исполнительного права и организации
воспитательной работы с осужденными

Головастова Юлия Александровна,
профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент. (Академия ФСИН России г. Рязань)

Abstract. In this research article, the author examines the problematic aspects of implementing electronic monitoring of persons sentenced to imprisonment. The author analyzes in more detail the characteristics of this type of criminal punishment and examines its practical application. The author briefly mentions areas for improving legislation in this area. This research article will be useful to theorists and practitioners, researchers, teachers, and a wider readership.

Keywords: electronic monitoring, restriction of liberty, convicted persons, execution of sentences, legal issues, criminal punishment.

Аннотация. В настоящей научной статье автор рассматривает проблемные аспекты осуществления электронного контроля за осужденными к лишению свободы. Автор более детально анализирует особенности данного вида уголовного наказания, исследует его применение на практике. Кратко автор научной статьи упоминает направления совершенствования законодательства в данной области. Настоящая научная статья будет полезна теоретикам и практикам, научным работникам, преподавателям, а также и более широкому кругу читателей.

Ключевые слова: электронный контроль, ограничение свободы, осужденные, исполнение наказания, правовые проблемы, уголовное наказание.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

В последнее десятилетие процессы цифровизации все мощнее проникли практически во все сферы общественной жизни, во многом вытеснив более традиционные форматы и инструменты. Существенным плюсом выступает удобство, скорость и относительная дешевизна внедрения электронных инструментов, что

позволяет снизить издержки в самых разных направлениях деятельности. Не является исключением и сфера уголовно-исполнительного права.

Как известно, предусмотренные нормами УК РФ уголовные наказания не всегда предусматривают наличие у осужденного изоляции от общества, в ряде случаев осужденный ведет привычный образ жизни с некоторыми исключениями, которое налагает на него соответствующий вид уголовного наказания. Одним из таких видов выступает ограничение свободы (ст. 53 УК РФ) [4].

Из теории уголовного права следует, что ограничение свободы – это разновидность уголовного наказания, предусмотренная нормами УК РФ и заключающаяся в установлении в отношении осужденного определенного рода ограничений без изоляции от общества, но с обязательным контролем со стороны уполномоченных субъектов.

Ст. 53 УК РФ закрепляет следующие варианты ограничения свободы осужденного:

- запрет покидать место постоянного проживания или пребывания в установленное время суток (чаще всего – это ночное время);
- запрет на посещение определенных мест;
- запрет покидать территорию конкретного муниципального образования;
- запрет смены места проживания или пребывания, места работы или учебы без согласования с уполномоченным органом;
- иные.

Собственно, из установленного перечня мы наблюдаем два ключевых признака ограничения свободы как вида уголовного наказания. Во-первых, свобода все-таки предусматривается, но в определенных четких границах, носит диспозитивно-императивный характер. Во-вторых, соблюдение установленных ограничений требует со стороны уполномоченного органа строгого контроля [1; 3].

В эпоху цифровизации высокую актуальность и практическую востребованность приобрела электронная форма контроля за такими осужденными. И, опять же, во многом эта новация ускорила и упростила работу уполномоченных органов, ведь теперь наблюдение за осужденным к ограничению свободы можно производить фактически из любой точки в любое время. Кроме того, это позволяет существенно «разгрузить» сотрудников уголовно-исполнительной и правоохранительной систем, работающих в данном направлении, осуществить более эффективное перераспределение функций.

Электронный инструментарий, используемый уполномоченными органами для реализации цифрового контроля за осужденными к ограничению свободы, установлен

Постановлением Правительства РФ от 31.03.2010 г. № 198. В частности, данным подзаконным актом определены следующие электронные устройства для применения:

- электронные браслеты, включающие также: стационарное контрольное устройство и мобильное контрольное устройство, персональный трекер, ретранслятор,
- стационарное устройство аудиовизуального контроля;
- технические средства и устройства региональных информационных центров;
- иное.

Важно, что универсальным перечисленный комплект электронного контроля за осужденными не является, его состав определяется в каждом конкретном случае индивидуально, с учетом характеристик установленных судом ограничений.

Еще один существенный момент – использование электронных инструментов контроля – это право, а не обязанность уполномоченного органа. Реализуется право через подготовку постановления, с которым ознакамливают не только самого осужденного, но и членов его семьи, если ограничения установлены по месту их совместного проживания [1].

Кроме этого, осужденный ввиду значительных технических особенностей электронных устройств обязан следить за их сохранностью, не допускать нарушения правил эксплуатации, бережно относиться. За нарушение указанных норм осужденный несет материальную ответственность.

Таким образом, электронные устройства контроля обладают некоторыми особенностями в сравнении с традиционными форматами работы с осужденными, не приговоренными к уголовному наказанию, связанному с изоляцией от общества. Несмотря на удобство и актуальность, реализация электронного контроля за осужденными имеет определенные правовые проблемы.

Ключевой проблемой специалисты называют сложность в сохранении баланса между достижением стандартных целей электронного контроля и соблюдением прав, свобод, законных интересов осужденного и членов его семьи. Ведь ограничение свободы фактически не распространяется на ограничения в личной жизни осужденного, а также может не подразумевать и территориальных ограничений. В результате, с одной стороны, осужденный имеет полное право жить прежней, привычной жизнью, но с некоторыми ограничениями, с другой же, наличие электронных устройств контроля может доставлять такому лицу существенный дискомфорт и не позволять полноценно реализовывать свои права.

Или, например, особенности реализации видеонаблюдения. Как известно, нормы ФЗ от 12.18.1995 г. № 144-ФЗ «Об ОРД» закрепляют возможность ведения видеонаблюдения только в рамках установленных оперативно-розыскных мероприятий,

в отношении конкретного лица, по конкретным фактам – в этом случае согласия на проведение не требуется. В других же случаях процедура выступает более сложной, многосоставной, не может быть реализована без получения согласия от лица, в отношении которого видеонаблюдение устанавливается.

В рассматриваемом контексте можно упомянуть правило 3.11. Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением.

До недавнего времени важной правовой проблемой было использование электронных устройств контроля в отношении осужденных, имеющих медицинские противопоказания к их ношению. Учитывая, что применение таких устройств для больных осужденных может нанести значительный риск их здоровью или жизни, впоследствии в профильные инструкции были внесены изменения, принудившие уполномоченные органы учитывать медицинские показания осужденных.

Распространенной и самой сложной для решения проблемой является технический вопрос. К примеру, по очевидным причинам не всегда электронный контроль бывает эффективным в густонаселенных муниципальных образованиях, поскольку сигналы одних электронных устройств пересекаются или блокируются другими электронными устройствами. Аналогичная проблема возникает и в отдаленном территориально населенном пункте, что не гарантирует уполномоченному органу качество электронного мониторинга [3; 5].

Во-вторых, как в случае реализации очного контроля мы можем наблюдать высокую степень влияния человеческого фактора, так и при электронных инструментах контроля не исключается возникновение разного рода технических сбоев, что также негативно влияет на эффективность контрольных мер. Как показывают социологические опросы, некоторые сотрудники уполномоченных органов намеренно избегают применения электронных устройств контроля, поскольку не обладают достаточной квалификацией для их использования на практике [5]. Аналогично и технические сбои в моменте отследить бывает не всегда просто, чем влияние привычного человеческого фактора. Поэтому новаторский характер электронных устройств контроля одновременно выступает и их сильной, и их слабой стороной, что затрудняет их более значительное распространение на практике.

Иными словами, использование электронных устройств контроля за осужденными к ограничению свободы сегодня довольно распространено на практике, однако активное внедрение происходит с не самыми высокими темпами. Причин этому несколько, и ключевыми из них выступают: правовые, технические или материально-технические, организационно-управленческие, другие.

Полагаем, ввиду своей эффективности электронные устройства контроля за осужденными к ограничению свободы в дальнейшем все же получат большую популярность, однако некоторой трансформации данный инструмент определенно требует.

Кратко обозначим ключевые выводы по теме.

Предметом исследования является проблематика реализации электронного контроля за осужденными к ограничению свободы в современной российской практике.

Так, в данном научном исследовании отмечается, что само по себе применение в отношении осужденного технических средств надзора и контроля является правом, а не обязанностью уголовно-исполнительной инспекции. При этом очевидно, что состав комплекта оборудования в каждом конкретном случае определяется исходя из особенностей организации контроля по соблюдению осужденным установленных судом ограничений. Автор отмечает, что вместе с обязанностью по ношению технических средств надзора и контроля у осужденного автоматически появляется обязанность по бережному отношению к установленному оборудованию и соблюдению рекомендуемых условий эксплуатации.

В научной статье анализируется использование некоторых электронных устройств контроля, а именно:

- электронные браслеты;
- стационарное устройство аудиовизуального контроля;
- технические средства и устройства региональных информационных центров;
- иное.

Определено, что правовое регулирование использования таких инструментов осуществляется профильным Постановлением Правительства РФ от 31.03.2010 г. № 198.

Несмотря на высокую востребованность и практическую актуальность, тем не менее, электронный контроль за осужденными сегодня обладает рядом значительных проблем, среди которых правовые, технические, организационные и другие. В т.ч. из-за наличия указанных недостатков сотрудники уполномоченных органов не всегда охотно принимают в работу такие устройства. Полагаем, в обозримом будущем ситуация в этой области качественно изменится, ведь эффективность онлайн-инструментов в десятки раз выше, чем их очных аналогов.

References

1. Апостолова, Н.Н. Права личности в уголовном судопроизводстве в эпоху цифровых технологий // Администратор суда. 2022. № 2. – С. 35-38.

2. Вершинина, С.И. О законности ограничения права на свободу условно осужденных, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций // Журнал российского права. 2023. № 7. – С. 103-118.

3. Ковалев, О.Г., Багнычев, М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. – С. 13-17.

4. Помошкова, Н.В. Содержательные свойства уголовных наказаний без изоляции от общества // Современное право. 2024. № 8. – С. 98-100.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Российская газета. 2001. № 249.

UDC 34

Ivasheva I.V., Golovastova Y.A. Problems of Executing Probationary Sentences for Individuals without a Permanent Residence

Проблемы исполнения условного осуждения в отношении лиц,
не имеющих постоянного места жительства

Ivasheva Irina Vladimirovna,

Adjunct Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Department of Criminal-Executive Law and Organization of Educational Work with Convicts, Ryazan

Golovastova Yulia Aleksandrovna, Academic Supervisor,

Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan.

Ивашева Ирина Владимировна,
адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, кафедра
уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы
с осужденными, г. Рязань

Головастова Юлия Александровна, научный руководитель,
профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент, Академия ФСИН России, г. Рязань.

Abstract. This research article examines current issues related to the execution of probationary sentences for individuals without a permanent residence. The author focuses on some of the most complex issues in law enforcement practice and suggests ways to improve this institution, including its legal regulation. This research article will be useful to theorists and practitioners, legal specialists, teachers and students, and a wider readership.

Keywords: probationary sentence, legal regulation, law enforcement practice, penal law, execution of sentences, current issues.

Аннотация. В настоящей научной статье рассматриваются актуальные проблемы исполнения условного осуждения в отношении лиц, не имеющих постоянного места жительства. Автор исследования акцентирует внимание на некоторых наиболее сложных вопросах правоприменительной практики, предлагает пути совершенствования института, в т.ч. его правового регулирования. Настоящая научная статья будет полезна теоретикам и практикам, специалистам правового профиля, преподавателям и студентам, а также более широкому кругу читателей.

Ключевые слова: условное осуждение, правовое регулирование, правоприменительная практика, уголовно-исполнительное право, исполнение наказания, актуальные проблемы.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Туvinский государственный университет»

Институт условного осуждения – одно из наиболее явных проявлений признаков демократического государства, практическая реализация принципа гуманности уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также социально-педагогический инструмент. Несмотря на высокую степень социально-

экономической актуальности, в настоящее время приведение теоретических и законодательных положений в практическое русло претерпевает значительные проблемы, что показывает недостаточный уровень эффективности самого по себе уголовно-исполнительного производства в целом.

Это можно наблюдать, в частности, из анализа статистических показателей Судебного департамента при ВС РФ. Так, если рассматривать данные за 2013-2023 гг., то можно сделать вывод, что общее количество наказаний и мер условного осуждения поступательно растет, т.е., повышается социальная, практическая значимость института условного осуждения, его реальное распространение становится все более широким. В т.ч. повышающийся коэффициент наблюдается и в части назначения условного осуждения как такового. К примеру, за период 2013-2023 гг. средний показатель назначения условного осуждения составлял 46 %, при этом максимальное значение – 51,8 % (2015 г.), минимальное – 34,95 % (2023 г.). Как видно из представленной статистики, даже при минимальных показателях общий процент назначения условного осуждения остается довольно высоким [2].

И значительную долю среди таких осужденных составляют лица, не имеющие постоянного места жительства – в общей массе за рассматриваемый период число таких осужденных выросло с 24,5 % до 30,7 %. Повышение практического распространения института условного осуждения для таких лиц специалисты также связывают с развитием принудительных работ как одного из видов уголовного наказания. И здесь необходимо отметить двойственность процесса. С одной стороны, высокая востребованность принудительных работ для лиц, не имеющих постоянного места жительства, является причиной для общего роста доли назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Однако одновременно это свидетельствует о значительном снижении показателей наказаний и мер, исполняемых УИИ [2].

Социологические исследования показывают, что в большинстве случаев сотрудники УИС испытывают сложности с реализацией контроля и надзора в отношении лиц, не имеющих постоянного места жительства, приговоренных к условному осуждению. В частности, 70 % респондентов отмечают проблемы в эффективном, качественном контроле за поведением таких осужденных, ключевой причиной чего выступает именно отсутствие у них постоянного места жительства, хотя УИК РФ сразу в нескольких нормах определяет данную функцию как одну из ключевых.

В общем и целом, можно обозначить следующие проблемы исполнения условного осуждения в отношении лиц, не имеющих постоянного места жительства. Во-первых, это проблема реализации мер контроля и надзора, которую можно отметить как ключевую и междисциплинарную, поскольку, невозможность реализации данных мер

наблюдается не только со стороны сотрудников УИС, но и, к примеру, участкового уполномоченного, который отвечает за соблюдение законности и правопорядка на вверенной ему территории. И здесь, с одной стороны, участковый уполномоченный не может эффективно реализовывать свой функционал, с другой же, не имеет фактической возможности оказать содействие сотрудникам УИС в реализации уже их функций.

Во-вторых, невозможность реализации эффективного контроля свидетельствует о проблемном характере и недостаточно качестве реализации всего института условного осуждения как такового. И эта проблема довольно существенна, поскольку, как видно из приведенных статистических данных, общий процент условно осужденных довольно высок, показатели стабильны, равно как и данные о проблемности института, подтверждаемые проведением комплексных исследований [3; 5]. В результате возникает ожидаемый вопрос: насколько в целом целесообразно назначать наказание в виде условного осуждения к лицам, не имеющим постоянного места жительства, если низкая эффективность практической реализации такого наказания очевидна?

В-третьих, проблема контроля порождает одновременно и более существенную проблему, касающуюся уже не отдельного лица или какой-то территории, а более глобального масштаба. Условное осуждение применяется к лицу, нарушившему закон, совершившему уголовно-наказуемое противоправное деяние. Следовательно, такое лицо опасно для общества, не исключено, что впоследствии он может вновь совершить преступление, в т.ч. и более тяжкое. Одним из установленных нормативно критериев замены условного осуждения на реальное лишение свободы выступает, собственно, совершение преступлений как нарушение закрепленного порядка реализации уголовного наказания данного вида. Значит, законодатель не допускает возможности, чтобы лицо, приговоренное к условному осуждению, продолжало совершать преступления и при этом оставалось на данном виде наказания. Одновременно гарантировать исполнение указанной нормы для лиц, не имеющих постоянного места жительства, практически невозможно. Таким образом, получается, что лицо, приговоренное к условному осуждению, являющееся потенциально опасным для окружающих, находится абсолютно без контроля, может попасть в поле зрения правоохранительных органов или учреждений УИС только случайно, ситуативно.

В-третьих, проблемность реализации контрольно-надзорных мер при условном осуждении сама по себе может порождать, во-первых, потенциальную привлекательность института условного осуждения для подозреваемых и обвиняемых, а также, во-вторых, само распространение статуса лиц, не имеющих постоянного места жительства.

Представим ситуацию. Лицо, имеющее постоянное место жительства, приговорено к условному осуждению, которое отбывать не стремится. После выхода на свободу такой субъект может демонстрировать явное желание соблюдать установленные правила, однако фактически он исчезает, банально переезжая куда-либо и не оставляя о своем новом месте жительства никаких данных. Более того, ст. 27 Конституции РФ предоставляет возможность делать это постоянно, неоднократно, в пределах всей необъятной территории России. Не исключена также и возможность преодолеть государственную границу (например, незаконным способом) и проживать на нелегальном положении в другой стране. И в подобной ситуации вновь мы наблюдаем, как такое лицо может попасть в поле зрения правоохранительных органов лишь случайно – к примеру, если попадет на экраны камер видеонаблюдения или будет остановлен сотрудником правоохранительных органов за какое-либо правонарушение или для проверки личности. Однако такое развитие событий – скорее ожидание, чем реальность [4]. Чаще всего такое лицо скрывается годами и десятилетиями, продолжая сохранять потенциальную опасность для окружающих людей и всего государства в целом.

В-четвертых, интересной в рассматриваемой ситуации представляется и мотивация лиц, не имеющих постоянного места жительства, приговоренных к условному осуждению. До этого мы анализировали стандартную мотивацию большинства осужденных к избеганию отбывания уголовной ответственности, чем и объяснялось влечение к данной форме уголовного наказания. Однако важно учитывать психолого-педагогические характеристики лиц, не имеющих постоянного места жительства. Если анализировать их комплексно, то можно наблюдать, что большая часть таких субъектов (как показывают социологические исследования, порядка 50 % опрошенных), называет объективной необходимостью постоянную смену места жительства, не связывает это с мотивацией избежать отбывания уголовного наказания. Психологи подчеркивают: для бездомного со временем кочевой образ жизни входит в привычку, становится его естественной средой обитания, и в том, что такой субъект резко меняет постоянное место жительства на другое, не имеет его вовсе, нет ничего необычного – скорее, это норма. Более того, правоприменительной практике известны случаи, когда лицо не имело постоянного места жительства, было приговорено к условному осуждению, однако проблем в контексте реализации мер контроля и надзора не было, поскольку такое лицо само стремилось исполнять требования условного осуждения, активно содействовало этому.

В конечном итоге, как видно из представленных выше примеров, а также анализа иных научно-практических источников институт условного осуждения лиц, не имеющих

постоянного места жительства, в настоящее время действительно выступает достаточно проблемным. Это актуализирует вопрос о необходимости внесения изменений в правовое регулирование – прежде всего, нормы УИК РФ.

К примеру, это касается необходимости расширения полномочий сотрудников УИС и участковых уполномоченных, установления более высокой эффективности их межведомственного взаимодействия. Выше уже приводился пример, когда специалисты двух ведомств, имеющих одну цель, фактически не обладают возможностью ее исполнить на практике, в т.ч. из-за проблем межведомственной коммуникации [4]. Учитывая проблемный характер самого института участковых уполномоченных, считаем актуальным обратить внимание законодателя на такую функцию сотрудника как содействие в реализации мер контрольно-надзорного характера в отношении условно осужденных, проживающих или находящихся на территории такого участкового. Выше уже отмечалось, что проблемы при реализации контроля в подобной ситуации – не точечные, а более глобальные, поскольку ставят под угрозу законность и правопорядок во всем государстве в целом.

Во-вторых, сегодня явно нуждается в корректировке и повышенном внимании со стороны государства такое явление как бездомность. Статистические данные свидетельствуют о том, что лишь минимальный процент лиц, не имеющих постоянного места жительства, приобрел такой статус из-за пристрастия к алкоголю, наркотикам или иным запрещенным веществам. Зачастую бездомными становятся представители интеллигенции, рабочего класса и т.д., попавшие в сложную жизненную ситуацию. Нередко сама по себе бездомность и приводит в итоге к совершению преступлений. Поэтому необходимо реформировать весь существующий подход государства к контролю данного явления, содействовать в работе над его минимизацией, чтобы постепенно сформировать доверие общества и понимание, что в сложной ситуации гражданин может рассчитывать на поддержку государства.

Отметим, что требуют корректировки и другие положения законодательства и правоприменительной практики [1; 3].

Иными словами, сегодня институт условного осуждения лиц, не имеющих постоянного места жительства, нуждается в усиленном внимании законодателя. Проблемный характер данного института ставит под угрозу обеспечение законности и правопорядка на конкретной территории, а в более глобальном смысле – и во всем государстве в целом. Полагаем, над данной проблемой требуется комплексная, системная работа с привлечением практикующих специалистов и представителей научного сообщества.

References

1. Глазков, М.Б. Проблемы контроля за исполнением обязанностей, возложенных на условно осужденных: Актуальные проблемы уголовно-правовой и уголовно-исполнительной практики РФ на современном этапе: матер. всеросс. науч.-практ. конф., посв. памяти В.И. Горобцова. – Красноярск: Изд-во СЮИ МВД РФ, 2023. – С. 89-94.
2. Иванова, Ю.Р. К вопросу о сущности условного осуждения в современной действительности [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: https://na-journal.ru/pdf/nauchnyi_aspekt_1-2024_t11_web.pdf#page=118
3. Карпов, К.Н. Дифференциация оснований отмены условного осуждения и освобождения от наказания // Lex Russia. – 2025. – № 11. – С. 15-22.
4. Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока». Российская газета. 2024. № 148.
5. Прудникова, Е.Е., Сундунова, О.Ф. Проблемы исполнения условного осуждения // Научный журнал «Студенческий форум». – 2024. – № 29 (296). – С. 22-29.
6. Фисенко, Д.Ю. Условное осуждение и некоторые проблемы его реализации: Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: матер. Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Изд-во ФГКОУ ВПО БЮИ МВД РФ, 2021. – С. 102-104.

UDC 349.3: 342.4 (470)

Khaleev A.A. The impact of the 2020 constitutional reform on the regulation of labor relations in Russia

Влияние конституционной реформы 2020 года
на регулирование трудовых отношений в России

Khaleev Anton Alexandrovich,

Master's student at the Institute of Distance Learning,
Information Technology and Online Projects,
Pyatigorsk State University

Scientific adviser: **Averyanova N. N.,**

Doctor of Law, Associate Professor

Department of Coordination of Research, Innovation and Project activities in the specialty, Master's
and postgraduate programs, Pyatigorsk State University

Халеев Антон Александрович,
магистрант Института заочного обучения, информационных
технологий и онлайн-проектов, ФГБОУ ВО

«Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель

Аверьянова Н. Н., доктор юридических наук, доцент

Департамент координации научно-исследовательской и инновационно-проектной
деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре,
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Abstract. The article analyzes the impact of the 2020 constitutional reform on the legal regulation of labor relations in the Russian Federation. The research was conducted using a comprehensive analysis method of constitutional amendments and their relationship with current labor legislation. The main results show that the reform introduced significant changes to the constitutional basis of labor relations, including the consolidation of the guarantee of minimum wage not lower than the subsistence minimum, constitutional recognition of social partnership principles and respect for workers. Ten fundamental constitutional principles regulating labor relations were identified. It was established that the reform significantly strengthened the state's role in protecting citizens' labor rights and created a legal basis for improving labor legislation. The conclusion is drawn about the need for a comprehensive revision of current labor legislation in accordance with new constitutional provisions to ensure effective implementation of constitutional guarantees.

Keywords: constitutional reform, labor relations, labor rights, minimum wage, social partnership, constitutional guarantees, labor legislation, protection of labor rights, subsistence minimum, state regulation of labor

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния конституционной реформы 2020 года на правовое регулирование трудовых отношений в Российской Федерации. Исследование проведено методом комплексного анализа конституционных поправок и их взаимосвязи с действующим трудовым законодательством. Основные результаты показывают, что реформа внесла существенные изменения в конституционную базу трудовых отношений, включая закрепление гарантии минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума, конституционное признание принципов социального партнерства и уважения человека труда. Выявлены десять фундаментальных конституционных принципов, регулирующих трудовые отношения. Установлено, что реформа существенно усилила роль государства в защите трудовых прав граждан и создала правовую основу для совершенствования трудового законодательства. Сделан вывод о необходимости комплексного пересмотра действующего трудового законодательства в соответствии с новыми конституционными положениями для обеспечения эффективной реализации конституционных гарантий.

Ключевые слова: конституционная реформа, трудовые отношения, трудовые права, минимальный размер оплаты труда, социальное партнерство, конституционные гарантии, трудовое законодательство, защита трудовых прав, прожиточный минимум, государственное регулирование труда.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

ВВЕДЕНИЕ

Конституционная реформа 2020 года стала одним из наиболее значимых правовых событий в современной России, существенно повлиявшим на различные сферы общественных отношений, включая трудовые. Актуальность исследования влияния данной реформы на регулирование трудовых отношений обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, внесенные в конституцию РФ поправки непосредственно затронули социально-трудовую сферу, закрепив на высшем законодательном уровне новые гарантии трудовых прав граждан. конституционное закрепление положений о минимальном размере оплаты труда не ниже прожиточного минимума, об уважении человека труда, о социальном партнерстве и защите социальных прав требует комплексного научного осмысления.

Во-вторых, изменения конституционных основ трудовых отношений происходят в условиях цифровизации экономики, появления новых форм занятости и трудовых отношений, что создает дополнительные вызовы для правового регулирования труда в России.

В-третьих, практическая реализация конституционных новелл в сфере труда требует существенной корректировки действующего трудового законодательства и правоприменительной практики, что делает необходимым научный анализ возникающих в этой связи проблем и противоречий.

Цель исследования заключается в комплексном анализе влияния конституционной реформы 2020 года на правовое регулирование трудовых отношений в Российской Федерации и выявлении перспективных направлений совершенствования трудового законодательства в контексте конституционных изменений.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи исследования**:

1. исследовать теоретико-правовые основы конституционного регулирования трудовых отношений и определить место трудовых прав в системе конституционных прав граждан РФ;
2. проанализировать основные направления конституционной реформы 2020 года, затрагивающие сферу трудовых отношений;
3. выявить практические последствия конституционной реформы для регулирования трудовых отношений, включая изменения в трудовом законодательстве и судебной практике;

4. определить проблемы и противоречия, возникающие при реализации новых конституционных положений в сфере труда.

Конституционная реформа 2020 года была инициирована президентом РФ В.В. Путиным в послании федеральному собранию 15 января 2020 года. законом РФ о поправке к конституции РФ от 14.03.2020 № 1-фкз «о совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были внесены масштабные изменения в основной закон страны.

Поправки к Конституции РФ затронули различные аспекты государственного устройства и общественной жизни, включая:

- перераспределение полномочий между органами государственной власти;
- усиление роли государственного совета;
- изменение порядка формирования правительства РФ;
- укрепление государственного суверенитета;
- закрепление социальных гарантий;
- защиту традиционных ценностей.

В контексте регулирования трудовых отношений особое значение имеют следующие конституционные новеллы:

1. закрепление в ст. 75 Конституции РФ положения о том, что «государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по российской федерации»;

2. включение в ст. 75.1 Конституции РФ положения о том, что «в российской федерации... гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность»;

3. расширение полномочий правительства РФ в социально-трудовой сфере (ст. 114 конституции РФ), в частности, обязанность правительства РФ обеспечивать реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Конституционные поправки были одобрены в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года и вступили в силу 4 июля 2020 года. Реформа создала новую конституционно-правовую основу для дальнейшего развития трудового законодательства и практики его применения, что требует глубокого научного анализа и осмысления.

Конституционно-правовое регулирование трудовых отношений представляет собой систему правовых норм высшей юридической силы, закрепляющих основополагающие принципы и гарантии в сфере труда, определяющих базовые

трудовые права и свободы граждан, а также устанавливающих конституционные основы для развития трудового законодательства.

Сущность конституционно-правового регулирования трудовых отношений заключается в создании фундаментальной правовой основы, обеспечивающей баланс интересов работников, работодателей и государства. Конституция РФ, являясь актом высшей юридической силы, определяет вектор развития всего трудового законодательства и практики его применения.

Особенностями конституционно-правового регулирования трудовых отношений являются:

1. универсальность и общеобязательность конституционных норм для всех субъектов трудовых отношений;
2. прямое действие конституционных норм в сфере труда;
3. особый порядок принятия и изменения конституционных положений, обеспечивающий их стабильность;
4. верховенство конституционных норм по отношению к иным нормативным правовым актам в сфере труда;
5. наличие специального механизма конституционного контроля за соответствием трудового законодательства положениям конституции РФ.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Использован диалектический метод для анализа развития конституционного регулирования трудовых отношений, позволяющий рассмотреть изменения в их динамике. Применен сравнительно-правовой метод для сопоставления конституционных положений до и после реформы 2020 года, а также для анализа соответствия российского законодательства международным стандартам в сфере труда.

Формально-юридический метод использован при анализе текстов конституционных поправок, Трудового кодекса РФ и иных нормативных правовых актов. Метод системного анализа применен для исследования взаимосвязи конституционных норм с действующим трудовым законодательством и практикой его применения. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию конституционного регулирования трудовых отношений в России.

В качестве источников информации использованы: Конституция РФ (с учетом поправок 2020 года), Трудовой кодекс РФ, федеральные законы в сфере труда и социального обеспечения, решения Конституционного Суда РФ, научные публикации в

области трудового и конституционного права, официальные материалы органов государственной власти, касающиеся реализации конституционной реформы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конституционно-правовое регулирование трудовых отношений осуществляется как через непосредственное закрепление трудовых прав и гарантий в тексте Конституции РФ, так и через конституционное определение компетенции органов государственной власти в сфере регулирования труда.

Трудовые права занимают особое место в системе конституционных прав и свобод граждан РФ, относясь преимущественно к группе социально-экономических прав, которые гарантируют достойное существование и свободное развитие личности.

В системе конституционных прав трудовые права характеризуются следующими особенностями:

1. двойственная природа: с одной стороны, они выступают как личные права (свобода труда), с другой – как социально-экономические (право на справедливую оплату труда, право на отдых);

2. тесная взаимосвязь с другими группами конституционных прав: политическими (право на объединение в профсоюзы), личными (право на достоинство личности), культурными (право на образование и профессиональную подготовку);

3. особый механизм реализации, предполагающий активную роль государства в создании условий для осуществления трудовых прав.

Основные трудовые права, закрепленные в Конституции РФ до реформы 2020 года, включали:

- свободу труда и запрет принудительного труда (ч. 1, 2 ст. 37);
- право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37);
- право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации (ч. 3 ст. 37);
- право на защиту от безработицы (ч. 3 ст. 37);
- право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку (ч. 4 ст. 37);
- право на отдых (ч. 5 ст. 37).

Конституционный суд РФ неоднократно подчеркивал особую значимость трудовых прав, отмечая их непосредственную связь с человеческим достоинством и необходимость их эффективной защиты. в своих решениях конституционный суд РФ сформировал ряд правовых позиций, развивающих конституционное содержание

трудовых прав и определяющих пределы их ограничения.

До конституционной реформы 2020 года регулирование трудовых отношений базировалось на следующих основополагающих конституционных принципах:

1. принцип свободы труда (ч. 1 ст. 37 конституции РФ), предполагающий право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. данный принцип исключает принуждение к труду в какой-либо форме, кроме случаев, особо установленных законом.

2. принцип запрета принудительного труда (ч. 2 ст. 37 конституции РФ), являющийся логическим продолжением принципа свободы труда и соответствующий международным стандартам в сфере труда (конвенции мот № 29 и № 105).

3. принцип равенства трудовых прав и запрета дискриминации в сфере труда, вытекающий из общего конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 конституции РФ) и конкретизированный в положении о вознаграждении за труд без какой бы то ни было дискриминации (ч. 3 ст. 37).

4. принцип обеспечения права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37 конституции РФ), устанавливающий обязанность государства и работодателей создавать безопасные условия труда.

5. принцип обеспечения права на вознаграждение за труд (ч. 3 ст. 37 конституции РФ), гарантирующий справедливую оплату труда работников. при этом до реформы 2020 года конституция РФ не содержала прямого указания на минимальный размер оплаты труда не ниже прожиточного минимума.

6. принцип защиты от безработицы (ч. 3 ст. 37 конституции РФ), предполагающий создание государством системы мер по предотвращению и снижению безработицы, социальной поддержке безработных граждан.

7. принцип признания права на индивидуальные и коллективные трудовые споры (ч. 4 ст. 37 конституции РФ), включая право на забастовку, что является важной гарантией защиты трудовых прав работников.

8. принцип обеспечения права на отдых (ч. 5 ст. 37 конституции РФ), предусматривающий установление разумной продолжительности рабочего времени, выходных и праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска.

9. принцип признания и защиты равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (ч. 2 ст. 8 конституции РФ), имеющий важное значение для регулирования трудовых отношений в организациях различных форм собственности.

10. принцип единства экономического пространства и свободы экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 конституции РФ), влияющий на регулирование трудовых

отношений в контексте свободы предпринимательской деятельности работодателей.

Указанные конституционные принципы получили развитие в Трудовом кодексе РФ и иных нормативных правовых актах, регулирующих трудовые отношения. Они служили ориентиром для законодателя при разработке трудового законодательства и для правоприменителей при разрешении трудовых споров.

Конституционная реформа 2020 года существенно дополнила и расширила систему конституционных принципов регулирования трудовых отношений, что создало новые правовые основы для развития трудового законодательства России.

Конституционная реформа 2020 года внесла существенные изменения в регулирование трудовых отношений в Российской Федерации. Поправки к Конституции РФ, одобренные в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, значительно расширили конституционные гарантии в сфере труда и социального обеспечения.

Основными новыми положениями Конституции РФ, затрагивающими сферу трудовых отношений, стали:

1. Закрепление в ч. 5 ст. 75 Конституции РФ гарантии минимального размера оплаты труда не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

2. Установление в ч. 6 ст. 75 Конституции РФ принципа системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений, что косвенно влияет на трудовые отношения через систему пенсионного страхования.

3. Включение в ст. 75.1 Конституции РФ положения о создании условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества.

4. Закрепление в ст. 75.1 Конституции РФ принципа уважения человека труда, обеспечения защиты его прав, что повышает конституционный статус трудящихся.

5. Установление в ст. 75.1 Конституции РФ гарантии социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности.

6. Расширение в п. "е" ч. 1 ст. 114 Конституции РФ полномочий Правительства РФ в сфере обеспечения реализации принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

7. Дополнение ст. 114 Конституции РФ положением о том, что Правительство РФ обеспечивает реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений (п. "е.4" ч. 1).

Эти конституционные новеллы существенно расширили правовую основу регулирования трудовых отношений, закрепив на высшем юридическом уровне ряд

социально-трудовых гарантий и принципов, которые ранее содержались только в федеральном законодательстве или вовсе отсутствовали в правовой системе России.

Одним из наиболее значимых изменений конституционной реформы 2020 года в сфере трудовых отношений стало закрепление в ч. 5 ст. 75 Конституции РФ гарантии минимального размера оплаты труда не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

До конституционной реформы 2020 года положение о минимальном размере оплаты труда содержалось только в федеральном законодательстве. Хотя Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал на необходимость установления МРОТ на уровне, обеспечивающем достойное существование человека, конституционного закрепления данной нормы не было.

Новая конституционная гарантия имеет следующие особенности:

1. Императивный характер нормы: формулировка "не ниже" устанавливает минимальный порог, ниже которого МРОТ не может быть установлен ни при каких обстоятельствах.

2. Привязка к прожиточному минимуму трудоспособного населения: это обеспечивает учет реальных потребностей работающих граждан и создает механизм автоматической индексации МРОТ при изменении стоимости жизни.

3. Федеральный уровень гарантии: норма устанавливает единый минимальный стандарт для всей страны, что не исключает возможности установления более высокого МРОТ в отдельных субъектах РФ с учетом региональных особенностей.

4. Конституционный статус гарантии: закрепление данного положения в Конституции РФ существенно затрудняет возможность его пересмотра в будущем и создает прочную правовую основу для защиты права работников на справедливую оплату труда.

Практическое значение данной конституционной новеллы заключается в том, что она:

- Обеспечивает стабильность социальных гарантий в сфере оплаты труда;
- Создает конституционный барьер для возможного снижения уровня оплаты труда в кризисные периоды;
- Формирует конституционно-правовую основу для дальнейшего совершенствования законодательства об оплате труда;
- Усиливает судебную защиту права на справедливую оплату труда, поскольку теперь суды могут напрямую ссылаться на конституционную норму.

Таким образом, конституционное закрепление гарантии МРОТ не ниже прожиточного минимума является важным шагом в развитии социального государства

и усилении защиты трудовых прав граждан России.

Конституционная реформа 2020 года впервые закрепила на конституционном уровне принципы социального партнерства в сфере трудовых отношений, что является значительным шагом в развитии трудового права России. До этого момента социальное партнерство регулировалось исключительно на уровне Трудового кодекса РФ и иных федеральных законов.

Новые конституционные положения, касающиеся социального партнерства, включают:

1. Статья 75.1 Конституции РФ, которая устанавливает, что в Российской Федерации гарантируются социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

2. Пункт "е.4" части 1 статьи 114 Конституции РФ, согласно которому Правительство РФ обеспечивает реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Конституционное закрепление принципов социального партнерства имеет следующее значение:

1. Повышение правового статуса социального партнерства: перевод данного института из уровня обычного законодательства на конституционный уровень значительно укрепляет его юридическую силу и значимость.

2. Создание конституционной основы для развития трехстороннего сотрудничества: конституционные нормы формируют прочный фундамент для взаимодействия работников, работодателей и государства при регулировании трудовых отношений.

3. Усиление роли коллективных договоров и соглашений: конституционное закрепление социального партнерства повышает значимость коллективно-договорного регулирования трудовых отношений.

4. Стимулирование развития профсоюзного движения и объединений работодателей: новые конституционные положения создают дополнительные правовые гарантии для деятельности представительных органов работников и работодателей.

5. Возложение конституционной обязанности на Правительство РФ: прямое указание на обязанность Правительства РФ обеспечивать реализацию принципов социального партнерства повышает ответственность исполнительной власти в данной сфере.

Практические последствия конституционного закрепления принципов социального партнерства включают:

- Необходимость пересмотра и совершенствования законодательства о

социальном партнерстве с учетом его нового конституционного статуса;

- Повышение роли Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений и аналогичных комиссий на региональном и территориальном уровнях;

- Усиление судебной защиты прав сторон социального партнерства;

- Развитие практики заключения отраслевых и территориальных соглашений, коллективных договоров.

Таким образом, конституционное закрепление принципов социального партнерства создает новые возможности для гармонизации трудовых отношений и баланса интересов работников, работодателей и государства.

ВЫВОДЫ

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что конституционная реформа 2020 года стала значимым этапом в развитии правового регулирования трудовых отношений в России. Реформа существенно расширила конституционные гарантии трудовых прав граждан, закрепив на высшем законодательном уровне ряд принципиально важных положений. Ключевыми новациями стали конституционное закрепление минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума, принципы социального партнерства, уважения человека труда и усиление роли государства в защите трудовых прав.

Особое значение имеет повышение статуса социально-трудовых гарантий, которые теперь имеют конституционную природу и не могут быть произвольно изменены текущим законодательством. Реформа создала более прочную правовую основу для развития трудового законодательства, усиления судебной защиты трудовых прав и расширения социальных гарантий работников. Конституционные поправки подчеркнули социальную направленность российского государства, возложив на него более широкие обязательства по обеспечению достойных условий труда, защите прав работников и поддержанию баланса интересов между участниками трудовых отношений.

Важным результатом реформы стало также усиление роли Правительства РФ в регулировании социально-трудовой сферы, что создает предпосылки для более эффективной государственной политики в области труда и занятости. Конституционные изменения отражают современные тенденции развития трудовых отношений, связанные с цифровизацией экономики, появлением новых форм занятости и необходимостью гибкого, но при этом социально ориентированного правового регулирования.

В целом, конституционная реформа 2020 года представляет собой качественно новый этап в развитии конституционно-правового регулирования трудовых отношений

в России, направленный на усиление социальных гарантий, повышение защищенности работников и создание более справедливой системы трудовых отношений.

References

1. Аверьянова Н.Н. Местное самоуправление: теоретический взгляд на правовую природу в контексте состоявшихся и будущих реформ // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 1. С. 2-5.
2. Алексеева И.С., Валяровский Ф.И. Теоретические аспекты реализации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2017. № 1. С. 8-11.
3. Арсланов К.М., Сафин Р. Р. О перспективах правового регулирования трудовых отношений. // Право и политика. 2018. №2. С. 77-84.
4. Бабурин С. Н. О корректировке Конституции Российской Федерации в 2020 году // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 119-121.
5. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 №1-ФКЗ “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти” (официальный источник: Официальный интернет-портал правовой информации, 14.03.2020).
6. Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7-18.
7. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, внесёнными Законами Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №8-ФКЗ.
8. Кравец И. А. Конституционный символизм, модернизация конституции и информационное общество (между учредительным и информационным конституционализмом для России) // Lex russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 43-58.
9. Кузнецов В. М., Кузнецова Н. О. Конституционные и экономические основы формирования евразийского экономического союза // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. №4. С. 39-49.
10. Курячая М. М. Гражданин, общество, государство, инновации: современные механизмы взаимодействия. Краснодар, 2017.
11. Лазарев В. В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5-17.

12. Малько А.В., Абаева Е.А., Аверьянова Н.Н. и др. Конституционно-правовая политика современной России: словарь-справочник / Малько А.В., Абаева Е.А., Аверьянова Н.Н., Басова А.В., Боброва Н.А., Велиева Д.С., Воронкова М.Л., Ермолаева Ю.В., Комбарова Е.В., Плотникова И.Н., Подмарев А.А., Сазонникова Е.В., Старшова У.А., Стребкова Е.Г., Торосян Р.А., Троицкая Т.В., Украинцева В.С., Фомичева О.А., Шиндина А.В. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив». Москва, 2024. 96 с.
13. Румянцев О. Г. Конституционная реформа-2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 6-32.
14. Скачкова Г. С. Региональное регулирование трудовых отношений // Образование и право. 2017. №11. С. 110-115.
15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002.

UDC 34

Krapivina D.A. Legal aspects of trademark abuse

Юридические аспекты злоупотребления правом на товарный знак

Krapivina Daria Andreevna,

first-year master's student at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Academic Supervisor: **Danshina Natalia Anatolyevna**, PhD (Law)

Крапивина Дарья Андреевна,

студент 1 курса магистратуры Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого

Научный руководитель: к.ю.н. Даньшина Наталья Анатольевна

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the legal aspects of trademark abuse in the Russian legal system. It examines the historical background to the development of the institution of means of individualization and their socioeconomic functions in modern conditions. Particular attention is paid to judicial practice identifying various forms of unfair trademark use, including the use of mechanisms to challenge trademark protection for competitive purposes and "patent trolling." Based on this analysis of judicial practice, the author examines the issues of qualifying trademark abuse through the prism of the principles of good faith and estoppel. The article explores the law enforcement challenges of balancing the presumption of good faith on the part of market participants with the need to prevent unfair practices.

Keywords: trademark, abuse of rights, unfair competition, patent trolling, estoppel, good faith, means of individualization, exclusive rights.

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ юридических аспектов злоупотребления правом на товарный знак в российской правовой системе. Исследуются исторические предпосылки формирования института средств индивидуализации и их социально-экономические функции в современных условиях. Особое внимание уделяется судебной практике, выявляющей различные формы недобросовестного использования товарных знаков, включая использование механизмов оспаривания охраны знаков в конкурентных целях и «патентный троллинг». На основе анализа судебной практики автор рассматривает проблемы квалификации злоупотребления правом через призму принципов добросовестности и эстоппеля. Исследуется правоприменительная проблематика баланса между презумпцией добросовестности участников оборота и необходимостью пресечения недобросовестных практик.

Ключевые слова: товарный знак, злоупотребление правом, недобросовестная конкуренция, патентный троллинг, принцип эстоппель, добросовестность, средства индивидуализации, исключительные права.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Туvinский государственный университет»

История развития института средств индивидуализации демонстрирует, что потребность обозначать происхождение товара или услуги и выделять их среди однородных продуктов существовала задолго до современной правовой формализации. Яркой иллюстрацией этого служат археологические находки, такие как древнегреческая чаша для вина, находящаяся в греческом зале Государственного Эрмитажа, в городе Санкт-Петербург, датируемая концом VI – началом V в. до н.э., с выполненной на ней надписью: «Гисхил сделал. Эпиклет расписал». Подобные артефакты демонстрируют ранние формы индивидуализации, которые не только

фиксируют связь между изделием и его создателем, выполняя скорее роль знаков авторства, но и служили для потребителя инструментом идентификации, косвенно указывая на мастерство и предполагаемое качество, ассоциируемое с конкретным производителем. Таким образом, сама идея использования специальных обозначений для выделения товара среди себе подобных и донесения до потребителя информации о его источнике зародилась много столетий назад, закладывая философские и экономические предпосылки для последующего формирования сложного правового института товарного знака.

Переход экономики к рыночной модели, сопровождающийся ростом конкуренции и значительным расширением сектора товарного предложения, трансформировал базовую потребность в индивидуализации в полноценный правовой механизм. Многообразие представленных на рынке товаров и услуг объективно потребовало создания эффективной системы правовой охраны обозначений, которые позволяют участникам гражданского оборота выделять свою продукцию, а потребителям – свободно ориентироваться в выборе того или иного товара или услуги. Ключевыми элементами этой системы являются товарный знак и знак обслуживания.¹ Согласно ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), товарный знак представляет собой обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Аналогичную функцию в сфере услуг выполняет знак обслуживания, индивидуализирующий выполняемые работы или оказываемые услуги. Формально в российском законодательстве между этими двумя понятиями не проводится принципиального правового различия: они подчиняются единым требованиям, проходят одинаковую процедуру государственной регистрации и пользуются тождественным объемом правовой охраны. Единственное различие между ними лежит в плоскости предмета индивидуализации: товары – для товарного знака, услуги – для знака обслуживания. Учитывая данное обстоятельство, а также идентичность их правовой природы, в дальнейшем изложении для унификации будет использоваться термин «товарный знак» в значении, охватывающем оба этих понятия.

Правовая сущность товарного знака основывается на экономических принципах организации общества и заключается в наделении его правообладателя исключительными правами на использование обозначения для маркировки производимых или реализуемых товаров. Правовая охрана, возникающая в результате государственной регистрации, выполняет двойственную социально-экономическую

¹ Беднарж В.А., Салдаева Д.С. Злоупотребление правом при регистрации товарного знака // Вестник СГЮА. 2024. №5 (160). С. 116

роль: с одной стороны, она защищает интересы владельца товарного знака от недобросовестных действий третьих лиц и способствует сохранению его конкурентных позиций, а с другой – обеспечивает потребителям определенность выбора и защищает экономический оборот от ситуации смещения и дезориентации.² Согласно ст. 1482 ГК РФ в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы разнообразные обозначения, включая словесные, изобразительные, объемные, звуковые и иные их комбинации.

Значительная экономическая ценность товарных знаков как объектов промышленной собственности, выражающаяся в их способности приносить стабильный доход и формировать существенную часть активов компании, а также их центральная роль в маркетинговых стратегиях обуславливают необходимость четкого определения выполняемых ими функций. В научной доктрине отсутствует единая классификация, однако системный анализ научной литературы позволяет выделить следующий комплекс взаимосвязанных функций, наиболее полно раскрывающих социально-экономическое назначение товарного знака в условиях рыночной экономической системы.

Во-первых, товарному знаку присуща индивидуализирующая (различительная) функция, которая составляет его основное назначение. Данная функция позволяет выделить конкретный товар или услугу из массы однородных продуктов на рынке, обеспечивая их визуальную и смысловую узнаваемость для потребителя. Эффективность реализации этой функции напрямую зависит от различительной способности обозначения, определяемой такими характеристиками, как лаконичность, запоминаемость, простота восприятия и уникальность.

Во-вторых, знак выполняет идентифицирующую (гарантийную) функцию, находящуюся в тесной связи с индивидуализирующей. Эта функция реализуется тогда, когда потребитель начинает ассоциировать конкретное обозначение с определенным хозяйствующим субъектом и его деловой репутацией. Узнаваемый товарный знак трансформируется для покупателя в символ ожидаемого качества продукции, выступая своеобразным «молчаливым гарантом». Для производителя же это создает важный стимул поддерживать и улучшать качество своих товаров, поскольку любое снижение стандартов неизбежно наносит ущерб репутации, аккумулированной в знаке.

В-третьих, следует отметить рекламную (коммуникативную) функцию обозначения. Товарный знак служит основой всех маркетинговых коммуникаций, концентрируя рекламные усилия правообладателя и транслируя потребителю не только

² Магомадова Э.И. Правовая охрана товарных знаков и знаков обслуживания // Аграрное и земельное право. 2024. №11 (239). С. 156

информацию о товаре, но и определенные эмоциональные ценности и образы. Он становится ключевым инструментом диалога между производителем и рынком. При этом важно отметить, что при несоответствии качества товара ожиданиям потребителей, сформированным рекламным образом, товарный знак может начать выполнять функцию «антирекламы».

Важно подчеркнуть, что все перечисленные функции реализуются товарным знаком не изолированно, а в рамках единой системы. Процесс выбора товара потребителем представляет собой одновременное действие индивидуализирующей, идентифицирующей и рекламной функций, которые взаимно усиливают друг друга.³

Именно широта предоставляемых правомочий и значительная экономическая ценность товарного знака закономерно порождают риски его недобросовестного использования. Наделяя субъекта исключительным правом, законодатель исходит из предположения о его добросовестности и использовании этого инструмента для развития честной конкуренции. Однако на практике все чаще встречаются случаи, когда товарный знак используется не по прямому назначению, а как инструмент для подавления конкурентов, создания искусственных барьеров на рынке и ведения недобросовестной конкурентной борьбы путем предъявления необоснованных правовых претензий. Таким образом, анализ юридических аспектов злоупотребления правом на товарный знак представляется крайне актуальной научной задачей, направленной на поиск баланса между интересами правообладателей, иных участников оборота и общества в целом, что и составит предмет дальнейшего исследования в настоящей статье.

Следует особо отметить, что действующее законодательство не предусматривает специального порядка, позволяющего признать действия правообладателя по государственной регистрации товарного знака злоупотреблением правом в рамках отдельного самостоятельного производства. Соответствующее отдельное требование о признании таких действий недобросовестными законом не установлено. Вместе с тем, как разъяснено в пункте 170 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, факт злоупотребления правом может быть констатирован судом в ходе рассмотрения другого спора, в частности, при разрешении иска самого правообладателя о защите принадлежащего ему исключительного права. Вынесенное по такому делу судебное решение, в котором установлена недобросовестность правообладателя при приобретении права на товарный знак, впоследствии служит самостоятельным основанием для оспаривания и полного или частичного

³ Кокорин Р.И. Товарные знаки как средства индивидуализации // Образование и право. 2024. №11. С. 210-211

аннулирования правовой охраны данного товарного знака по правилам подпункта 6 пункта 2 статьи 1512 ГК РФ.⁴

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в пункте 1 постановления от 23.06.2015 г. № 25, добросовестность действий участников гражданского оборота оценивается исходя из поведения, ожидаемого от любого лица, учитывающего права и законные интересы другой стороны.⁵ Данный подход находит свое развитие в принципе эстоппель, который является частным проявлением общего принципа добросовестности, закрепленного в статье 10 ГК РФ. Данный принцип направлен на обеспечение последовательности поведения участников гражданского оборота и защищает добросовестную сторону, которая разумно положила на поведение своего контрагента.⁶ Согласно сложившейся правовой позиции Верховного Суда РФ, для его применения необходимо установить три ключевых условия:

- 1) противоречивое поведение одной стороны;
- 2) наличие разумного доверия другой стороны к такому поведению;
- 3) причинение вреда (ущерба) добросовестной стороне, которая действовала, полагаясь на первоначальную позицию или действия своего контрагента.

В контексте споров о товарных знаках эстоппель может быть применен, например, когда лицо, длительное время использовавшее чужое обозначение без возражений, внезапно оспаривает его охраноспособность, пытаясь уклониться от ответственности за нарушение. Таким образом, этот принцип служит важным инструментом судебного контроля, не позволяя извлекать преимущества из собственной непоследовательности и недобросовестности.

В контексте исследования проблемы злоупотребления правом на товарный знак показательным решением Суда по интеллектуальным правам от 02.08.2024 г. по делу № СИП-58/2024, в котором был рассмотрен спор о правовой охране товарного знака № 531728, принадлежащего Автономной некоммерческой организации «Книга Рекордов» (далее – АНО «Книга Рекордов»). Данное дело наглядно демонстрирует как институт оспаривания охраны товарного знака, призванный защищать публичные интересы, может быть использован в качестве инструмента недобросовестной конкуренции.⁷

Суть дела заключалась в оспаривании решения Роспатента, удовлетворившего

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 96, 06.05.2019

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного суда РФ», № 8, август, 2015

⁶ Никита Андреевич Айрапетов Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака // Имущественные отношения в РФ. 2024. №1 (268). С. 93

⁷ Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.08.2024 г. по делу № СИП-58/2024 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам <https://ipc.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.11.2025 г.)

возражение индивидуального предпринимателя Герасимова П.Н. (далее – ИП Герасимов П.Н.) и Общества с ограниченной ответственностью «Камышинский машзавод» (далее – ООО «Камышинский машзавод») против предоставления правовой охраны указанному товарному знаку по абсолютным основаниям, предусмотренным ст. 1483 ГК РФ.

В марте 2022 г. АНО «Книга Рекордов» обнаружила факт незаконного использования принадлежащего ей на основании Свидетельства РФ № 531728 товарного знака. Нарушение выразилось в размещении данного обозначения на обложках книг «Большая коллекция маленьких автомобилей» и «Электромобиль 130 лет истории», изданных по заказу ИП Герасимова П.Н. при организационном и техническом содействии ООО «Камышинский машзавод». В связи с выявленным нарушением исключительных прав Правообладатель 06.07.2022 г. направил нарушителям соответствующую претензию с требованием о прекращении противоправного использования товарного знака, а впоследствии обратился в Арбитражный суд города Москвы с иском о взыскании компенсации (дело № А40-9599/2023).

Ответные действия нарушителей приобрели системный характер. 06.09.2022 г. ООО «Камышинский машзавод» подало в Федеральную службу интеллектуальной собственности (ФИПС, Роспатент) заявку № 2022762697 на регистрацию обозначения, сходного до степени смешения с охраняемым товарным знаком Правообладателя. После получения 22.12.2022 предварительного отказа в регистрации и предъявления АНО «Книга Рекордов» иска о взыскании компенсации, 04.05.2023 г. ИП Герасимовым П.Н. и ООО «Камышинский машзавод» подали совместное возражение в Роспатент против предоставления правовой охраны товарному знаку по Свидетельству РФ № 531728 (делопроизводство № 2023В01035). Примечательно, что на момент подачи указанного возражения ИП Герасимов П.Н. не обладал статусом участника судебного процесса по делу № А40-9599/2023, поскольку был привлечен к участию в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, лишь 11.05.2023 г. Параллельно 02.05.2023 г. те же лица совместно с Фондом «Русские витязи» инициировали исковое производство в Суде по интеллектуальным правам о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака (дело № СИП-411/2023), который впоследствии был отозван после удовлетворения возражения в Роспатенте.

После принятия Роспатентом 25.09.2023 г. решения о прекращении правовой охраны товарного знака, АНО «Книга Рекордов» обратилось в Суд по интеллектуальным правам с заявлением о признании решения Роспатента недействительным (дело № СИП-58/2024). В обоснование требований Правообладатель указывал на злоупотребление правом со стороны третьих лиц, выразившееся в систематических действиях по

оспариванию товарного знака исключительно с целью уклонения от ответственности за нарушение исключительных прав Правообладателя.

АНО «Книга Рекордов» в своих письменных пояснениях по делу обоснованно указывало, что приведенная последовательность действий ИП Герасимова и ООО «Камышинский завод» образует состав злоупотребления правом, предусмотренный статьей 10 ГК РФ. Формальная ссылка третьих лиц на абсолютные основания оспаривания товарного знака, включая нарушение общественных интересов согласно положениям пункта 3 статьи 1483 ГК РФ, служила лишь для прикрытия противоправной цели, а именно системного уклонения от ответственности за нарушение исключительных прав. Единственной целью действий третьих лиц являлось причинение вреда Правообладателю через лишение его законных прав на товарный знак для последующей легализации собственного неправомерного использования.

Суд по интеллектуальным правам, осуществляя всестороннюю оценку представленных доказательств в их совокупности и взаимосвязи, правомерно констатировал наличие в действиях третьих лиц умысла, направленного на заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Установив, что единственной фактической целью описанных выше действий нарушителей являлось причинение вреда Правообладателю, суд корректно применил правовые последствия, предусмотренные пунктом 2 статьи 10 ГК РФ, отказав в защите принадлежащего им права. На этом основании решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 25.09.2023 г. было признано недействительным, а правовая охрана товарного знака за АНО «Книга Рекордов» подлежала полному восстановлению.

В развитие правовой позиции по делу № СИП-58/2024 следует отметить, что президиум Суда по интеллектуальным правам, рассматривающий дело в качестве суда кассационной инстанции принял 04.02.2025 г. постановление, которым отменил решение суда первой инстанции от 02.08.2024 г. и направил дело на новое рассмотрение.⁸

Президиум Суда по интеллектуальным правам пришел к противоположным выводам относительно как наличия заинтересованности Герасимова П.Н. и ООО «Камышинский машзавод» в подаче возражения, так и квалификации их действий в качестве злоупотребления правом.

В отношении заинтересованности в оспаривании товарного знака по основанию противоречия общественным интересам (подпункт 2 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ) президиум применил правовой подход о расширительном толковании понятия «заинтересованность», сформулированный в определении Верховного Суда Российской

⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.02.2025 г. по делу № СИП-58/2024 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам <https://ipc.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.11.2025 г.)

Федерации от 11.11.2020 г. № 300-ЭС20-12511. Поскольку рассматриваемое основание оспаривания направлено на защиту публичных, а не частных интересов, понятие заинтересованности должно толковаться максимально широко. Президиум признал ошибочным вывод суда первой инстанции о том, что участие в споре в качестве третьего лица не влечет правовых последствий, указав, что это противоречит части 1 статьи 51 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Что касается квалификации действий как злоупотребления правом, президиум подчеркнул, что для признания злоупотребления правом по смыслу статьи 10 ГК РФ необходимо установить, что умысел лица был направлен на заведомо недобросовестное осуществление прав, а единственной его целью было причинение вреда другому лицу. При этом злоупотребление правом должно носить очевидный характер и не может быть следствием предположений. Президиум указал, что сам по себе факт подачи возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку, изначально не обладающему различительной способностью, в случае наличия судебных притязаний за его незаконное использование является разумно ожидаемым и не выходит за рамки стандартного поведения субъектов предпринимательской деятельности.

При повторном рассмотрении дела суд первой инстанции в решении от 14.08.2025 г. по делу № СИП-58/2024 согласился с правовой позицией кассационной инстанции. Суд констатировал, что подача возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку Герасимовым П.Н. и заводом является их правом, основанным на законе.⁹

Рассматриваемое дело демонстрирует принципиально различные подходы судов к квалификации поведения участников гражданского оборота при оспаривании товарных знаков. Если первоначально суд первой инстанции счел действия по оспариванию знака злоупотреблением правом, то в результате последующих судебных разбирательств была выработана единая правовая позиция о правомерности таких действий. Суды подчеркнули презумпцию добросовестности участников гражданского оборота и широкое понимание заинтересованности при защите публичных интересов, а также установили высокий стандарт доказывания для квалификации действий в качестве злоупотребления правом, требующий наличия очевидного недобросовестного умысла.

Однако, несмотря на то, что кассационная инстанция и суд первой инстанции при повторном рассмотрении пришли к выводу об отсутствии состава злоупотребления правом, следует отметить, что в данных судебных актах не была в полной мере учтена

⁹ Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.08.2025 г. по делу № СИП-58/2024 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам <https://ipc.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.11.2025 г.)

системность действий третьих лиц, направленных на оспаривание товарного знака исключительно после предъявления к ним имущественных требований. Доводы АНО «Книга Рекордов» о том, что последовательность действий третьих лиц свидетельствует о их недобросовестности в части уклонения от ответственности, по мнению автора, заслуживают более внимательного изучения. Кроме того, вызывает вопросы применение расширительного толкования заинтересованности без учета конкретных обстоятельств дела и фактических целей подателей возражения. Таким образом, несмотря на формальное соблюдение процедуры оспаривания, содержательные аспекты действий третьих лиц, свидетельствующие о возможном злоупотреблении правом, требуют более глубокого анализа и оценки в их совокупности.

Противоположной, но не менее распространенной формой злоупотребления правом является ситуация, когда лицо изначально приобретает право на товарный знак не для его использования в хозяйственной деятельности, а в целях последующего предъявления требований к добросовестным участникам оборота. Подобная практика, заключающаяся в систематической регистрации обозначений исключительно для целей последующего судебного преследования их реальных пользователей, в научной литературе и правоприменительной практике приобрела название «патентный троллинг».¹⁰ В данной связи можно привести пример, нашедший свое отражение в пункте 2 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 г.¹¹

Индивидуальный предприниматель обратился в суд с иском к обществу о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак «ПЛАНЕТА» на основании статьи 1515 ГК РФ. Истец мотивировал подачу искового заявления тем, что Ответчик использовал в качестве названия торгового центра обозначение «ПЛАНЕТА», сходное до степени смешения с товарным знаком, зарегистрированным на имя Истца.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований было отказано. Суд, установив факт принадлежности предпринимателю исключительного права на товарный знак, тем не менее, квалифицировал его действия по приобретению этого

¹⁰ Прохоров В.А. Злоупотребление правом при обращении в суд с иском о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. №4. С. 709-710

¹¹ «Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, февраль, 2024

права в качестве злоупотребление правом, что в соответствии с пунктом 2 статьи 10 ГК РФ послужило основанием для отказа в судебной защите.

При вынесении решения суд принял во внимание совокупность следующих обстоятельств:

1) Во-первых, Истцом деятельность по реальному использованию товарного знака «ПЛАНЕТА» не осуществлялась, в связи с чем спорный знак не ассоциировался у потребителей с Истцом как с источником происхождения товаров или услуг. Напротив, Ответчик представил доказательства известности своего обозначения «ПЛАНЕТА» среди потребителей в связи с осуществляемой им многолетней деятельностью.

2) Во-вторых, суд установил, что Заявитель является обладателем исключительного права на значительное число товарных знаков и выступает истцом в нескольких аналогичных судебных делах, связанных с защитой прав на товарные знаки. Доказательства, опровергающие выводы Ответчика о недобросовестности Истца и подтверждающие ведение им реальной экономической деятельности с использованием товарного знака «ПЛАНЕТА», им представлены не были.

На основании предоставленных материалов дела суд сделал обоснованный вывод о том, что Истец приобрел право на товарный знак «ПЛАНЕТА» не с целью его фактического использования для индивидуализации товаров, а исключительно для предъявления исковых требований к добросовестным участникам гражданского оборота и взыскания компенсации. Таким образом, Заявитель совершил попытку получить судебную защиту путем имитации нарушения исключительного права, что свидетельствует о намерении причинить вред другому лицу и о злоупотреблении им правом. Верховный Суд РФ подчеркнул, что для квалификации таких действий как злоупотребления правом суд, наряду с фактом неиспользования товарного знака, должен исследовать цель приобретения права, реальное намерение правообладателя его использовать и причины неиспользования.

Проведенный анализ юридических аспектов злоупотребления правом на товарный знак позволяет выявить системную проблему, возникающую на стыке исключительных прав и принципов добросовестности. Исторически сложившаяся экономическая ценность товарного знака, реализующаяся через комплекс взаимосвязанных функций, объективно порождает разнообразные риски его недобросовестного использования.

Рассмотренные в статье примеры из судебной практики иллюстрируют различные формы злоупотреблений. Одна из распространенных моделей проявляется в ситуациях, когда правовые механизмы оспаривания охраны товарного знака используются не для защиты публичных интересов, а как инструмент недобросовестной конкурентной

борьбы и уклонения от ответственности за нарушение исключительных прав. Другая характерная форма злоупотребления правом на товарный знак выражается в приобретении прав на обозначения без реального намерения их использования, исключительно для последующего предъявления недобросовестных исковых требований к участникам оборота.

Однако спектр возможных злоупотреблений правом на товарный знак не исчерпывается рассмотренными случаями. Он включает различные формы недобросовестного поведения, такие как регистрация обозначений в отношении широкого перечня товаров и услуг без хозяйственной необходимости, преднамеренная регистрация сходных с известными брендами обозначений, а также иные способы использования правового института товарного знака в обход его основной социально-экономической функции.

Ключевой проблемой в разрешении соответствующих споров остается поиск баланса между презумпцией добросовестности и необходимостью пресечения различных недобросовестных практик. Решение этой задачи требует от правоприменителя содержательного подхода, учитывающего всю совокупность обстоятельств конкретного дела. Особую значимость приобретают принципы добросовестности и эстоппель, которые должны применяться последовательно при установлении противоречивого поведения сторон независимо от конкретной формы проявления злоупотребления.

Таким образом, эффективное противодействие злоупотреблению правом на товарный знак возможно лишь при условии разработки дифференцированного подхода, который позволит четко разграничивать правомерную охрану интеллектуальной собственности и противоправные действия, предпринимаемые в конкурентной борьбе, что в конечном счете обеспечит стабильность гражданского оборота и защиту интересов добросовестных участников.

References

1. Беднарж В.А., Салдаева Д.С Злоупотребление правом при регистрации товарного знака // Вестник СГЮА. 2024. №5 (160). С. 116
2. Кокорин Р.И. Товарные знаки как средства индивидуализации // Образование и право. 2024. №11. С. 210-211
3. Магомадова Э.И. Правовая охрана товарных знаков и знаков обслуживания // Аграрное и земельное право. 2024. №11 (239). С. 156

4. Никита Андреевич Айрапетов Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака // Имущественные отношения в РФ. 2024. №1 (268). С. 93
5. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, февраль, 2024
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 96, 06.05.2019
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного суда РФ», № 8, август, 2015
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.02.2025 г. по делу № СИП-58/2024 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам <https://ipc.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.11.2025 г.)
9. Прохоров В.А. Злоупотребление правом при обращении в суд с иском о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. №4. С. 709-710
10. Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.08.2024 г. по делу № СИП-58/2024 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам <https://ipc.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.11.2025 г.)
11. Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.08.2025 г. по делу № СИП-58/2024 // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам <https://ipc.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.11.2025 г.)

UDC 34

Kraynov A.V. Analysis of Russian legislation regulating autonomous maritime shipping

Анализ российского законодательства, регулирующего автономное морское
судоходство

Kraynov Andrey Vasilyevich

Second-year Master's student in Jurisprudence, Admiral F.F. Ushakov State Medical University
Крайнов Андрей Васильевич

Студент 2 курса магистратуры по направлению подготовки «юриспруденция»,
ФГБОУ ВО «ГМУ имени адмирала Ф.Ф. Ушакова»

Abstract. *This article examines the current state of domestic legislation regulating autonomous maritime navigation, assesses the comprehensiveness and applicability of existing legal norms, and analyzes the shortcomings and prospects in this area at this stage of its development.*

Keywords: *autonomous navigation, unmanned navigation, maritime law, domestic legislation.*

Аннотация. *В статье рассматривается состояние действующего отечественного законодательства в области регулирования автономного морского судоходства, оценивается полнота и применимость имеющихся правовых норм, а также анализируются недостатки и перспективы в данной области на данном этапе её развития.*

Ключевые слова: *автономное судоходство, беспилотное судовождение, морское право, отечественное законодательство.*

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Картину мира XXI века можно охарактеризовать интенсивным наращиванием технологической составляющей жизни, что связано, естественным образом, со стремлением упрощения трудоёмких задач и ускорения выполнения множественных профессиональных функций. Данные мотивы дают очевидный толчок для создания взаимосвязанного набора обновлённых и необходимых инструментов, который запускает многогранную модернизацию уже имеющихся средств и методов. Притом важно заметить, что с течением времени может происходить и полное замещение устаревших техник. Передовые технологии стремительно набирают обороты, тем самым становясь полноценным помощником или, по крайней мере, ассистентом человека в многообразных рабочих операциях. В настоящее время автоматизированные системы контроля и управления теми или иными процессами активно внедряются в различные сферы человеческой жизнедеятельности. Не стала исключением и транспортная отрасль, в том числе и морское судоходство, на которое приходится значительная доля грузооборота, что, в свою очередь, составляет весомую

часть экономики многих государств. За последние годы эволюция беспилотных технологий в морской отрасли стала ключевой перспективой развития всего комплекса судоходства. А это, непременно, активировало анализ всего действующего законодательства на предмет применимости к техническим нововведениям, разрабатывающимся и в следствии реализующимся в обозначенной сфере. Стоит сказать, что нормативно-правовая база, как правило, отстаёт от уже созданных инновационных методик и процессов. Именно поэтому крайне важно грамотно оценивать соотношение развитости технологической и правовой в рассматриваемой плоскости, а также стремиться к их сбалансированности, что означает корректирование данной среды по признаку гармонизации её составных элементов между собой в целях эффективного, безопасного и стабильного её функционирования. В данной статье рассмотрим и проанализируем российское действующее законодательство в ключе правового регулирования автономного морского судоходства.

Сфера морского транспорта была и по-прежнему остаётся международной, то есть охватывающей все водные пространства, пригодные для судоходства. Стоит подчеркнуть, что многие вопросы, касающиеся правового регулирования эксплуатации морского транспорта достаточно детально регулируются множеством международных конвенций, которые приняты в разные годы под началом различных крупных всемирных организаций, таких как: Организация Объединённых Наций (ООН), Международная морская организация (ИМО), Международная организация труда (МОТ) и так далее. Также отметим, что некоторые аспекты использования водного транспорта могут регулироваться посредством двусторонних соглашений между Российской Федерацией и иными заинтересованными государствами. Само по себе морское право хоть и имеет, как уже было отмечено, международный характер, тем не менее, множество существующих в этой области вопросов регулируются на национальном уровне. Что касается отечественного права, направленного на регулирование морского транспорта в различных аспектах, то базовыми НПА являются следующие документы: Кодекс торгового мореплавания (КТМ РФ), Кодекс внутреннего водного транспорта (КВВТ РФ), Водный кодекс (ВК РФ) и ФЗ о морских портах. Помимо этого, отечественное законодательство предусматривает издание различных НПА, играющих так же значимую роль, Правительством РФ и федеральными органами исполнительной власти. К этой категории следует отнести: Общие правила плавания и стоянки судов в морских портах и на подходах к ним [1], Положение о дипломировании членов экипажей морских судов [2], Требования к СУДС и ГМССБ [3], Правила плавания судов по внутренним водным путям [4], Порядок диспетчерского регулирования движения судов на внутренних водных путях [5], Положение о минимальном составе экипажей самоходных

транспортных судов [6], Положение о дипломировании членов экипажей судов внутреннего водного транспорта [7], ФЗ о техническом регулировании [8], Постановление об утверждении технического регламента о безопасности объектов морского транспорта [9], Постановление об утверждении технического регламента о безопасности объектов внутреннего водного транспорта [10], Приказ об утверждении правил государственной регистрации судов, прав на них и сделок с ними в морских портах и централизованного учёта зарегистрированных судов [11], Приказ об утверждении правил государственной регистрации судов [12]. Также многие значимые вопросы в рассматриваемом поле (например, юридический статус морских пространств и судоходство в морских районах с различным правовым статусом) практически полностью регулируются Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, ибо Россия является одной из сторон данного международного соглашения [13]. В дополнение к вышесказанному необходимо сказать, что некоторые положения упомянутой конвенции уже инкорпорированы в законодательство Российской Федерации. Естественно, в РФ так же используются правовые нормы и ряда других равнозначных конвенций. Возвращаясь непосредственно к самому анализируемому предмету правового регулирования, а именно автономным морским судам, то немаловажно заметить, что данная технологическая концепция активно разрабатывается и совершенствуется как в России, так и за рубежом, в ходе чего возникает множество правовых дискуссий. Первые рабочие прототипы беспилотных морских судов начали появляться ещё во второй половине 2010-ых годов и к нынешнему времени стали значительно качественнее и работоспособнее, и продолжают развиваться и по сей день [14]. Абсолютно очевидно, что такое интенсивное становление морского транспорта нового типа требует своевременной законодательной реакции в виде системы эффективных, полных и чётко определённых правовых норм.

Российское законодательство в отношении регулирования автономного судовождения, можно сказать, недавно только начало свой путь развития, впрочем как и законодательства всех зарубежных стран. Так, распоряжением Правительства РФ от 29.03.2018 №534-р была утверждена «дорожная карта». Целью данной «дорожной карты» является совершенствование законодательства и устранение административных барьеров для обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Маринет» [15]. Одной из составных частей «дорожной карты» являются меры по внесению изменений в законодательство РФ по вопросам эксплуатации автономных морских судов. Позже президент РФ Владимир Путин подписал Федеральный закон от 10.07.2023 №294-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16]. Данный

закон подразумевает внесение дополнений, касающихся автономных судов, в Кодекс торгового мореплавания (КТМ РФ) и в Кодекс внутреннего водного транспорта (КВВТ РФ), а также в законы о морских портах и о транспортной безопасности. В итоге, дополнения, внесённые в названные НПА, вступили в силу в 2024 году. В текстах КТМ и КВВТ появились понятия «автономное судно», «полуавтономное судно» и «полностью автономное судно». Далее следует отметить, что в данных документах лица, управляющие судном дистанционно, то есть осуществляющие свои функции с берега, тоже именуются экипажем, а отличие заключается лишь в том, что к исходному термину добавляется слово «внешний». Исходя из этого возникает вопрос, как и чем будет регулироваться труд таких работников, ибо Конвенция о труде в морском судоходстве (КТМС-2006) в таком случае теряет свою актуальность в связи с тем, что условия труда «берегового экипажа» разительно отличаются от условий труда экипажа, находящегося и выполняющего свои обязанности непосредственно на борту судна. Таким образом, труд членов внешнего экипажа регулируется лишь Трудовым кодексом (ТК РФ), в связи с этим появляется острая необходимость в Трудовой кодекс включить понятие «внешний экипаж», а также определить и сам правовой статус таких работников. Помимо этого, очевидно, что подготовка к трудовым обязанностям у берегового и судового экипажей точно так же различна, так как, например, необходимые физические показатели для эффективного выполнения определённой работы на берегу и в море вовсе не одинаковы. Отсюда вытекает потребность в разграничении критериев для дипломирования членов экипажа в зависимости от планируемого статуса: «стандартный» (на борту судна) или «внешний» (на берегу) экипаж. Отметим, что Конвенция ПДНВ-78 пока что остаётся без изменений касательно вопросов беспилотного судоходства. Также согласно новому ФЗ за причинение вреда автономным судном солидарную ответственность несут владелец судна, собственник судна, организация, осуществляющая управление судном, и производитель оборудования и программного обеспечения. Вероятно, что автономное судно оборудовано множественными передовыми системами, в которых так или иначе используется искусственный интеллект для выполнения делегированных ему функций. Так как подобные технологии имеют сложное устройство и принципы работы, то и для создания такого программного обеспечения, как правило, привлекается ряд разнопрофильных специалистов, каждый из которых выполняет свою узкую задачу в рамках проекта. А это означает то, что разработчиков у такого специального оборудования всегда большое количество и они взаимосвязаны между собой посредством осуществления одной общей цели. Но дело в том, что гипотетическая ситуация, при которой ответственность в случае какого-либо нежелательного

инцидента будут нести абсолютно все из числа разработчиков, способна значительно снизить потенциальное желание тех или иных компаний устанавливать и обслуживать своё оборудование или же программное обеспечение на автономных судах. В данных условиях видится гораздо более логичным решением либо распределение ответственности в зависимости от вклада и роли того или иного разработчика в создание оборудования или ПО для беспилотного судна, либо предварительное документальное назначение определённого лица, которое будет нести ответственность за всю команду в случае происшествия. Но, скорее всего, данный вопрос в ближайшие годы будет решаться индивидуально в каждом конкретном случае, пока с течением времени не будет выработана стандартная универсальная схема. Помимо этого, рассматриваемый закон содержит и иные новые положения, согласно которым на, так называемом, внешнем капитане судна лежит обязанность оказать незамедлительную помощь любому лицу, терпящему бедствие в море, равно так же, как и после столкновения с другим морским судном оказать всю необходимую помощь. На первый взгляд данные предписания выглядят вполне обоснованно и верно, но только если они применяются к «привычному» капитану, находящемуся непосредственно на борту управляемого им судна. В данной же ситуации, применительной именно к «внешнему» капитану судна, встаёт следующий логичный вопрос: как эта норма в принципе будет осуществляться, если речь в данном контексте идёт, допустим, о полностью автономном судне, на борту которого отсутствует прежний экипаж. В качестве альтернативного варианта для решения возникшей дилеммы в морское законодательство можно было бы включить иное положение, в соответствии с которым на судовладельца накладывается обязанность заключения специального договора с некой организацией, осуществляющей спасание на море, как раз таки которая в случае непредвиденных обстоятельств или инцидента будет располагать необходимыми ресурсами и будет готова в определённом регионе произвести действия по спасанию. Таким образом, проанализировав имеющиеся на данный момент правовые нормы в действующем российском законодательстве, мы видим, что многие НПА по-прежнему остаются без изменений, а нормы, включённые в КТМ РФ и КВБТ РФ, на данном этапе далеко не совершенны и требуют доработки, на что понадобится немало времени, ибо правовая система часто не может слишком быстро адаптироваться к условиям новой реальности. Также важно отметить, что в России помимо описанных изменений, реализуются и другие не менее значимые и перспективные проекты. Например, 26.12.2021 был утверждён паспорт федерального проекта «Автономное судовождение», который осуществляется в рамках инициатив социально-экономического развития РФ

до 2030 года [17]. Это наглядно показывает, что в данной сфере непрерывно ведётся активная работа, направленная на совершенствование морской отрасли в целом.

Подводя итог, стоит сказать, что направление автономного судовождения за последние годы стало ключевым вектором инженерной и правовой деятельности в рамках отрасли мореплавания. Менее чем за десятилетие безэкипажное судоходство заметно усовершенствовалось, что добавляет ему ещё больше перспектив. Многие государства разрабатывают как прототипы самих беспилотных морских судов, так и необходимое правовое обеспечение для их согласованного и безопасного функционирования, Российская Федерация в этом вопросе ничуть не отстаёт от зарубежных стран, так же интенсивно развиваясь на этом поле. Проанализировав отечественную правовую базу, касающуюся предмета исследования, видно, что законодательство находится на одном из первых этапов своего становления, в некоторые НПА уже были внесены дополнения по вопросам автономного судоходства, тем не менее, новые положения рассмотренных документов ещё содержат в себе уязвимые места, которые очевидно при будущем пересмотре будут скорректированы. Стоит подчеркнуть, что задача правового регулирования мировой морской отрасли лежит прежде всего на Международной морской Организации (ИМО). В рамках ИМО уже несколько лет идёт разработка отдельного кодекса, посвящённого морским автономным надводным судам (МАНС), тем не менее, окончательного результата на данный период времени ещё нет. Без сомнений можно говорить, что в ближайшие годы автономные суда будут лишь стремительнее вводиться в эксплуатацию для перевозки различных грузов, а далее и пассажиров. Но, как уже было упомянуто ранее, в данной деятельности крайне важно, чтобы правовая система по уровню своего развития находилась наравне с технологическим прорывом, ибо только при таком условии возможно их гармоничное и результативное существование.

References

1. Приказ Минтранса России от 12.11.2021 № 395 Об утверждении Общих правил плавания и стоянки судов в морских портах Российской Федерации и на подходах к ним // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.06.2022.
2. Приказ Минтранса России от 08.11.2021 № 378 Об утверждении Положения о дипломировании членов экипажей морских судов // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.11.2021.
3. Приказ Минтранса России от 23.07.2015 № 226 Об утверждении Требований к радиолокационным системам управления движением судов, объектам

инфраструктуры морского порта, необходимым для функционирования Глобальной морской системы связи при бедствии и для обеспечения безопасности, объектам и средствам автоматической информационной системы, службе контроля судоходства и управления судоходством // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.11.2015.

4. Приказ Минтранса России от 19.01.2018 № 19 Об утверждении Правил плавания судов по внутренним водным путям // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.03.2018.

5. Приказ Минтранса РФ от 01.03.2010 № 47 Об утверждении Порядка диспетчерского регулирования движения судов на внутренних водных путях Российской Федерации // Российская газета, № 98, 07.05.2010.

6. Приказ Минтранса России от 31.07.2023 № 259 Об утверждении Положения о минимальном составе экипажей самоходных транспортных судов // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 19.12.2023.

7. Приказ Минтранса России от 12.03.2018 № 87 Об утверждении Положения о дипломировании членов экипажей судов внутреннего водного транспорта // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03.05.2018.

8. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ О техническом регулировании // Российская газета, № 245, 31.12.2002.

9. Постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 620 Об утверждении технического регламента о безопасности объектов морского транспорта // Собрание законодательства РФ, 23.08.2010, № 34, ст. 4475.

10. Постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 623 Об утверждении технического регламента о безопасности объектов внутреннего водного транспорта // Собрание законодательства РФ, 23.08.2010, N 34, ст. 4476.

11. Приказ Минтранса России от 07.06.2023 № 205 Об утверждении Правил государственной регистрации судов, прав на них и сделок с ними в морских портах и централизованного учета зарегистрированных судов // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 29.11.2023.

12. Приказ Минтранса России от 19.05.2023 № 179 Об утверждении Правил государственной регистрации судов // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.11.2023.

13. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/

14. Kraynov A.V. Legal regulation and prospects for autonomous maritime shipping // Proceedings of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration». 2024. P. 35-42.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.03.2018 № 534-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201804060052?index=1>
16. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 10.07.2023 N 294-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451655/
17. Автономное судовождение // РУТ (МИИТ): сайт. URL: <https://www.miit.ru/news184442>.

UDC 336.71.078.3

Murzakanova D.Kh., Mashukova E.M. Esport athlete as a subject of labor law: challenges of the digital age for the Russian labor code

Киберспортсмен как субъект трудового права: вызовы цифровой эпохи для трудового кодекса РФ

Murzakanova Darina Khasanovna

Undergraduate Student
Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia

Mashukova Elena Malilieva

Scientific Supervisor, Honored Lawyer of the Kabardino-Balkarian Republic, Candidate of
Legal Sciences, Associate Professor
Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia

Мурзаканова Дарина Хасановна
студент бакалавриата
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова»
г. Нальчик, Россия
Машукова Елена Малильевна
заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова»
г. Нальчик, Россия

Abstract. The article analyzes key issues in the sphere of labor relations within esports in the Russian Federation. It examines the legal uncertainty of the esports athlete's status, which leads to difficulties in concluding, executing, and terminating employment contracts. The inconsistency of the Russian Labor Code's norms, designed for traditional athletes, with the specifics of the remote and project-based activities of esports athletes is considered. Based on a comparative analysis of the experiences of South Korea, China, and the USA, the gaps in Russian legislation are identified, and proposals for their elimination are formulated, including amendments to the Labor Code of the Russian Federation and the development of industry-standard contracts.

Keywords: esports, labor relations, legal status of an esports athlete, employment contract, Labor Code of the Russian Federation, esports contract, guarantees and compensations, comparative labor law.

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых проблем в сфере трудовых правоотношений в киберспорте Российской Федерации. Рассматривается правовая неопределенность статуса киберспортсмена, которая приводит к сложностям при заключении, исполнении и расторжении трудовых договоров. Исследуется несоответствие норм Трудового кодекса РФ, предназначенных для традиционных спортсменов, специфике дистанционной и проектной деятельности киберспортсменов. На основе сравнительного анализа с опытом Южной Кореи, Китая и США выявляются пробелы в российском законодательстве и формулируются предложения по их устранению, включая внесение изменений в ТК РФ и разработку отраслевых стандартных контрактов.

Ключевые слова: киберспорт, трудовые правоотношения, правовой статус киберспортсмена, трудовой договор, Трудовой кодекс РФ, киберспортивный контракт, гарантии и компенсации, сравнительное трудовое право.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Стремительное развитие киберспорта как профессиональной сферы деятельности обнажило системные пробелы в российском трудовом законодательстве. Основная проблема заключается в фундаментальном несоответствии между традиционной моделью трудовых отношений, регламентированной Трудовым кодексом РФ, и уникальной природой труда киберспортсмена, для которой характерны дистанционный формат, проектный характер работы и короткая карьера. Это противоречие порождает правовую неопределенность, ставя под угрозу социальные и трудовые права целой профессиональной группы.

Целью данного исследования является выявление и анализ ключевых коллизий в области трудовых правоотношений с участием киберспортсменов в России. Задачи работы включают: анализ применимости действующих норм ТК РФ о труде спортсменов и тренеров, выявление специфических рисков для киберспортсменов, возникающих из-за правового вакуума, а также рассмотрение успешных зарубежных практик регулирования трудовых контрактов в киберспорте.

Несмотря на официальное признание киберспорта в России, профессия «киберспортсмен» до сих пор отсутствует в Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР). Эта правовая коллизия является корнем большинства проблем в трудовой сфере. На практике это приводит к тому, что отношения между игроком и клубом оформляются одним из трех неидеальных способов:

Гражданско-правовой договор (ГПД): наиболее распространенная, но наименее защищающая права спортсмена форма. По ГПД киберспортсмен лишается основных социальных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством: оплачиваемого отпуска, больничных, пособий, защиты от незаконного увольнения. Такой договор не регламентирует режим труда и отдыха, что ведет к профессиональному выгоранию.

Трудовой договор по общей норме: В этом случае на киберспортсмена распространяются общие гарантии ТК РФ, но игнорируется его специфика как спортсмена: необходимость интенсивных тренировок, переездов на турниры, ненормированный график во время соревнований.

Попытка применить нормы о спорте (Глава 54.1 ТК РФ): нормы, регулирующие труд спортсменов и тренеров, плохо адаптированы к киберспорту. Ключевой проблемой является дистанционный характер работы. Понятия «тренировочный процесс», «спортивные сборы», «место работы» требуют совершенно новой трактовки в цифровой

среде.

Отсутствие специализированного регулирования порождает правовые риски в содержании контрактов:

- интеллектуальная собственность: стандартные трудовые договоры часто не определяют судьбу прав на игровой никнейм, стримерский контент, создаваемый спортсменом, и его персональный бренд. При переходе в другую команду спортсмен может столкнуться с запретом на использование собственного имени.

- гарантии и компенсации: не урегулированы вопросы медицинского страхования, связанного с профессиональными заболеваниями киберспортсменов (туннельный синдром, проблемы со зрением, эмоциональное выгорание), а также компенсации за «трансфер» – переход из одного клуба в другой, который является аналогом трансферной системы в традиционном спорте.

- дисциплинарная ответственность: не ясен правовой механизм привлечения к ответственности за нарушения, специфичные для киберспорта (токсичное поведение в чате, использование недоработанных игровых механик – «багов»), и порядок обжалования таких решений.

Опыт других стран демонстрирует различные подходы к решению этих проблем:

- Южная Корея: как пионер в области регулирования, Южная Корея признала киберспортсменов профессиональными спортсменами. Их контракты регулируются специальными правилами, разработанными Корейской киберспортивной ассоциацией (KeSPA). Эти правила стандартизируют минимальные гарантии, условия трансферов и механизмы разрешения споров, что обеспечивает предсказуемость и защиту прав игроков.

- Китай: китайская модель предполагает жесткий контроль со стороны государства. Киберспортсмены заключают контракты с клубами, которые, в свою очередь, обязаны соблюдать государственные лицензионные требования. Это включает в себя регистрацию контрактов в официальных реестрах, что минимизирует риски невыплаты заработной платы и других нарушений.

- США и ЕС: в этих юрисдикциях доминирует отраслевое саморегулирование. Крупные киберспортивные лиги (например, LCS для League of Legends) вводят обязательные для всех клубов-участников стандартные формы контрактов (Player Agreement). Эти соглашения детально прописывают минимальную зарплату, права на интеллектуальную собственность, условия трансферов и порядок разрешения конфликтов, что де-факто создает систему трудовых стандартов для всей лиги.

Проблема регулирования трудовых правоотношений в киберспорте требует безотлагательного решения. Отсутствие четкого правового статуса киберспортсмена и

специализированных норм в Трудовом кодексе РФ ставит российских игроков в заведомо невыгодное положение по сравнению с их зарубежными коллегами, лишая их базовых социальных и трудовых гарантий.

Для исправления ситуации необходим комплексный подход:

1. Внесение изменений в Трудовой кодекс РФ: целесообразно дополнить Главу 54.1 специальным параграфом, посвященным особенностям труда киберспортсменов. В нем должны быть закреплены определения дистанционного тренировочного процесса, особенности рабочего времени и времени отдыха, а также специальные основания для расторжения трудового договора.

2. Разработка типового отраслевого договора: Федерация компьютерного спорта России совместно с представителями клубов и ассоциацией игроков могла бы разработать и утвердить типовой контракт, который стал бы образцом для всей индустрии. Этот документ должен детально регулировать вопросы интеллектуальной собственности, трансферных выплат, медицинского страхования и дисциплинарной практики.

3. Создание эффективного арбитража: необходимо создать специализированный орган по разрешению трудовых споров в киберспорте, который обладал бы необходимыми экспертизой и доверием со стороны всех участников индустрии.

Только создав прочную правовую основу для трудовых отношений, Россия сможет обеспечить устойчивое развитие киберспорта и защитить права его ключевых участников – самих спортсменов.

References

1. Новиков И.В. Проблемы правового регулирования киберспорта в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2020. №9.
2. Сутырина Е.В. Правовое регулирование деятельности киберспортивной организации (клуба) // Universum: экономика и юриспруденция. 2017. №1.
3. Громова Е.А., Конева Н.С., Феррейра Д.Б. Проблемы правового регулирования киберспорта // Человек. Спорт. Медицина. 2023. №S2.
4. Вартанова Е.Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. №2.

SOCIAL WORK AND SOCIAL POLICY

UDC 332.14:338.24:330.322.16

Karpovich V., Zys T. Strategic Directions for Improving the Public-Private Partnership Mechanism in the Development of Urban Social Infrastructure

Стратегические направления совершенствования механизма ГЧП в сфере развития городской социальной инфраструктуры

Karpovich Viktor,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economic Development and Management,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

Zys Tatsiana,

Master's Student, Institute of Managerial Personnel,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

Карпович Виктор Францевич,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического развития и менеджмента,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Зысь Татьяна Александровна,
магистрант, Институт управленческих кадров,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Abstract. *The article examines the strategic directions for improving the public-private partnership mechanism in the development of urban social infrastructure in the Republic of Belarus. Based on an analysis of the regulatory framework, academic publications, and practical experience with PPP projects, the key stages of institutional environment formation, sector-specific features of partnership implementation, and comparative characteristics of the social and infrastructure sectors are identified. The advantages of PPPs, as well as the systemic barriers to their development at the national and regional levels-including regulatory, financial-economic, managerial, and socio-communicative constraints-are determined. The study formulates the factors contributing to the successful implementation of PPP projects and highlights the need for comprehensive improvement of the legal, institutional, and financial environment to enhance the effectiveness of PPPs in urban social infrastructure.*

Keywords: *urban social infrastructure, infrastructure projects, institutional environment, regulatory framework, risk allocation, financial mechanisms, project financing, social services, strategic development*

Аннотация. В статье рассматриваются стратегические направления совершенствования механизма государственно-частного партнёрства в сфере развития городской социальной инфраструктуры Республики Беларусь. На основе анализа нормативно-правовой базы, научных публикаций и практики реализации проектов ГЧП выявлены ключевые этапы формирования институциональной среды, отраслевые особенности применения партнёрства и сравнительные характеристики социальной и инфраструктурной сфер. Определены преимущества ГЧП, а также системные барьеры его развития на национальном и региональном уровнях, включая нормативно-правовые, финансово-экономические, управленческие и социально-коммуникационные ограничения. Сформулированы факторы успешной реализации проектов ГЧП и обозначена необходимость комплексного совершенствования правовой, институциональной и финансовой среды для повышения эффективности использования партнёрства в городской социальной инфраструктуре.

Ключевые слова: *городская социальная инфраструктура, инфраструктурные проекты, институциональная среда, нормативно-правовое регулирование, распределение рисков, финансовые механизмы, проектное финансирование, социальные услуги, стратегическое развитие*

Рецензент: Булгакова Ирина Николаевна - Доктор экономических наук, доцент. Доцент кафедры системного анализа и управления
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Городская социальная инфраструктура (образование, здравоохранение, культура, спорт, жилищно-коммунальные услуги) в большинстве стран характеризуется высокой степенью износа основных фондов и хроническим недофинансированием, что делает невозможной её модернизацию исключительно за счёт бюджетных средств. В этих условиях механизмы государственно-частного партнёрства (ГЧП) рассматриваются как ключевой инструмент привлечения частного капитала, управленческих компетенций и инноваций для реализации долгосрочных инфраструктурных проектов при сохранении социальной направленности услуг [1, с. 102].

В Республике Беларусь ГЧП формируется как относительно новая институциональная модель. Законодательное регулирование, включая специальный закон о ГЧП и акты, регулирующие концессионные соглашения, создаёт правовую основу, но практика применения ещё ограничена, особенно в социальной сфере на уровне городов. Это обуславливает необходимость теоретико-методологического и прикладного анализа стратегических направлений совершенствования механизма ГЧП именно в отношении городской социальной инфраструктуры.

ГЧП определяется как долгосрочная форма взаимодействия государства и бизнеса на основе соглашения, предусматривающего распределение рисков, обязанностей и выгод, а также участие частного партнёра в финансировании, создании и (или) эксплуатации инфраструктурных объектов при сохранении ответственности государства за соблюдение социальных стандартов и доступности услуг [2].

В Республике Беларусь развитие государственно-частного партнёрства является предметом активного научного анализа, что отражено в ряде публикаций отечественных исследователей. Научные работы, позволяют выделить несколько ключевых направлений исследования: институциональное развитие ГЧП, финансовые механизмы, отраслевые особенности применения партнёрства, а также адаптация международного опыта.

Одним из значимых направлений является изучение международных моделей ГЧП и возможностей их адаптации к белорусским условиям. В работах А.М. Заборовского, М. Ермоловича и Е. Дадеркиной анализируются зарубежные практики и институциональные барьеры, препятствующие их внедрению в Беларуси [3, с. 11].

Авторы подчёркивают необходимость совершенствования нормативной базы и механизмов распределения рисков.

Важный вклад в исследование применения ГЧП в социальной инфраструктуре внесли А.А. Брасс и Г. Терешкова, рассматривающие потенциал партнёрства в модернизации объектов образования, здравоохранения и спорта [4]. Монография содержит классификацию моделей ГЧП и рекомендации по их адаптации к городской среде.

Институциональные аспекты формирования условий для развития ГЧП подробно анализируются в работах Л.А. Захарченко, где рассматриваются организационные и правовые предпосылки внедрения партнёрства [5, с. 277]. Вопросы отбора частного партнёра и критериев оценки его компетенций исследуются В.В. Зазерской, предлагающей методический подход к оценке участников инфраструктурных проектов [6, с. 32].

Отдельный пласт исследований посвящён отраслевым аспектам применения ГЧП. В работах Р.И. Довнара и В.А. Коврей рассматриваются возможности использования ГЧП в здравоохранении, включая инновационные модели финансирования и управления [7, с.41]. Применение ГЧП в транспортной инфраструктуре анализируется Е.П. Борушко и Д.И. Ашатиной, которые подчёркивают значимость партнёрства для развития дорожного хозяйства и логистики [8, с.271].

Существенное внимание уделяется вопросам распределения рисков и правового обеспечения ГЧП. Е.А. Дадеркина и М.Ю. Усик систематизируют риски участников и предлагают механизмы их оптимального распределения [9, с. 3], а в другой работе Дадеркина анализирует правовые барьеры и направления совершенствования законодательства [10, с. 399].

Ряд публикаций рассматривает ГЧП как инструмент социально-экономического развития. И.В. Новикова подчёркивает роль партнёрства как современной бизнес-модели, способной ускорить модернизацию инфраструктуры [11, с. 48]. В работах В.И. Валюшицкого и Е.А. Дадеркиной анализируется состояние институциональной среды ГЧП и предлагаются направления её совершенствования [12, с.62].

Наконец, вопросы проектного финансирования в ГЧП рассматриваются Е.А. Кузьмич, которая выделяет ключевые характеристики проектного финансирования и оценивает возможности его применения в белорусских условиях [13, с. 18].

В целом анализ научных публикаций показывает, что исследователи уделяют значительное внимание институциональным, правовым и финансовым аспектам развития ГЧП, а также отраслевой специфике его применения. Вместе с тем

сохраняется потребность в углублённых исследованиях эффективности реализованных проектов, механизмов привлечения частного капитала и интеграции ГЧП в стратегию устойчивого развития городов.

Анализ развития государственно-частного партнёрства в Республике Беларусь показал, что данный механизм прошёл несколько ключевых этапов своего формирования:

1. **1991–2001 гг. – формирование инвестиционной базы.** Приняты первые законы об инвестициях и иностранных инвестициях; в 2001 г. – Инвестиционный кодекс, закрепивший концессионные механизмы.

2. **2011–2015 гг. – институционализация ГЧП.** Программа деятельности Правительства определила ГЧП как приоритет; приняты законы «Об инвестициях» и «О концессиях» (2013), создан МИКС (2014), утверждён Национальный инфраструктурный план (2015).

3. **2015–2019 гг. – формирование специализированного правового режима.** Принят Закон «О государственно-частном партнёрстве» (2015/2016); начата подготовка пилотного проекта М-10; внесены первые изменения в законодательство (2018).

4. **2020 г. – н.в. – практическая реализация и модернизация регулирования.** Проведён конкурс по проекту М-10; принят Закон № 194-З (2022/2023), упростивший процедуры ГЧП и обновивший подзаконные акты; утверждены новые методические документы.

В целом в Республике Беларусь сформирована базовая нормативная и институциональная архитектура государственно-частного партнёрства, обеспечена подготовка кадрового потенциала, а практическая реализация проектов концентрируется преимущественно в сферах дорожной, инженерной и социальной инфраструктуры [14, с. 171; 15, с. 105]. При этом характер и динамика внедрения механизмов ГЧП существенно варьируется в зависимости от отрасли. Наиболее существенные различия проявляются между социальной сферой (образование, здравоохранение, культура) и классической инфраструктурой, включающей транспорт, инженерные сети и коммунальные объекты [16, с. 7]. Систематизированное представление ключевых характеристик приведено в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительные характеристики социальной и инфраструктурной сфер в контексте применения ГЧП

Критерий сравнения	Социальная сфера	Инфраструктурная сфера
Социальная значимость	Очень высокая; услуги напрямую влияют на качество жизни населения	Высокая, но менее чувствительная; влияние опосредованное
Регулирование ценообразования	Жёсткое государственное регулирование; ограниченная возможность рыночного ценообразования	Более гибкое; возможны рыночные тарифы при наличии контроля
Платёжеспособность пользователей	Ограниченная; требуется субсидирование, льготы, компенсации	Выше; возможна частичная или полная оплата пользователями
Финансовая устойчивость проектов	Зависит от бюджетной поддержки и механизмов доступности	Может обеспечиваться за счёт спроса и тарифной выручки
Измеримость результатов	Сложная; преобладают качественные и долгосрочные социальные эффекты	Более простая; доминируют количественные и технические показатели
Распределение рисков	Значительная часть рисков остаётся у государства (социальные стандарты, доступность)	Возможна передача большей части рисков частному партнёру
Горизонт планирования	Долгосрочный; социальные эффекты проявляются постепенно	Средне- и долгосрочный; технические результаты проявляются быстрее
Политическая чувствительность	Очень высокая; ошибки вызывают общественный резонанс	Ниже; общественная реакция менее острая
Типичные модели ГЧП	Контракты жизненного цикла, платежи за доступность (availability payments), социальные концессии	Классические концессии, проектное финансирование, BOOT-модели
Основные барьеры	Ограниченная платёжеспособность, сложность оценки эффектов, высокая чувствительность	Тарифные риски, необходимость крупных инвестиций, длительные сроки окупаемости

Сравнительный анализ показывает, что социальная сфера характеризуется высокой чувствительностью, ограниченной платёжеспособностью пользователей и сложностью измерения результатов, что требует активного участия государства в финансировании, регулировании и контроле качества услуг. В инфраструктурных проектах, напротив, возможна более широкая передача рисков частному партнёру, а финансовая устойчивость чаще обеспечивается за счёт тарифной выручки и прогнозируемого спроса.

Таким образом, специфика социальной сферы обуславливает необходимость адаптации моделей ГЧП, усиления механизмов бюджетной поддержки и разработки специализированных методик оценки социального эффекта. В инфраструктурной сфере, напротив, ключевыми факторами успешности являются точность

прогнозирования спроса, качество проектного финансирования и эффективность распределения рисков.

Международная и региональная практика показывает, что успешные проекты ГЧП в социальной сфере строятся на контрактных моделях, в которых ключевыми являются показатели качества и доступности услуг, а не только финансовые параметры проекта [17, с. 48]. В Республике Беларусь государственно-частное партнёрство рассматривается как инструмент реализации социально значимых инфраструктурных проектов с привлечением частного капитала на долгосрочной основе (10–30 лет). В качестве ключевых предпосылок развития данного механизма подчёркиваются высокий уровень износа инфраструктурных объектов и ограниченность бюджетных ресурсов, что обуславливает необходимость поиска альтернативных форм финансирования и управления. Среди ключевых преимуществ применения механизмов государственно-частного партнёрства выделяются следующие положения:

1) ГЧП обеспечивает привлечение внебюджетных инвестиций, а также современных управленческих практик частного сектора, что способствует повышению эффективности реализации инфраструктурных проектов;

2) механизм ГЧП позволяет осуществлять более рациональное распределение рисков между государством и частным партнёром, закрепляя их за той стороной, которая обладает наибольшими возможностями для их минимизации;

3) использование ГЧП способствует повышению качества и устойчивости предоставления услуг, что обеспечивает дополнительные преимущества для общественности как конечного бенефициара партнёрских проектов [18, с. 9].

Вместе с тем результаты исследований, проведённых белорусскими и российскими авторами, позволяют констатировать наличие комплекса системных ограничений, существенно сдерживающих развитие государственно-частного партнёрства. Прежде всего отмечается сохраняющаяся доминирующая роль государства в инициировании, структурировании и управлении проектами, что обуславливает ограниченный характер фактического партнёрства и недостаточную степень перераспределения полномочий, ответственности и рисков между участниками [19]. Такая институциональная асимметрия снижает мотивацию частного сектора к участию в долгосрочных инфраструктурных инициативах и ограничивает возможности внедрения инновационных управленческих решений. Кроме того, в научной литературе подчёркивается недостаточная стандартизация процедур подготовки и реализации проектов ГЧП [20, с. 24]. К числу ключевых проблем относятся отсутствие унифицированных типовых контрактов, недостаточная методическая проработанность процедур отбора частных партнёров, а также фрагментарность подходов к

структурированию проектов. Указанные факторы приводят к увеличению транзакционных издержек, росту правовой неопределённости и снижению предсказуемости результатов взаимодействия сторон. Дополнительным ограничением выступает выраженная территориальная неоднородность практики применения ГЧП [21, с. 42; 22, с. 3]. Реализация проектов концентрируется преимущественно в транспортной и коммунальной инфраструктуре, тогда как социальная сфера остаётся недостаточно охваченной. Такая диспропорция свидетельствует о различиях в институциональной готовности регионов, уровне компетенций и доступности финансовых ресурсов.

Для регионального уровня, включая административно-территориальные единицы, характерен комплекс специфических институциональных и финансовых барьеров. Среди них выделяются ограниченные компетенции органов местного управления в сфере подготовки, структурирования и сопровождения проектов; недостаточная подготовленность и ограниченная доступность специалистов, обладающих профильными компетенциями; неразвитость механизмов долгосрочного финансирования; отсутствие гарантий и эффективных инструментов страхования рисков частного инвестора. Совокупность указанных факторов существенно снижает инвестиционную привлекательность региональных проектов и ограничивает возможности масштабирования практики ГЧП на местный уровень.

На основании анализа нормативно-правовых актов, официальных материалов и научных исследований установлено, что развитие государственно-частного партнёрства в городской социальной инфраструктуре ограничивается совокупностью нормативно-правовых, финансово-экономических, управленческих и социально-коммуникационных барьеров. К нормативно-правовым и институциональным барьерам относятся фрагментарность регулирования, недостаточная детализация требований к проектам ГЧП в социальной сфере, отсутствие унифицированных типовых контрактов, а также недостаточная институциональная обеспеченность на региональном уровне. Финансово-экономические барьеры проявляются в низкой коммерческой окупаемости проектов, необходимости применения сложных механизмов бюджетной поддержки, ограниченном доступе административно-территориальных единиц к долгосрочному финансированию и высоком уровне воспринимаемого риска со стороны частных инвесторов. Управленческие и компетентностные барьеры включают недостаточный уровень подготовки специалистов органов местного управления в области проектного управления, оценки жизненного цикла проектов и распределения рисков, а также ограниченное применение современных методов оценки социально-экономической

эффективности. Социально-коммуникационные барьеры выражаются в недостаточной открытости информации о проектах ГЧП, слабой институционализации механизмов общественного участия и низком уровне доверия населения к частному участию в развитии социальной инфраструктуры. Совокупность указанных барьеров определяет необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, развития институциональной инфраструктуры на муниципальном уровне, расширения финансовых инструментов и повышения качества коммуникаций с населением.

Вместе с тем установлено, что успешность реализации проектов государственно-частного партнёрства в социальной инфраструктуре определяется совокупностью правовых (наличие стабильной нормативной базы и типовых контрактов), финансовых (сбалансированная структура финансирования и использование инструментов бюджетной поддержки), методических (комплексная оценка экономических и социальных эффектов), организационно-управленческих (обоснованное распределение строительных, операционных, рыночных и политических рисков) и социально-коммуникационных факторов (учёт интересов пользователей и обеспечение доступности услуг). Эффективное использование государственно-частного партнёрства в развитии городской социальной инфраструктуры требует системного совершенствования нормативной, институциональной, финансовой и управленческой среды. На основе анализа отечественной практики и международного опыта можно выделить ряд стратегических направлений, реализация которых способна повысить результативность ГЧП-инициатив и обеспечить устойчивость инфраструктурных проектов. Ключевые направления и соответствующие меры представлены в таблице 2.

Таблица 2

Стратегические направления совершенствования механизма ГЧП

Стратегическое направление	Ключевые меры	Ожидаемый результат
1. Совершенствование нормативно-правовой и институциональной среды	• Разработка специализированных правовых регламентов и методических рекомендаций; • Создание типовых форм контрактов; • Формирование муниципальной институциональной инфраструктуры ГЧП.	Снижение правовой неопределённости, сокращение транзакционных издержек, повышение привлекательности проектов.
2. Развитие финансовых механизмов и инструментов поддержки	• Внедрение смешанных схем финансирования; • Использование платежей за доступность и субсидий; • Развитие муниципального инфраструктурного финансирования.	Расширение круга инвесторов, снижение стоимости капитала.

Стратегическое направление	Ключевые меры	Ожидаемый результат
3. Внедрение комплексных методик оценки и отбора проектов	• Стандартизация подходов к подготовке и оценке проектов; • Разработка критериев приоритизации; • Применение сценарного анализа и стресс-тестирования.	Отбор жизнеспособных проектов, снижение риска неуспешной реализации.
4. Оптимизация распределения рисков и контрактного дизайна	• Чёткая идентификация и распределение рисков; • Использование гибких контрактных моделей; • Включение KPI, связанных с платёжными механизмами.	Повышение устойчивости проектов, снижение конфликтности.
5. Развитие компетенций органов местного управления	• Обучение муниципальных сотрудников; • Внедрение проектного управления; • Развитие сетевого взаимодействия городов.	Повышение качества подготовки и реализации проектов.
6. Обеспечение прозрачности и участия общества	• Создание публичных реестров проектов; • Общественное обсуждение проектов; • Мониторинг качества услуг.	Рост доверия, снижение социальных конфликтов.
7. Гарантии социальной справедливости и доступности услуг	• Закрепление социальных обязательств в контрактах; • Использование таргетированных механизмов компенсации; • Контроль качества услуг.	Сохранение социальной функции инфраструктуры, баланс интересов общества и инвесторов.

Представленные направления отражают комплексный подход к развитию механизма ГЧП, предполагающий одновременное совершенствование правовой базы, финансовых инструментов, процедур оценки проектов и управленческих компетенций. Особое значение имеет обеспечение прозрачности и социальной ориентированности ГЧП-инициатив, что позволяет укрепить доверие населения и повысить общественную поддержку инфраструктурных проектов. Реализация указанных мер создаёт предпосылки для формирования устойчивой модели партнёрства государства и бизнеса, способной обеспечить модернизацию городской социальной инфраструктуры в условиях ограниченности бюджетных ресурсов и необходимости повышения качества предоставляемых услуг.

Реализация стратегических направлений совершенствования механизма государственно-частного партнёрства в Беларуси требует поэтапного подхода, учитывающего различия в институциональной готовности, финансовых возможностях и уровне компетенций органов местного управления. В целях систематизации мероприятий предлагается практико-ориентированная дорожная карта, охватывающая краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы. Основные этапы представлены в таблице 3.

Таблица 3

Практико-ориентированная дорожная карта реализации стратегических направлений
ГЧП

Период	Ключевые направления деятельности
Краткосрочная перспектива (1–2 года)	• Разработка и утверждение типовых контрактов и методик оценки проектов в социальной сфере; • Уточнение критериев отбора проектов ГЧП на местном уровне; • Запуск пилотных проектов в наиболее готовых сегментах (дошкольное образование, спортивные объекты); • Формирование или укрепление специализированных подразделений по ГЧП в крупных городах.
Среднесрочная перспектива (3–5 лет)	• Масштабирование успешных моделей пилотных проектов на другие города и подотрасли социальной инфраструктуры; • Развитие и тестирование финансовых инструментов (инфраструктурные облигации, гарантийные схемы, выплаты за доступность); • Создание цифровых систем мониторинга ГЧП-проектов и публичных реестров.
Долгосрочная перспектива (5+ лет)	• Интеграция ГЧП в стратегические документы социально-экономического развития городов; • Непрерывное совершенствование нормативной базы с учётом накопленного опыта и международных тенденций; • Формирование устойчивых партнёрских экосистем между государством, бизнесом и обществом, институционализация механизмов участия населения.

Представленная дорожная карта отражает последовательный переход от формирования базовых условий для применения ГЧП к масштабированию успешных практик и их интеграции в долгосрочные стратегии городского развития. На начальном этапе ключевое значение имеет создание нормативно-методической базы и запуск пилотных проектов, позволяющих протестировать механизмы взаимодействия и выявить институциональные барьеры. Среднесрочный период предполагает расширение спектра финансовых инструментов и внедрение цифровых систем управления, обеспечивающих прозрачность и контроль качества. В долгосрочной перспективе ГЧП должно стать устойчивым элементом городской политики, опирающимся на развитую нормативную среду, профессиональные компетенции и активное участие общества.

Механизм ГЧП обладает значительным потенциалом для ускорения модернизации городской социальной инфраструктуры при сохранении её социальной направленности. Для его реализации необходим комплексный стратегический подход, включающий совершенствование правовой и институциональной среды, развитие финансовых инструментов, внедрение стандартизированных методик оценки и отбора проектов, оптимизацию контрактного дизайна и распределения рисков, наращивание

компетенций муниципалитетов, повышение прозрачности и обеспечение социальной справедливости.

Предложенные стратегические направления и дорожная карта создают основу для формирования в городах устойчивой системы ГЧП, способной обеспечить синергию ресурсов государства и бизнеса в интересах населения.

References

1. Карпович, В. Ф. Государственно-частное партнерство как способ финансирования инфраструктурных проектов «умного» города / В. Ф. Карпович, К. Н. Драгун // International Journal of Professional Science. – 2023. – № 4. – С. 101-111.
2. О государственно-частном партнерстве : Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2015 г. № 345-З : с изм. и доп. от 08 июля 2024 г. № 27-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11500345>. (дата обращения: 02.11.2025).
3. Заборовский, А. ГЧП: международный опыт и перспективы для Беларуси / А. Заборовский, М. Ермолович, Е. Дадеркина // Финансы, учет, аудит : научно-практический журнал. – 2014. – № 9. – С. 11-15.
4. Брасс, А. ГЧП при развитии социальной инфраструктуры в Республике Беларусь / А. Брасс, Г. Терешкова. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, cop. 2017. – 96 с.
5. Захарченко, Л. А. Создание условий для развития ГЧП в Республике Беларусь / Л. А. Захарченко // II Международная научно-практическая конференция «Перспективы инновационного развития Республики Беларусь», 19-20 мая 2011, г. Брест : сборник научных статей / [редколлегия: А. М. Омелянюк (ответственный редактор) и др.]. – Брест, 2011. – С. 277-280.
6. Зазерская, В. В. Особенности отбора частного партнера инфраструктурного проекта в форме ГЧП / В. В. Зазерская // Вестник Брестского государственного технического университета : научно-теоретический журнал. – 2019. – № 3. – С. 32-35.
7. Довнар, Р. Инновационное развитие медицины с использованием механизма ГЧП как институциональная экстерналия / Р. Довнар, В. Коврей // Наука и инновации. – 2020. – № 3. – С. 41-44.
8. Борушко, Е. П. Положение о порядке подготовки и реализации проектов ГЧП: разработка проектов, этапы создания и эксплуатации объектов / Е. П. Борушко // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : V Международная научно-практическая конференция (г. Брест, 24-25 апреля 2014 г.) : сборник научных статей / [редколлегия: П. С. Пойта и др.]. – Брест, 2014. – С. 271-273.

9. Дадеркина, Е. А. Риски государства и бизнеса при реализации проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) / Е. А. Дадеркина, М. Ю. Усик // Экономика и управление : ежеквартальный научный и производственно-практический журнал. – 2012. – № 4. – С. 3-9.
10. Дадеркина, Е. А. Правовые вопросы, касающиеся государственно-частного партнерства (ГЧП) в развитии инфраструктуры: мировой опыт и проблемы развития в Беларуси / Е. А. Дадеркина // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей / Учреждение образования «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы». – Гродно, 2013. – С. 399-409.
11. Новикова, И.В. Государственно-частное партнерство: мода или тренд : бизнес-модель ГЧП позволяет обеспечить социально-экономическое развитие ускоренными темпами / И.В. Новикова // Экономика Беларуси : итоги, тенденции, прогнозы. – 2013. – № 1. – С. 48-53.
12. Валюшицкий, В. И. Институциональная среда государственно-частного партнерства в Беларуси: состояние и направления развития / В. И. Валюшицкий, Е. А. Дадеркина // Проблемы управления. – 2015. – № 2. – С. 62-69.
13. Кузьмич, Е. А. Ключевые характеристики проектного финансирования и возможности его использования в государственно-частном партнерстве / Е. А. Кузьмич // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2012. – № 6. – С. 18-23
14. Яшева, Г. А. Государственно-частное партнерство: институциональные предпосылки и направления развития в Республике Беларусь / Г. А. Яшева // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2015. – № 2(29). – С. 164-180.
15. Яшева, Г. А. Формирование механизмов государственно-частного партнерства в инновационной сфере Республики Беларусь: теоретические основы и практические механизмы / Г. А. Яшева. – Витебск : Витебский государственный технологический университет, 2015. – 250 с.
16. Меркулина, И. А. Методические материалы к программе обучения сотрудников органов государственного и местного управления «Подготовка и реализация проектов ГЧП: теория и практика» / И. А. Меркулина, В. В. Максимов, Т. Н. Коновалова. – Минск: ТРАНСПРОЕКТ Групп, 2019. – 89 с.
17. Ковалева, И. П. Актуальные аспекты развития государственно-частного партнёрства в социальной сфере / И. П. Ковалева, О. В. Митрофанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 10(492). – С. 44-53. – DOI 10.47475/1994-2796-2024-492-10-44-53.

18. Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза : Практическое руководство для инвесторов / П. Л. Селезнев, А. А. Галкин, М. В. Ткаченко [и др.]. – Москва : Центр развития ГЧП, 2017. – 80 с. – ISBN 978-5-9905603-4-5.
19. Фадеев, В. Что мешает развитию государственно-частного партнёрства в Беларуси? / В. Фадеев // Экономическая газета. – URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/chto-meshaet-razvitiyu-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-belarusi/>. . – Дата публ.: 24.08.2018.
20. Банных, Г. А. Развитие механизмов государственно-частного партнерства на региональном уровне в современных условиях / Г. А. Банных, С. А. Головина // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Т. 7, № 2(24). – С. 18-32. – DOI 10.18522/26585820.2024.2.2.
21. Сментына, Н. Роль ГЧП в обеспечении сбалансированного развития территориальных социально-экономических систем / Н. Сментына, Н. Клевцевич // Вестник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Экономика. – 2017. – № 194. – С. 39-45. – DOI 10.17721/1728-2667.2017/194-5/6.
22. Котяткин, А. А. Региональный опыт развития проектов государственно-частного партнерства на примере Ярославской области / А. А. Котяткин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 4(130). – DOI 10.23670/IRJ.2023.130.26.

CONCLUSION

Issue 12(1) of the International Journal of Professional Science concludes, leaving readers with rich food for thought and practical application. The diversity of topics presented—from the intricacies of economic forecasting and innovative approaches to personnel management to the analysis of international economic relations, complex legal issues in the digital age, and socially significant initiatives—demonstrates the breadth and depth of contemporary academic research.

Each article in this issue is an important contribution to its field, offering new perspectives, methodologies, and practical recommendations. These works highlight the relevance of studying the impact of global and national processes on the economy, society, and law, as well as the importance of adapting to rapidly changing conditions. Particular attention to issues of economic security, gender equality, crisis management, and the development of legal frameworks for new activities such as eSports reflects a commitment to comprehensive development and solutions to pressing issues.

We express our gratitude to all authors for their contributions and high-quality research, which enrich the academic community and advance professional knowledge. We hope that the materials presented will inspire readers to further research and fruitful collaboration, emphasizing the continuing role of science as a driving force for progress and development.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№12(1.1)/2025

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 7,6
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”